

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2020

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Билалов Мустафа Исаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Вези́ров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Галу́стов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Горобец Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталия Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изгоруло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2020 г.

№ 2

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>

E-mail:

vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Ключников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Иятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понярина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилюк Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Тупичкина Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой общей педагогики ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Серсезяевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Данильянц Э.И.

Актуальные проблемы истории развития профильного обучения
в общеобразовательной школе 5

Соловей Д.В., Науменко А.А.

Научно-технологический подход к формированию здоровья будущих
воинов 14

Третьяченко Д.С.

Проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов
в высшем учебном заведении 24

Трубачев И.В., Соловей Д.В.

Сущность педагогической оптимизации и ее задачи в военном вузе 29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Дударев С.Л.

Новое исследование о судьбах русского населения Кавказа 37

Колосовская Т.А.

О военной истории А.Л. Гизетти и его трудах 51

Матвеев В.А.

Вандея как разновидность гражданской войны 59

Ткаченко Д.С.

Организация изучения сопредельных Кавказу земель А.П. Ермоловым
в 1816–1823 гг. 69

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Диванян О.Г.

Семиотические предпосылки языка танца: социально-философский аспект 77

Понарина Н.Н.

Влияние глобализационных процессов на развитие информационного
общества: социально-философский анализ 85

Пчелина О.В.

Эклектизм как мировоззрение: случай Д.С. Мережковского 92

Скрипник К.Д.

Дж. Серль: аналитико-семиотический каркас конструирования
социальной онтологии 102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 110

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник
Армавирского государственного педагогического университета» 113

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Danilyants E.I.

Actual Problems of the History of the Development of Subject-Matter Education in Secondary Schools	5
---	---

Solovey D.V., Naumenko A.A.

Scientific-Technological Approach to Forming Health of Future Military Personnel	14
---	----

Tretyachenko D.S.

The Problems of Socio-cultural Adaptation of Foreign Students in the Higher Education Institution	24
--	----

Trubachev I.V., Solovey D.V.

The Essence of Pedagogical Optimization and Its Tasks at the Military School	29
--	----

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Dudarev S.L.

A New Research on Destinies of the Russian Population of the Caucasus	37
---	----

Kolosovskaia T.A.

On the Military Historian A.L. Gizetti and His Works	51
--	----

Matveev V.A.

Vendee as a Variety of a Civil War	59
--	----

Tkachenko D.S.

The Survey of the Caucasus Frontier Lands by A.P. Yermolov in 1816–1823	69
---	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Divanyan O.G.

Semiotic Prerequisites for the Language of Dance: Socio-Philosophical Aspect	77
---	----

Ponarina N.N.

The Influence of Globalization Processes on the Development of Information Society: Socio-Philosophical Analysis	85
---	----

Pchelina O.V.

Eclecticism as a Worldview: the Case of D.S. Merezhkovsky	92
---	----

Skripnik K.D.

J. Searle: the Analytic-semiotic Frame of the Construction of Social Ontology	102
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	110
-------------------------------------	-----

NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	113
--	-----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 373.5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Э.И. Данильянц

ACTUAL PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SUBJECT-MATTER EDUCATION IN SECONDARY SCHOOLS

E.I. Danilyants

Аннотация. В статье рассматривается сущность профильного обучения в общей образовательной школе, история профильного образования, анализируются основные положения государственных программ по реализации профильного обучения, выделяются требования к общему среднему образованию, акцентируются предметные, межпредметные и личностные области развития учащихся.

Abstract. The article examines the essence of specialized education in general education schools, the history of subject-matter education. The main provisions of state programs for the implementation of subject-matter education are analyzed; the requirements for general secondary education are singled out; the subject, inter-subject and personal areas of students' development are focused on.

Ключевые слова: стандарт, профильное обучение, содержание образования, вариативность, индивидуализация и дифференциация, самореализация, модель, проект.

Keywords: standard, subject-matter education, content of education, variability, individualization and differentiation, self-realization, model, project.

Анализ истории развития образования в России показывает, что попытки ранней профилизации молодежи предпринимались не раз и в разные периоды имели разные задачи, результаты и последствия. Так в российской образовательной системе также можно проследить динамику становления и развития профильного обучения. Так впервые разделение «классического» и «реального» образования было предусмотрено в нашей стране в Уставе гимназий и прогимназий 1864 г. По уставу в России были установлены классические и реальные гимназии. В реальных гимназиях предусматривалось изучение предметов естественно-математического цикла значительно больше, чем в классических гимназиях. Но при этом выпускникам реальных гимназий был ограничен доступ в университеты.

По содержанию образовательных курсов и направленности их на практические области применения реальные училища можно считать прообразом профильной школы. Однако по Уставу гимназий и прогимназий 1871 года все реальные гимназии в России были упразднены.

Обучение в реальных училищах было направлено на приобретение практических знаний и умений, в которых нуждались промышленники, предприниматели, торговцы. Продолжить образование можно было в коммерческих училищах, считавшимися передовыми школами своего времени. Наиболее престижным в то время считалось Московское коммерческое училище, предназначенное для подготовки торгового сословия России.

Вторая попытка дифференциации и организации профильного обучения в России была предпринята в реформах образования 1915–1916 годов, в которых было предложено разделить 4–7-й классы гимназии на три ветви: ново-гуманитарную, гуманитарно-классическую и реальную. Однако реформы, начатые после октябрьской революции, не дали возможность реализации основным положениям данной реформы.

В реформах новой советской школы на основе «Положения о единой трудовой школе» 1918 года предусматривалась профилизация содержания обучения на старшей ступени школы с выделением гуманитарного, естественно-математического и технического направлений. В рамках Единой трудовой школы была запланирована реализация комплексных программ ГУСа, которые предусматривали социально-производственные проекты [8]. Однако, несмотря на большой творческий потенциал и возможность приближения образования к жизни, такая профессионализация в школе вскоре была заменена опять предметным обучением.

К проблеме профилизации советская школа опять вернулась в 1958 году в связи с принятием «Закона укрепления связи школы с жизнью», в котором основной задачей школы была определена подготовка молодежи к общественно полезному труду и повышению уровня политехнического образования. Для учащихся 8–10 классов был введен новый предмет «Основы промышленного и сельскохозяйственного производства», реализация которого планировалась проводить на базе промышленных предприятий в городе и на базе колхозов в сельской местности. Средняя школа профилирована и перешла на одиннадцатилетний срок обучения, на старшей ступени которой учащиеся наряду с изучением учебных предметов целый семестр непосредственно на производстве осваивали разные профессии. Но и эта попытка профилизации потерпела неудачу, школы с профессиональным обучением вновь были реорганизованы в обычные школы-десятилетки.

К вопросам дифференцированного обучения в советской школе и педагогической науке вернулись в середине XX века в контексте углубленного изучения отдельных предметов при едином для всех учащихся уровне общего образования. В этот период активно обсуждалась идея «фуркации», как раз и предполагавшая более приближенную к производственной сфере подготовку

учащихся. Однако от термина и идеи «фуркация» совсем отказались, в будущем используя понятие только понятие «дифференциации».

Дифференциации и индивидуализация обучения в отечественной науке долгое время понималась несколько многозначно: и как принцип обучения, или как способ организации познавательной активности учащихся, и как одна из основ формирования содержания обучения. Целостная концепция дифференцированного обучения была разработана 30–40 лет назад, однако в ней еще не акцентировался профессиональный аспект.

В 60-х гг. вновь вернулись к обсуждению проблемы «фуркации образования». Фуркация – это разработка учебного плана для старших классов средних школ по уклонам в сторону определенной группы учебных (профилирующих) предметов. Фуркация не предполагала полного исключения из учебных планов других предметов, но переводила их в блок непрофилирующих, что влекло соответствующее сокращение объема времени, предусмотренного на освоение общеобразовательных предметов. Однако на практике профильное обучение так и не было введено, и термин тоже был вытеснен из научного тезауруса.

В Постановлении ВС СССР от 12.04.1984 № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» основной задачей советской школы на новом этапе развития была поставлена улучшение трудовой подготовки, профессиональной ориентации школьников, усиление политехнической направленности и переход ко всеобщему профессиональному образованию молодежи.

Параллельно с этим учащимся 8–10 классов предоставлялась возможность углубленного изучения отдельных предметов физико-математического, химико-биологического и общественно-гуманитарного циклов с помощью факультативных занятий. В тесной связи с трудовым обучением предлагалось обеспечивать экономическое воспитание учащихся, чтобы они практически включились в производственные отношения, получали жизненные представления о социалистической собственности, плане, трудовой и производственной дисциплине, заработной плате, учились ценить трудовой рубль [5]. В 1988 году было поддержано предложение построения системы образования с дифференцированным обучением в VIII–XI классах, обеспечивающее школьникам возможность свободно выбирать профиль обучения в соответствии с индивидуальными интересами и способностями. Для реализации дифференцированного обучения было разработано новое содержание профильного образования.

Значимым событием в развитии профильного обучения в российской школе можно считать принятая в 2002 году «Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования». В концепции в числе основных задач профильного обучения выделены:

1) обеспечение углубленного изучения отдельных учебных предметов по программам среднего (полного) общего образования;

2) создание условий для существенной дифференциации содержания обучения старшеклассников с широкими и гибкими возможностями построения школьниками индивидуальных образовательных программ;

3) установление равного доступа к полноценному образованию разным категориям учащихся в соответствии с их способностями, индивидуальными склонностями и потребностями;

4) расширение возможностей социализации учащихся, обеспечение преемственности между общим и профессиональным образованием, более эффективной подготовки выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования [1].

В «Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования» приведены примерные учебные планы четырех профилей: естественно-математического, социально-экономического, гуманитарного, технологического. Однако этот перечень не является исчерпывающим и жестко регламентированным, что позволяет на практике расширять или сужать название и содержательное наполнение профильного обучения. На основе концепции (2002) в базовом учебном плане, разработанном Министерством образования и науки РФ в 2004 г., предложено уже 12 основных профилей: физико-математический, физико-химический, химико-биологический, биолого-географический, социально-экономический, социально-гуманитарный, филологический, информационно-технологический, агротехнологический, индустриально-технологический, художественно-эстетический, оборонно-спортивный, а также непрофильное (универсальное) обучение.

Предлагаемый подход к формированию содержания образования по каждому профилю исходит из идеи построения более широкого профиля, чем это принято в школах с углубленным изучением отдельных предметов, где реализуется большая специализация образования. При этом в рамках каждого отдельного профиля возможна (прежде всего, за счет элективных курсов) дополнительная внутрипрофильная специализация (например, филологическая в рамках гуманитарного профиля) [3].

Таким образом, опыт осуществления профильного обучения свидетельствует о наличии ряда проблемных вопросов методологического, теоретического и методического плана. При этом существенны и преимущества, открывающиеся в русле профилизации старшей школы.

Как видно по этим задачам, профильное обучение в системе общего образования предусматривает такую его организацию, которая включает изучение обязательных предметов и предметов, самостоятельно выбираемых учащимися для углубленного изучения в рамках какого-либо профиля. Таким образом, создаются условия для дифференциации содержания обучения, составления индивидуальных учебных траекторий; обеспечения углубленного изучения отдельных предметов и возможностей учащихся в самореализации.

Отметим, что современная идея профилизации, хотя и продолжает линию дифференцированного обучения, имеет специфические акценты. Речь

идет не просто об углубленном изучении старшеклассниками более сложного материала, освоении ими специальных тем и развитии специфичных навыков. В условиях профильной школы им должна быть предоставлена возможность сделать обоснованный профессиональный выбор, благодаря лучшему пониманию себя, ориентации в избираемых предметных областях, которые лежат в основе направлений профессиональной подготовки, а также приобретению соответствующих знаний и навыков. Адекватная реализация предоставляемых школой возможностей в индивидуальном опыте учащегося предполагает достижение им социальной зрелости как важнейшего параметра становления личности и ее индивидуальности.

Отметим при этом, что «профильное обучение» не является синонимом «профильной школы». В соответствии с принятой Концепцией профильного обучения и другими программными документами, профильное обучение может осуществляться как в рамках профильной школы (как один из вариантов), так и по индивидуальному учебному плану, через формы сетевого взаимодействия учреждений образования и т. д.

Дальнейшие перспективы развития профильного обучения связаны с идеологией образовательных стандартов, появившихся в 1990-е годы. В ФГОС общего среднего образования одной из приоритетных задач общего среднего образования выделен «осознанный выбор учащимися будущей профессии и возможностей реализации собственных жизненных планов, свое отношение к профессиональной деятельности как возможности участия в решении личных, общественных, государственных, общенациональных проблем» [9]. Организациям, осуществляющим образовательную деятельность, в стандартах предписано обеспечивать реализацию учебных планов одного или нескольких профилей обучения (естественнонаучный, гуманитарный, социально-экономический, технологический, универсальный), при наличии необходимых условий профессионального обучения для выполнения определенного вида трудовой деятельности (профессии) в сфере технического и обслуживающего труда.

Основные требования к реализации профильного образования выделены в предметных, метапредметных и личностных областях развития учащихся. Так в них указано, что предметные результаты освоения основной образовательной программы для учебных предметов на углубленном уровне должны быть ориентированы преимущественно на подготовку к последующему профессиональному образованию, развитие индивидуальных способностей, обучающихся путем более глубокого, чем это предусматривается базовым курсом, освоение систематических знаний и способов действий, присущих данному учебному предмету.

Переход старшей ступени общеобразовательной школы на профильное обучение свидетельствует о том, что российская система образования движется в русле современных мировых и европейских тенденций. Так, элементы принятой в нашей стране системы профилизации средней школы можно

встретить в структуре систем образования Дании, Франции, Польши, США и т. д. При этом некоторые черты отечественного подхода к организации образовательного процесса являются уникальными, в частности, создание портфолио учащегося как отражение результатов его продвижения по образовательной траектории.

Можно отметить, что на сегодняшний день в школах Западной Европы и США принята концепция «Образование для карьеры». В основе этой концепции лежит положение о том, что обучение в школе должно способствовать подготовке будущих выпускников к профессиональной деятельности в конкурентных условиях рынка. Как показывает практика, в соответствии с требованиями новых образовательных стандартов система образования во всех развитых странах на уровне старших классов общеобразовательной школы постепенно переходит к профильному обучению, позволяющему школьникам проявить и реализовать свои природные возможности и потенциальные способности.

На данный момент можно констатировать, что введение системы профилей в средней школе России отвечает мировым тенденциям образования подрастающего поколения, социальному заказу общества и опирается на значительный опыт практической реализации и теоретического осмысления проблемы.

Проведенный анализ нормативных документов и практики реализации профильного обучения показывает, что профильное обучение не может обойтись без сокращения инвариантного компонента содержания образования. В отличие от школ с углубленным изучением предметов, где один или несколько учебных предметов преподаются по усложненным программам, а остальные – на базовом уровне, в ситуации профильного обучения предусмотрено относительное сокращение материала непрофильных дисциплин, которые изучаются с целью завершения базового общего образования учащихся. Модели профильного обучения в старших классах предполагают разнообразные комбинации учебных предметов, что должно обеспечивать гибкость и динамизм всей системе. На сегодняшний день профильное обучение предполагает изучение следующих типов учебных дисциплин: базовые общеобразовательные дисциплины, профильные общеобразовательные и элективные дисциплины.

Динамика становления и развития профильного образования на уровне общего среднего образования показывает, что эта проблема периодически возникала и находила разные вариации своего решения на всем протяжении развития образования. При этом каждая вариация имела свои методологические основания и теоретические концептуальные подходы.

В теории вариативного образования профильное обучение рассматривается как феномен его дифференциации и индивидуализации за счет изменений

в структуре, содержании и организации образовательного процесса с более полным учетом интересов и способностей учащихся без снижения их общего уровня общеобразовательной подготовки.

В свободной энциклопедии Википедия профильное обучение определена как «система организации среднего образования, при которой в старших классах обучение проходит по разным программам (профилям) с преобладанием тех или иных предметов» [6]. При этом уточнено, что профильное обучение направлено на реализацию личностно-ориентированного учебного процесса и расширение возможности выстраивания учеником индивидуальной образовательной траектории. Основные цели профильного обучения обозначены как:

- обеспечение углубленного изучения отдельных предметов программы полного общего образования;
- создание условий для существенной дифференциации содержания обучения старшеклассников с построением школьниками индивидуальных образовательных программ;
- расширение возможности социализации учащихся через преемственность между общим и профессиональным образованием, а также в подготовке выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования [7].

Профильное обучение старшеклассников определяется и как способ индивидуализации и дифференциации образования за счет изменения структуры, содержания и организации образовательного процесса, который дает возможность учитывать интересы, способности и склонности обучающихся, формировать интерес к продолжению образования и получению определенной профессии [4]. При этом выделен ряд принципов его организации: дифференцированность по профилям, вариативность по индивидуальным программам, интегративность по смежным областям наук, индивидуализированность по интересам и способностям, деятельностный характер по компетенциям, развивающий характер по креативности и интерактивным технологиям.

Профильное обучение в общеобразовательной школе рассматривается и как предпрофильная подготовка старшеклассников. В таком понимании ее определяют, как «систему педагогической, психолого-педагогической, информационной и организационной деятельности, содействующей самоопределению учащихся старших классов основной школы относительно избираемых ими профилирующих направлений обучения и широкой сферы последующей профессиональной деятельности (в том числе в отношении выбора профиля и конкретного места обучения на старшей ступени школы или иных путей продолжения образования)» [2, с. 20].

Система профильного обучения в нашей стране находится на стадии развития и требует поиска и обоснования новых методологических подходов, более продуктивных технологий и объективных критериев оценки качества результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования (утверждена приказом Министерства образования РФ от 18.07.2002 № 2783) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://suvagcentr.ru/userfiles/files/links/konz_prof.pdf.
2. Кравцов, С. С. Теория и практика организации профильного обучения в школах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / С. С. Кравцов. – М., 2007. – 57 с.
3. Кузнецов, А. А. Базовые и профильные курсы: цели, функции, содержание / А. А. Кузнецов // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2003. – № 5. – С. 30–33.
4. Попов, А. А. Сущность профильного обучения старшеклассников [Электронный ресурс] / А. А. Попов // Молодой ученый. – 2015. – № 17. – С. 561–563. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/97/21721/>.
5. Постановление ВС СССР от 12.04.1984 n 13-хi «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [Электронный ресурс]. – Режим доступ: <http://lawru.info/dok/1984/04/12/n1183332.htm>.
6. Прикладная экономика : методическое пособие для преподавателей и бизнес-консультантов. – М. : Мнемозина, 2005. – 270 с.
7. Профильное обучение: Типовые профили / под ред. А. А. Кузнецова. – М. : Вита-Пресс, 2005. – 212 с.
8. Трудовая школа // Педагогический терминологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/3208.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 классы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classinform.ru/fgos/1.4-srednee-obshchee-obrazovanie-10-11-class.html>.

REFERENCES

1. Konceptsiya profil'nogo obucheniya na starshej stupeni obshchego obrazovaniya (utverzhdена priказom Ministerstva obrazovaniya RF ot 18.07.2002 № 2783) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://suvagcentr.ru/userfiles/files/links/konz_prof.pdf.
2. Kravcov, S. S. Teoriya i praktika organizacii profil'nogo obucheniya v shkolah Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk / S. S. Kravcov. – M., 2007. – 57 s.
3. Kuznecov A. A. Bazovye i profil'nye kursy: celi, funkcii, sodержanie / A. A. Kuznecov // Standarty i monitoring v obrazovanii. – 2003. – № 5. – S. 30–33.
4. Popov, A. A. Sushchnost' profil'nogo obucheniya starsheklassnikov [Elektronnyj resurs] / A. A. Popov // Molodoj uchenyj. 2015. – № 17. – S. 561–563. – Rezhim dostupa: <https://moluch.ru/archive/97/21721/>.
5. Postanovlenie VS SSSR ot 12.04.1984 n 13-xi «Ob osnovnyh napravleniyah reformy obshcheobrazovatel'noj i professional'noj shkoly» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostup: <http://lawru.info/dok/1984/04/12/n1183332.htm>.
6. Prikladnaya ekonomika: metodicheskoe posobie dlya prepodavatelej i biznes-konsul'tantov. – M.: Mnemozina, 2005. – 270 s.
7. Profil'noe obuchenie: Tipovye profili / pod red. A. A. Kuznecova. – M.: Vita-Press, 2005. – 212 s.
8. Trudovaya shkola // Pedagogicheskij terminologicheskij slovar' [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/3208.

9. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego obshchego obrazovaniya (10-11 klassy) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://classinform.ru/fgos/1.4-srednee-obshchee-obrazovanie-10-11-class.html>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Данильянц Э.И. Актуальные проблемы истории развития профильного обучения в общеобразовательной школе / Э.И. Данильянц // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 5–13.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Danilyants E.I. Actual Problems of the History of the Development of Subject-Matter Education in Secondary Schools / E.I. Danilyants // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 5–13. (In Russian).

УДК 371.7

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВЬЯ БУДУЩИХ ВОИНОВ

Д.В. Соловей, А.А. Науменко

SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL APPROACH TO FORMING HEALTH OF FUTURE MILITARY PERSONNEL

D.V. Solovey, A.A. Naumenko

Аннотация. В статье актуализирована проблема низкого уровня подготовленности молодых людей к армейской службе по состоянию здоровья, влияние на это дошкольной и школьной среды; даны общие определения понятия здоровья человека, проведены аналитический обзор использования здоровьесберегающих технологий в процессе школьного образования и разработке оптимального их набора для применения в образовательном процессе современной школы.

Abstract. The article actualizes the problem of a low level of preparedness of young people for the army service due to health reasons, the impact of the preschool and school environment. General definitions of the concept of human health are given, an analytical review of the use of health-saving technologies in the process of school education is carried out their optimal set for use in the educational process of a modern school is offered.

Ключевые слова: здоровье детей, школьное воспитание, здоровьесберегающие технологии, формирование здорового поколения, физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье.

Keywords: children's health, school education, health-saving technologies, formation of a healthy generation, physical health, mental health, social health.

На современном этапе развития общества происходит обновление списка общечеловеческих ценностей, одним из ведущих ценностей становится здоровье. В соответствии с политикой государства, важным представляется формирование здоровой, развитой в интеллектуальном, духовном и личностном плане, нации. Это особенно важно при формировании подрастающего поколения молодых людей, решивших связать свою жизнь с профессиональной службой в Вооруженных Силах.

Ценность здоровья, необходимость его охраны и укрепления в качестве важной задачи современности решается с раннего возраста и важным направлением работы учреждений образования является обучение детей заботе о собственном здоровье, реализация различных путей по его сохранению, что обеспечивается за счет применения в учебном процессе различных здоровьесберегающих технологий.

Профессия военного летчика является одной из самых сложных и требовательных к уровню физического, психического и интеллектуального

развития человека. Известно, что данные качественные характеристики человека тесно взаимосвязаны. Народная мудрость гласит: «В здоровом теле – здоровый дух».

Актуальность данного исследования заключается в необходимости с раннего возраста вести подрастающее поколение по пути формирования подготовленного во всех отношениях «кадрового резерва» кандидатов на поступление в военные вузы.

В соответствии со статистическими данными, широко представленными в современных литературных источниках, отмечается не более 10 % практически здоровых школьников. Почти 30 % из числа молодых людей по медицинским показателям не годны к службе в армии. В связи с этим возникает необходимость систематического и целенаправленного применения в образовательно-воспитательном процессе здоровые сберегающих технологий.

Понятие здоровьесбережения, виды и специфика применения здоровые сберегающих технологий отражены в работах В.А. Ананьевой, М.Ф. Антроповой, В.Ф. Базарного, Л.С. Выготского, Н.Н. Куинджи, В.Р. Кучмы, Н.К. Смирнова, М.И. Степанова.

В современной литературе отмечается наличие большого количества определений здоровья.

В словаре С.И. Ожегова под здоровьем понимается «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [8, с. 227].

В Большой Советской энциклопедии здоровье определяется в качестве естественного состояния организма, которое характеризуется наличием равновесия с окружающей средой, при этом отмечается отсутствие болезненных изменений.

В Большой Медицинской энциклопедии здоровье трактуется как состояние организма человека, у которого происходит уравнивание всех органов и систем с условиями внешней среды, при этом отсутствуют болезненные изменения [2, с. 596].

И.И. Брехманом здоровье определяется как способность человека к сохранению соответствующей возрасту устойчивости при резком изменении количественной и качественной составляющей потока информации (сенсорная, вербальная и структурная информация).

Доктором медицинских наук А.Г. Щедринной, используя системный подход, здоровье определено как состояние, которое характеризуется целостностью, многомерностью, динамичностью при реализации генома в условиях конкретной социальной и экологической среды, что предоставляет возможность реализации человеком своих биологических и социальных функций [6, с. 6].

С позиции общей биологии здоровье представляется гармоничным единством обменных процессов, которые происходят между организмом человека и окружающей средой, при этом для обменных процессов в организме

характерна согласованность протекания, что ведет к оптимальному функционированию органов и систем органов.

Опираясь на данное определение, представляется возможным рассмотрение основных структурных компонентов здоровья:

- физическое здоровье;
- психическое здоровье;
- социальное здоровье.

Физическое здоровье – структурный компонент здоровья, включающий в свой состав отсутствие физического дефекта и различных заболеваний, а также наличие резервных возможностей организма, обеспечивающих возникновение адаптационных реакций и способностей органов и систем в организме человека к функционированию в нормальном режиме, при этом у человека отмечается адекватная реакция на воздействия внешней среды [9, с. 6].

Психическое здоровье является структурным компонентом здоровья, в содержание которого включается адекватность восприятия окружающей действительности в соответствии с конкретными обстоятельствами, нормальное протекание различных психических процессов, при этом у человека отсутствуют тяжелые психические расстройства, а функциональные резервы организма позволяют человеку справиться с возникающими трудностями и стрессом. Компонентом психического здоровья человека является эмоциональное здоровье. Под нравственным здоровьем понимается комплекс эмоциональных, волевых, мотивационных и потребностных качеств личности, система, включающая ценности, установки, мотивы поведения в обществе.

Социальное здоровье – структурный компонент здоровья, который характеризуется осознанием человеком себя в качестве субъекта, имеющего определенный пол, способного к взаимодействию с другими членами общества. В рамках социального здоровья формируется система, включающая жизненные ценности, готовность к самоопределению своего образа жизни, социальную активность, способность социально адаптироваться в окружающей действительности

В соответствии со статистическими данными, предоставленными Институтом возрастной физиологии РАО, в школьной образовательной среде присутствует ряд факторов, оказывающих отрицательное влияние на состояние здоровья школьников [11, с. 15].

Основными школьными факторами риска являются:

- использование в процессе обучения стрессовой тактики педагогических воздействий;
- подбор и реализация методов и технологий обучения без учета возрастных и функционально-индивидуальных возможностей школьников;
- игнорирование основных требований (физиологические и гигиенические) к организации обучения;
- недостаточный уровень компетенции в вопросах, касающихся охраны и сохранения здоровья школьников;

- недостаточный уровень развития применяемой в образовательной организации системы физического воспитания;
- интенсификация процесса обучения;
- отсутствие или слабая организация работы, направленной на формирование ценности здоровья и здорового образа жизни [7, с. 10].

Представленные выше школьные факторы, представляющие риск для здоровья школьников, являются устойчивыми и с трудом поддаются управлению.

Здоровье детей в России на современном этапе вызывает опасения. В XX веке школой и государством была взята ответственность за сохранение здоровья детей, данная ответственность была снята с родителей, общества; в условиях школы обеспечивалась поддержка здорового образа жизни. Это оказалось невыполнимой задачей, так как данная проблема является общественной. На современном этапе наблюдается недостаточное внимание к данной проблеме, отсутствует осознание ценности здоровья в обществе и семьях обучающихся. В связи с этим к систематической работе школы по данному направлению должны подключиться общественность, родители.

Система отечественного образования, которая сложилась на современном этапе развития общества, имеет длительную историю развития, результатом явилось становление традиционной системы, включающей комплекс знаний их различных областей науки. Более 130 лет назад К.Д. Ушинским отмечалось большое количество учебных предметов в школах и малое количество часов, отводимое на усвоение этих предметов. В течение столетия методы обучения, организационные основы обучения практически не изменились. Загрузка детей в семье и обществе происходит сверх их возможностей.

Нарушения здоровья школьников носят массовый характер, причем улучшение материальной базы образовательной организации в целом не отражается на улучшении здоровья школьников. Основная причина кроется в организации образовательного процесса, для которого характерны:

- нервное напряжение школьников;
- большая зрительная работа на уроке и в процессе выполнения домашнего задания;
- длительное сохранение статической позы;
- ограниченная двигательная активность школьников.

Организация образовательного процесса в условиях образовательной организации требует принятия педагогических мер, снижающих негативное влияние условий протекания образовательного процесса на здоровье школьников [8, с. 7].

Таким образом, учет существующих в образовательных организациях факторов риска и статистических данных, отражающих заболеваемость школьников, позволили сделать вывод о необходимости использования в процессе обучения школьников здоровьесберегающих технологий.

В современной литературе представлены статистические данные, указывающие на существенное снижение здоровья детей, подростков, молодежи,

что представляет собой педагогическую, медицинскую и социальную проблему [1, с. 4].

В этой связи стало появляться большое количество исследований по здоровьесберегающей педагогике, в которых представлено описание различных здоровьесберегающих технологий. В понятии «здоровьесберегающая технология» объединены различные направления деятельности образовательных организаций, основная цель которых заключается в формировании, сохранении и укреплении здоровья школьников.

Здоровьесберегающая педагогика обеспечивает в условиях образовательного процесса в школе высокий уровень реального здоровья учащихся, формирует у них комплекс необходимых представлений, умений и навыков, важных при ведении здорового образа жизни, воспитывает культуру здоровья [10, с. 56].

В рамках образовательной организации обеспечивается реализация здоровьесберегающих образовательных технологий и здоровьесберегающих технологий.

Здоровьесберегающие образовательные технологии – это технологии, применение которых в образовательном процессе способствует сохранению здоровья школьников, здоровьесберегающие технологии включают в себя различные образовательные, медицинские и другие технологии, а также управленческую работу в образовательном учреждении и технологии здоровьесбережения в семейном воспитании [8, с. 27].

К здоровьесберегающим образовательным технологиям относится физическая культура, а также различные оздоровительные технологии, основной целью которых является физическое воспитание обучающихся (закаливание, тренировка физических качеств – силы, ловкости, быстроты, выносливости). К здоровьесберегающим образовательным технологиям также относятся технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности.

В рамках медико-гигиенических технологий обеспечивается контроль, а также оказывается помощь обучающимся в организации гигиенических условий с учетом СанПиНов. Медицинскими работниками обеспечивается вакцинация учащихся, оказывается консультативная и экстренная помощь школьникам, которые обратились в медицинский кабинет в школе, кроме того, систематически организуются мероприятия, обеспечивающие санитарно-гигиеническое просвещение учащихся и педагогического коллектива; врачи также отслеживают показатели состояния здоровья школьников в динамике, организуют мероприятия профилактической направленности при начале эпидемий (к примеру, при превышении порога заболеваемости гриппом), также решается комплекс других задач, входящих в компетенцию медицинского работника.

Важным при организации процесса обучения школьников также является эмоциональное и поведенческое пространство, отмечается зависимость эмоционального климата урока от специфики педагогического общения.

Эффективное внедрение в педагогическую деятельность образовательной организации здоровьесберегающих технологий ведет к необходимости

применения некоторых образовательных технологий, имеющих здоровьесберегающую направленность.

К таким технологиям относится реализация личностно-ориентированного подхода в процессе обучения – в рамках данной технологии личность ребенка представляет собой центр образовательной системы, педагогом обеспечиваются комфортные для развития и реализации личностных возможностей детей условия. Личность детей – приоритетный предмет и цель образовательной системы.

В рамках педагогики сотрудничества создаются условия, при которых обеспечивается реализация задач сохранения и укрепления здоровья школьников и педагогов.

В число здоровьесберегающих также входит т. н. «технология свободного развития детей». Данная технология разработана российским физиологом В.Ф. Базарным [4, с. 72]. Специфическая особенность данной технологии заключается во включении в образовательный процесс движущихся наглядных учебных материалов. В процессе обучения организуется разминка, широко применяются упражнения, целью которых является развитие и совершенствование мышечно-телесной и зрительной координации, а также развитие внимания, скорости реакции, для этого на уроке применяются схемы зрительных траекторий, которые расположены на потолке, а также «ходовые огни» (возможно применение лазерной указки). В результате организации таких упражнений у учащихся развивается чувство общей и зрительной координации, в частности, увеличивается скорость ориентации в пространстве, в том числе реакции на возникновение экстремальных ситуаций (к примеру, дородное движение и др.).

Важная особенность занятий заключается в применении в режиме движения наглядных учебных материалов, при этом педагогом осуществляется постоянный поиск заданий, способствующих активизации школьников при их выполнении.

В число обязательных предметов в данной технологии входит детское хоровое пение, основой служат народные песни и классическая музыка. Организуется систематическое посещение школьниками хорового кружка, организованного при школе.

Результаты исследования показали эффективность данной технологии: наблюдалось снижение заболеваемости школьников, улучшился психологический климат в ученическом и педагогическом коллективе, родители и учащиеся активно включились в работу по укреплению здоровья, данные результаты позволяют считать технологию, разработанную Ф.В. Базарным, здоровьесберегающей.

В литературных источниках подробно освещены этапы реализации здоровьесберегающих технологий в младших классах.

На первом этапе:

- создаются оптимальные санитарно-гигиенические условия;
- соблюдается в учебном классе и школе тепловой режим;
- поддерживается чистота в школьных помещениях;

- соблюдаются нормы освещения в классе;
- соблюдаются учащимися гигиенические нормы и правила;
- организуется здоровое, обогащенное и разнообразное питание школьников;

- планируются мероприятия, направленные на предупреждение распространения инфекционных заболеваний среди учащихся.

На втором этапе важным представляется создание условий для сохранения здоровья в процессе занятий. Вышеизложенные санитарно-гигиенические условия дополняются условиями, которые учитывают физиологические особенности школьников:

- обеспечение правильной осанки;
- правильное размещение учащихся в классе, учитывая состояние здоровья;
- организация физического воспитания в учебной и внеклассной работе;
- использование мебели в классе, которая соответствует росту школьников.

Основными моральными и психологическими условиями организации обучения в начальной школе являются:

- организация деловой, активной атмосферы;
- создание уверенности в успехе;
- доброжелательное отношение педагога к школьникам;
- обеспечение раскованности учащихся.

На третьем этапе формируется социально-психологический климат в классе, который должен отвечать следующим требованиям:

- наличие перспективы, оптимизма;
- бодрость;
- создание уверенности в успехе, как в личном, так и в ходе коллективных видов деятельности;
- обеспечение защиты прав школьников;
- наличие духа сотрудничества в образовательном процессе;
- построение оптимальных взаимоотношений между учителем и учениками, а также между учениками.

На четвертом этапе важным представляется изменение подходов к организации физической культуры. Совершенствование осуществляется в ходе реализации на практике следующих направлений:

- увеличение физической нагрузки в процессе обучения (увеличивается плотность, двигательная, динамическая нагрузка);
- ориентация на конкретный результат физического развития каждого школьника (принимается во внимание скорость, сила, выносливость и т. д.);
- мотивация учащихся на повышение физической культуры;
- увеличение количества времени, отводимого для упражнений для улучшения осанки школьников.

На пятом этапе важным является организация внеурочной спортивно-массовой работы, посещение школьниками спортивных секций. Основными условиями реализации являются:

- расширение спортивно-массовой работы, дополнение ее содержания различными мероприятиями (2 раза в год проводятся «дни здоровья», представляющие собой спортивный праздник, включающий проведение эстафет, соревнований, игр, туризма, проведение внутри класса соревнований «Веселые старты», спортивных встреч между родителями и школьниками и т. д.);

- воспитание в классе массовости, активности при проведении школьных вечеров, танцев, рассмотрение танцев в качестве важного дополнительного средства, расширяющего двигательную активность и имеющее эмоциональную окраску;

- повышение физической активности школьников за счет организации активного отдыха и занятий спортом;

- проведение работы, направленной на формирование спортивных традиций (открытие спортивного сезона, выявление лучшего спортсмена, сильнейшего, лучшего прыгуна и т. д.).

На шестом этапе реализуется программа, обеспечивающая здоровье педагогического коллектива, включающая:

- творческую деятельность;
- поддержание в коллективе благоприятного морально-психологического климата;

- организацию здорового досуга;

- организацию физической культуры и спорта.

Таким образом, воспитание в современной образовательной организации у школьников культуры здорового образа жизни способствует расширению их представлений о состоянии организма, работе органов и систем, учит проявлять заботу о собственном здоровье, при этом формируются привычки соблюдения здорового образа жизни, прививается комплекс культурно-гигиенических навыков, расширяются представления учащихся о питании, значении правильного питания в жизни человека, раскрывается взаимосвязь между правильным питанием и здоровьем.

На современном этапе развития общества происходят значительные изменения в природной и социальной среде, что приводит к изменениям в человеке (физические, психические, культурные, нравственные и другие изменения). В связи с этим актуальной является проблема сохранения и укрепления здоровья детей.

Здоровье в современных литературных источниках рассматривается в качестве полного физического, психического, социального благополучия, гармоничного состояния организма, что позволяет человеку быть активным, достигать успеха в разных видах деятельности.

Важным на современном этапе представляется формирование у учащихся комплекса мотивов, представлений, убеждений о необходимости сохранения и укрепления своего здоровья, ведения здорового образа жизни.

В качестве основных условий эффективного внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе можно назвать следующие:

- создание комплекса оптимальных санитарно-гигиенических условий с учетом здоровья обучающихся;
- обеспечение необходимых условий при организации продуктивных видов деятельности и познавательной деятельности школьников, при этом важен учет здоровья, развития, наличие интересов и склонностей у учащихся;
- установление в процессе обучения межпредметных отношений;
- соблюдение логичности и эмоциональности на всех этапах учебной деятельности;
- эффективность при организации уроков физкультуры в школе, подвижных и спортивных игр;
- формирование у учащихся способности учиться, при этом проявляя заботу о своем здоровье;
- проведение систематической и тщательной диагностики, планирования и контроля каждого урока, при этом осуществляя учет специфики развития каждого школьника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, В. А. Психология здоровья: пути становления новой отрасли человекознания / В. А. Ананьев // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. – СПб., 2000. – С. 41.
2. Базарный, В. Ф. Методология и методика раскрепощения нейрофизиологической основы психического и физического развития учащихся в структурах учебного процесса. Ч. 3 / В. Ф. Базарный. – Сергиев Посад, 1995. – С. 45.
3. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1991. – С. 87.
4. Григорьева, Т. Пути формирования здоровья школьников младшего возраста / Т. Григорьева. – М. : Знание, 1990. – С. 37.
5. Куинджи, Н. Н. Валеология: Пути формирования здоровья школьников / Н. Н. Куинджи. – М. : Аспект Пресс, 2000. – С. 45.
6. Науменко, Ю. В. Здоровьесберегающая деятельность школы / Ю. В. Науменко // Педагогика. – 2005. – № 6. – С. 23.
7. Никольская, И. М. Уроки психологии в начальной школе / И. М. Никольская, Г. Л. Бардиер. – СПб. : Речь, 2004. – С. 19.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1988. – С. 187.
9. Педагогика и психология здоровья / под ред. Н. К. Смирнова. – М., 2003. – С. 15.
10. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе / Н. К. Смирнов. – М. : Аркти, 2005. – С. 320.
11. Соловьев, Н. И. Концепция здоровьесберегающей технологии в образовании и организационно-методические подходы ее реализации / Н. И. Соловьев // ЭКО. – 2004. – № 17. – С. 23–28.

REFERENCES

1. Ananyev V.A. Psihologiya zdorov'ya: puti stanovleniya novoj otrasli chelovekoznaniya Psihologiya zdorov'ya [The Psychology of Health: Ways of the Formation of a New Branch of Human Science Health Psychology]. SPb., 2000. P. 41.

2. Bazarny V.F. Metodologiya i metodika raskreposhcheniya nejrofiziologicheskoy osnovy psihicheskogo i fizicheskogo razvitiya uchashchihsya v strukturah uchebnogo processa. [The methodology and methods of the liberation of the neurophysiological basis of the mental and physical development of students in the structures of the educational process]. Sergiev Posad, 1995. P. 45.

3. Vygotsky L.S. Pedagogicheskaya psihologiya [Pedagogical Psychology]. M.: Pedagogika, 1991. P. 87.

4. Grigoryeva T. Puti formirovaniya zdorov'ya shkol'nikov mladshego vozrasta. [Ways of shaping the health of young schoolchildren]. M.: Znanie, 1990. P. 37.

5. Kuindzhi N.N. Valeologiya: Puti formirovaniya zdorov'ya shkol'nikov. [Valeology: Ways of shaping the health of students]. M.: Aspect Press, 2000. P. 45.

6. Naumenko Y.V. Health-saving activities at school. Pedagogika = Pedagogy, 2005, No. 6, p.23. (In Russian).

7. Nikolskaya I.M., Bardier G.L. Uroki psihologii v nachal'noj shkole. [Psychology lessons in elementary school]. SPb: Rech, 2004. P. 19.

8. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language]. M., 1988. P. 187.

9. Pedagogika i psihologiya zdorov'ya [Pedagogy and Psychology of Health]. Ed. by Smirnov N.K., 2003. P. 15.

10. Smirnov N.K. Zdorov'esberegayushchie obrazovatel'nye tekhnologii i psihologiya zdorov'ya v shkole. [Health-saving educational technologies and the psychology of health at school]. M: Arkti, 2005. P. 320.

11. Soloviev N.I. The concept of health-saving technology in education and organizational and methodological approaches to its implementation. EKO = ECO, 2004, No. 17, pp. 23-28. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соловей Д.В. Научно-технологический подход к формированию здоровья будущих воинов / Д.В. Соловей, А.А. Науменко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 14–23.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Solovey D.V., Naumenko A.A. Scientific-Technological Approach to Forming Health of Future Military Personnel / D.V. Solovey, A.A. Naumenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 14–23. (In Russian).

УДК 378

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**

Д.С. Третьяченко

**THE PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION
OF FOREIGN STUDENTS
IN THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

D.S. Tretyachenko

Аннотация. Проанализированы проблемы, связанные с социокультурной адаптацией иностранных студентов, определены и рассмотрены некоторые показатели психологической адаптации, анализируется понятие «культурный шок» в процессе психологической адаптации к культурным различиям между странами.

Abstract. The problems associated with the socio-cultural adaptation of foreign students are analyzed; some indicators of psychological adaptation are identified and considered; the concept of "cultural shock" in the process of psychological adaptation to cultural differences between countries is analyzed.

Ключевые слова: иностранные студенты, высшее образование, социокультурная и психологическая адаптация.

Keywords: foreign students, higher education, socio-cultural and psychological adaptation.

Вновь прибывшие иностранные студенты, как правило, сталкиваются с трудностями из-за культурных различий в том, как устроен жизненный уклад в обществе пребывания и на их родине, от взаимодействия в социуме до получения услуг в сфере обслуживания и т. д. По прибытии в новую страну большинство иностранных студентов проходят процесс адаптации, который обычно называют «культурным шоком». Решение множества новых задач и ролей в социуме незнакомой культуры и нахождение вдали от семьи и друзей, может вызвать чувство неуверенности, одиночества и разочарования. По сравнению со студентами страны пребывания, иностранные студенты, возможно, сталкиваются с более конкретными проблемами, такими как языковой барьер, культурный стресс, разлука с близкими, тоска по дому и дискриминация. Тем не менее, современная литература имеет очень ограниченные рекомендации для преодоления иностранными студентами их трудностей, возникающих в процессе адаптации при обучении в стране пребывания.

Одна из самых популярных и известных сценических теорий кросс-культурной адаптации, теория U-кривой, была первоначально выдвинута датским профессором Орхусского университета Йенсом Лисгаардом в его исследовании программы образовательных грантов Фулбрайта в Соединенных Штатах.

Достоверность теории подвергается критике главным образом потому, что теория не дает исчерпывающей информации о механизмах адаптации и не объясняет, почему каждый из последующих этапов адаптации начинается и заканчивается, а также что теория имеет обобщенный характер пояснения различного опыта среди иностранных студентов относительно того, как они приспосабливаются к реалиям страны пребывания [4, с. 449].

Подобный отчет о межкультурной адаптации был представлен канадским антропологом Калерво Обергом в его антропологическом описании и разработке «культурного шока». По его мнению, культурный шок имеет три основных причины: 1) потеря привычных сигналов, 2) нарушение межличностных коммуникаций и 3) кризис идентичности [5]. Культурный шок обычно ассоциируется с негативными психологическими симптомами, такими как страх, беспокойство, гнев и чувство беспомощности. В настоящее время недостаточно исследований, чтобы объяснить, для кого шок будет более или менее интенсивным, что определяет его, какую реакцию человек может испытать, как долго они будут оставаться в период обучения в этом состоянии.

Последние статистические данные подтверждают, что половина всех иностранных студентов учатся в Европе и почти одна треть в Соединенных Штатах, и из каждых десяти студентов высших учебных заведений, обучающихся за рубежом, четверо – азиаты, трое – европейцы и один – африканец. Женщины составляют 46 % всех иностранных студентов, и только в восьми странах число иностранных студентов-женщин превышает число мужчин. Несмотря на то, что три страны принимают половину иностранных студентов в мире (США, Великобритания и Германия), 110 стран также участвуют в этом процессе.

Представляя более 180 стран и многие другие культурные группы, иностранные студенты сталкиваются с большим количеством проблем в процессе их адаптации к стране пребывания [3, с. 12]. В процессе обучения иностранные студенты сталкиваются со стрессом связанным с академической жизнью и проблемами, вытекающими из бытовой сферы развития, такими как психологическая автономия, экономическая независимость и формирование собственной идентичности. Однако, по сравнению со студентами страны пребывания, иностранные студенты испытывают дополнительные сложности в том, что им приходится справляться с другими формами стресса. Эти сложности включают культурный шок, языковые затруднения, адаптацию к незнакомым социальным нормам и гастрономическим привычкам, обычаям и ценностям страны пребывания, различие в системах образования, изоляцию и одиночество, тоску по дому и потерю устоявшихся социальных связей [2, с. 709]. С другой стороны, стимулом является желание изучать культуру страны пребывания, устанавливать образовательные отношения, изучать иностранный язык.

Доктор психологии Стивен Бохнер совместно с коллективом исследователей из центра прикладных межкультурных исследований университета

Виктории в Веллингтоне изучили образцы дружбы иностранных студентов и обнаружили, что иностранные студенты принадлежат к трем социальным сетям: 1) национальная сеть, 2) сеть с принимающими студентами и 3) многонациональная сеть. Данные о выборе дружбы подтвердили большее предпочтение не только для соотечественников, но и для тех студентов, которые приезжают из аналогичных или соседних стран, имеющих похожую религию, язык, культуру и т. д. [1, с. 689].

Также было установлено, что первоначальная осведомленность о стране пребывания является важным фактором социального взаимодействия и адаптации. Исследования показали, что языковые ограничения и другие, аффективные и ситуационные факторы наносят ущерб академической успеваемости и общему образовательному опыту иностранных студентов. Многие исследования подтверждают вывод о том, что неспособность свободно говорить на языке страны пребывания является основным фактором, препятствующим становлению социальной вовлеченности в принимающем обществе.

Член Британского психологического общества, профессор Адриан Фернхэм изучал стратегии, связанные с преодолением культурного шока, с 2 536 иностранными студентами из 139 стран, они обнаружили, что двумя наиболее важными факторами в процессе преодоления трудностей были социальные контакты с местными жителями и предыдущий зарубежный опыт. В свою очередь, результаты исследований С. Бохнера показали, что:

- а) культура важна для определения ролевого конфликта и выявления элементов стресса, но адаптивные ответные меры схожи в разных культурах;
- б) факторы окружающей среды сильнее, чем личность, в определении адаптации;
- в) уверенность в себе с положительным укреплением социальных навыков и освоение новых навыков, может способствовать успешной адаптации [1, с. 692].

Профессор психологии Кристофер Уорд и его коллеги предположили, что межкультурная адаптация может быть осмысленно разделена на две области: психологическую (эмоциональную / аффективную) и социокультурную (поведенческую) [4, с. 453]. Психологическая адаптация относится к психологическому благополучию или удовлетворению в новых культурных средах, в то время как социокультурная адаптация относится к способности иностранца, носителя сторонней культуры «вписываться» или эффективно взаимодействовать с представителями принимающих культур. Отсутствие нарушений настроения или депрессии использовалось в качестве индикаторов психологической адаптации. Психологическая адаптация была связана с личной гибкостью, внутренним локусом контроля, удовлетворением отношений, ориентированными на подход к самообладанию и использованием юмора, в то время как психологические трудности у иностранцев были связаны с более высокой частотой жизненных изменений, одиночества и стресса.

Основатель центра прикладных межкультурных исследований университета Виктории в Веллингтоне американо-новозеландский кросс-культурный психолог профессор Коллин Уорд и В. Сирл утверждают, что приспособленные к социокультурным особенностям временные жители способны удовлетворять свои социальные потребности в принимающих их культурах. В качестве показателей социокультурной адаптации использовалось восприятие иностранцами своей поведенческой компетенции и приобретение социальных навыков, которые эффективны и уместны в принимающих культурах.

К. Уорд и В. Сирл делают три комментария о взаимосвязи между психологической и социокультурной адаптацией:

1) психологическая и социокультурная адаптация взаимосвязаны, но определяются различным набором переменных;

2) две области адаптации развиваются с течением времени не одинаково и масштабы взаимосвязи между психологической и социокультурной адаптацией различаются в зависимости от конкретных групп и условий;

3) некоторые переменные являются значимыми предикторами адаптации, независимо от мотивации переезда, происхождения людей, проживающих в стране, и направлений, но некоторые предикторы зависят от ситуации и культуры [2, с. 711]. Психологическая адаптация со временем меняется, хотя исследования подтвердили, что наибольшие трудности возникают на самых ранних стадиях межкультурного перехода.

Таким образом, целью статьи было изучение социокультурных и психологических особенностей адаптации иностранных студентов и изучение факторов, способствующих их эффективной адаптации за рубежом. Несомненно, все факторы не могут быть обнаружены из-за сложной природы адаптации, но выявлены основные психологические, социальные, культурные и экономические.

Анализируя различия и сходства, полученные результаты могут предложить пути для создания специализированных программ для уменьшения проблем, связанных с адаптацией среди иностранных студентов, с использованием наиболее адаптивного зарубежного опыта. Тот факт, что разные регионы стран могут иметь разные культурные, социальные, климатические характеристики и т. д., может ограничивать обобщаемость результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бохнер, С. Образцы дружбы зарубежных и принимающих студентов в студенческой резиденции Оксфорда / С. Бохнер, Н. Хутник, А. Фернхэм // Журнал социальной психологии. – 1985. – Вып. 125.
2. Фумхэм, А. Сети дружбы иностранных студентов: тиражирование и расширение функциональной модели / А. Фумхэм // Международный журнал психологии. – 1985. – Т. 20.
3. Клайнберг, Д. В иностранном университете: международное исследование адаптации и совладания / Д. Клайнберг, В. Ф. Халл // Нью-Йорк : Прегер. – 2012. – Вып. 1.

4. Сирл, В. Прогнозирование психологической и социокультурной адаптации при межкультурных переходах / В. Сирл, К. Уорд // Международный журнал межкультурных отношений. – 1990. – № 14.

5. Тен, Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация : учебник для студентов / Ю. П. Тен. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007.

REFERENCES

1. Bochner S. The friendship patterns of overseas and host students in an Oxford student residence. *Zhurnal sotsial'noy psikhologii = Journal of Social Psychology*, 1985, iss. 125.

2. Fumham A. The friendship networks of foreign students: A replication and extension of the functional model. *Mezhdunarodnyy zhurnal psikhologii = International Journal of Psychology*, 1985, vol. 20.

3. Klineberg D. At a Foreign University: An International study of adaptation and coping. New York: Praeger, 2012, iss. 1.

4. Searle W. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *Mezhdunarodnyy zhurnal mezhkul'turnykh otnosheniy = International Journal of Intercultural Relations*, 1990, No. 14.

5. Тен Ю.П. *Kul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Cultural Studies and Intercultural Communication]. Rostov-on-Don: Phoenix, 2007.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяченко Д.С. Проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов в высшем учебном заведении / Д.С. Третьяченко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 24–28.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyachenko D.S. The problems of Socio-cultural Adaptation of foreign Students in the higher Education Institution / D.S. Tretyachenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 24–28. (In Russian).

УДК 37.091.3:355.232.6

СУЩНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И ЕЕ ЗАДАЧИ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

И.В. Трубачев, Д.В. Соловей

THE ESSENCE OF PEDAGOGICAL OPTIMIZATION AND ITS TASKS AT THE MILITARY SCHOOL

I.V. Trubachev, D.V. Solovey

Аннотация. В течение последнего десятилетия все больше девушек изъявляют желание связать свою жизнь с сугубо мужским занятием – службой в армии. Государством для этого созданы определенные административные условия: пересмотрены условия поступления в образовательные учреждения, предусмотрены штатные должности на замещение военнослужащими женского пола и т. п., но сам процесс обучения остается прежним и требует корректировки и оптимизации с учетом гендерных особенностей девушек. В статье рассматриваются направления оптимизации процесса обучения в военных вузах с учетом новых реалий.

Abstract. Over the past decade, more and more girls have expressed a desire to bind their lives with a purely male calling – military service. The state has created particular administrative conditions for this: the conditions for admission to educational institutions have been revised, staff positions have been envisaged for female military personnel, etc., but the training process itself remains the same and requires adjustment and optimization taking into account the gender characteristics of girls. The article discusses the directions of optimization of the learning process in military school taking into account new realities.

Ключевые слова: образовательная среда, военный вуз, оптимизация образовательного процесса, оптимизация жизнедеятельности, девушки-курсанты, индивидуализация образования, образовательные условия, повышение результативности образования.

Keywords: educational environment, military university, optimization of the educational process, life optimization, female cadets, individualization of education, educational conditions, improving the effectiveness of education.

Проблема повышения качества образования рассматривается учеными в разных аспектах, одним из которых является гармонизация взаимодействия обучающегося и педагогической системы. В свою очередь, достижение гармонии между содержанием, средствами, методами и т. д. образования и характеристиками мотивационно-ценностной, интеллектуальной, эмоционально-волевой, поведенческой и пр. сферами личности субъектов образования требует оптимизации образовательного процесса, процесса взаимодействия педагогов и обучающихся [1; 7; 10]. Данные вопросы, по нашему мнению, являются основополагающими для определения сущности, задач, содержания, средств и методов оптимизации жизнедеятельности курсантов-девушек.

Заметим, что в образовательных организациях разных уровней, типов решение вышеуказанной задачи будет иметь свою специфику (целевую, методическую, организационную и т. д.), связанную с их уставными целями и задачами, особенностями участников образовательного процесса и его структуры и пр. В нашем исследовании поставлена проблема обоснования целевых направлений оптимизации жизнедеятельности девушек-курсантов в образовательном процессе военного вуза. Ее актуальность определяется тем, что включение девушек в состав обучающихся военных вузов произошло сравнительно недавно, при этом условия обучения в них являются весьма специфичными, а их адекватность гендерным особенностям курсанток не изучена. Поэтому педагогическая наука в настоящее время призвана обеспечить образовательную практику знаниями о способах оптимизации образовательного процесса военного вуза, обеспечивающей его соответствие гетерогенному составу обучающихся [5; 6].

Идеи оптимизационной теории зиждутся на классических представлениях науки о том, что природа (в самом широком смысле, во всех своих проявлениях) стремится к экономии. Согласно классическому (математическому) определению, оптимизация представляет собой процесс либо нахождения экстремума функции (минимума / максимума), либо выбора наилучшего варианта из множества существующих. Оптимальным решением при этом будет то, которое удовлетворит всем требованиям конкретной ситуации, при котором поставленная задача в заданных условиях решается с наименьшими издержками (материальными, моральными и т. д.) [4].

Заметим, что если в математике и кибернетике экстремальность и оптимальность рассматриваются, в зависимости от класса решаемых задач, как синонимичные процессы, то в биологии и социологии данные процессы не идентичны. Более того, в биологии данные процессы – суть противоположные: экстремальные состояния организмов / систем рассматриваются как аномальные, выходящие за рамки адаптивной нормы, а оптимальные – как наиболее благоприятные и соответствующие адаптивной норме. В данном аспекте сформулирована теория адаптивных систем, согласно которой, если начальное состояние системы не оптимально, то система будет вести себя так, чтобы в итоге достичь одного из предпочтительных своих состояний [2; 4]. Достигается оптимизация путем интеграции изменений разных элементов системы, интеграции внутренних и внешних воздействий на ее состояния. «...Интегративность является ключевым принципом оптимизации процессов развития природы и общества. Итак, интеграция взаимодействующих процессов природы и общества неизбежно ведет к минимизации взаимодействующих множеств и максимизации вновь возникшего качества, т. е. это процесс нахождения экстремума, представляющего собой диалектическое единство максимума и минимума» [2]. В образовании, как и в биологии, оптимизация не приравнивается к экстремальности; она исходит из философской категории

«мера» и не предусматривает гиперболизации определенных элементов педагогической системы (в частности, завышения / занижения темпов работы, уровня сложности и т. п.), ориентируясь на адекватность применения, реализации этих элементов [3].

Итак, в общем виде под оптимизацией как процессом понимают выбор наилучшего варианта деятельности (в широком смысле) из всех возможных. При этом учитываются, анализируются не все гипотетические варианты, а лишь те, которые возможны в конкретных условиях, и выбирается лучший вариант именно для этих условий [3]. И поскольку «оптимальность, достигнутая для одних условий, почти никогда не имеет места при других...» [8], то оптимизация проектируется и осуществляется в отношении конкретной задачи; в соответствии с ней изменению подвергаются строго определенные параметры деятельности, системы.

Применительно к системе образования Ю.К. Бабанский сформулировал принцип оптимальности, согласно которому целью модернизации должно становиться не просто некоторое улучшение педагогического процесса, а достижение наилучшего в данных условиях уровня функционирования. В связи с этим постулатами педагогической оптимизации приняты разумность, рациональность, чувство меры, эргономичность всех компонентов образовательного процесса – ориентация на них должна обеспечить максимально возможные результаты при минимизации затрат времени и усилий [3].

Оптимизация предполагает определение и реализацию наиболее «качественных и конкурентоспособных ресурсов и методов, технологий и форм, учитывающих все факторы и возможности личности и социально-образовательного пространства», и обеспечивающих достижение необходимого педагогического результата [10]. В локальном плане оптимизация складывается из решения отдельных задач повышения качества педагогического процесса, в том числе, снижения издержек, улучшения ресурсобеспечения деятельности, уменьшения отрицательных последствий от воздействий, персонализации этих воздействий на основе учета потребностей и возможностей субъектов образования. «Оптимизация... используется... как принцип оптимизации условий и возможностей развития личности в современном образовании, определяемый через нахождение наиболее верных решений задач «хочу – могу – надо – есть»... Другим ресурсом продуктивного использования категории «оптимизация» является моделирование педагогических условий того или иного педагогического процесса в системе учета всех составных детерминируемого явления» [10].

Необходимость оптимизации педагогических процессов и систем в настоящее время вновь актуализирована по ряду причин. В контексте нашего исследования одной из таких причин является новизна решаемых военными вузами задач, связанными с изменением гендерного состава курсантов. Общими для разных образовательных учреждений причинами выступают тенденции

индивидуализации образования, расширение спектра учебных задач, стоящих перед обучающимися, интенсификация учебных процессов, информационная избыточность жизнедеятельности, в том числе, образовательной деятельности и т. д. [7]. В этих условиях, как отмечают А.А. Айрапетов, А.Н. Лихачева, оптимизация представляется как способ решения проблемы повышения эффективности образовательного процесса с позиции соотношения результативности и ресурсоемкости, с обеспечением его индивидуализированности в соответствии с потребностями и возможностями обучающихся [1; 7].

Оптимизация складывается из комплекса реализованных решений, обеспечивающих высокие результаты труда при рациональном использовании времени, сил, средств; оптимизировать необходимо не столько содержание труда и отдыха, сколько их сочетание и, главное, условия осуществления (психофизиологические, материально-технические, санитарно-гигиенические, эстетические). И касаются эти условия всех компонентов жизнедеятельности, включая составляющие образовательного процесса: целей и задач, средств и методов, содержания и форм организации [3].

В образовательной системе всегда существует множество возможностей организации учебно-воспитательного процесса, включая варианты дидактических и воспитательных средств, методов, форм. Все эти возможности обеспечат достижение поставленных целей, но лишь один из них будет оптимальным в конкретных условиях, и главная задача оптимизации – найти его [9]. Оптимальной, таким образом, будет педагогическая система, полностью соответствующая – адекватная – тем задачам, для решения которых она создается [8]. В данной связи встает вопрос о критериях оптимальности и способах оптимизации процессов, систем и т. д.

Оценка и сравнение альтернативных вариантов педагогической деятельности, построения образовательного процесса, выбор лучшего осуществляется на основе критериев оптимальности. Основополагающими из них как раз и являются: (а) разумная максимализация результата и (б) минимализация затрат [3].

Если первый, целевой, критерий, в своей сути, неизменен (за исключением отдельных формулировок, отражающих конкретную сферу их применения), то «наполнение» второго, ограничительного, критерия постепенно изменяется и расширяется. В настоящее время, как следует из анализа научной литературы, он дополнен требованиями, касающимися не только расходов времени, но и обеспечения психологического комфорта, соответствия индивидуальным особенностям и возможностям обучающихся и т. д.; сама сущность педагогической оптимизации связывается с обеспечением «наиболее эффективной жизнедеятельности макро- и микросоциальной среды» образовательной организации.

В число ограничительных показателей оптимизации образовательного процесса ученые включают: уровень тревожности обучающихся, индивидуальный

прирост учебных результатов; мотивацию субъектов педагогического процесса; удовлетворенность прямых и косвенных участников (педагогов, обучающихся, работодателей) его содержанием; адекватность внешним требованиям и наличной ситуации, внутренняя детерминация образовательного процесса и др.

А.Н. Лихачева описывает критерии оптимальности образовательного процесса в терминах валеологии и эргономики. Автор в число ограничительных критериев, прямо или косвенно, включает: работоспособность субъектов образования, их настроение, эмоциональное состояние, физическое самочувствие и т. п. В качестве важнейшего индикатора оптимальности педагогического процесса она обосновывает именно работоспособность субъектов – «как соотношение наибольшей эффективности деятельности при максимальном уровне напряжения ресурсов и действий обучающегося и соблюдении санитарно-гигиенических норм, не понижающих уровень здоровья» [7]. Образовательные условия, обеспечивающие общую и профессиональную работоспособность субъектов образования, по мнению исследователя, базируются на совокупности принципов валеологии и эргономики. Таким образом, правомерно выделить эргономических критериев оптимальности / оптимизации:

- комфортность условий с точки зрения приспособления их к потребностям субъектов: эргономичность рабочего места (соответствие антропометрическим, физиологическим и психологическим параметрам), обитаемость рабочего места (соответствие санитарно-гигиеническим требованиям);
- возможность управления функциональным состоянием обучающихся с точки зрения приспособления обучающихся к образовательным условиям (преодоление состояния депрессии, снижение факторов утомляемости, созданий условий для личностного развития) [7].

И.П. Подласый, вслед за Ю.К. Бабанским, формулирует следующие ведущие принципы педагогической оптимизации:

- целостный охват всей педагогической системы, подверженной оптимизации (ее субъектов, целеполагания, процедур, содержания и пр.);
- опора при целеполагании и соответствующем выборе оптимального варианта на всю систему закономерностей учебно-воспитательного процесса;
- последовательный учет возможностей оптимизации всех компонентов системы;
- непрерывность и последовательность оптимизационных процедур с повышением класса решаемых задач и совершенства используемых технологий [3; 8].

Педагогической оптимизации подвержены, как уже сказано, все компоненты системы: цели и диагностически заданные планируемые результаты образования; содержание, средства диагностики и контроля состояния результатов образования; методы и средства обучения и воспитания; организация образовательного процесса; обучающиеся и педагоги; результаты – достигаемый уровень подготовки.

На основе анализа работ основателей теории педагогической оптимизации ученые выделили основные педагогические действия по оптимизации учебно-воспитательного процесса:

- комплексирование и конкретизация образовательных задач;
- генерализация задач – выделение главных направлений и элементов предстоящей деятельности;
- координация направлений, средств, методов, содержания оптимизационных процессов;
- сравнительная оценка всех возможных вариантов деятельности и выбор наилучшего;
- дифференциация и индивидуализация образовательного процесса;
- гуманизация образовательного процесса;
- создание необходимых условий для эффективного эргономичного обучения;
- сочетание управления и самоуправления образовательным процессом;
- мониторинг образовательного процесса;
- координация: оперативное регулирование и коррекция образовательного процесса.

Итак, можно сказать, что оптимизация (в образовании) – процесс, обеспечивающий достижение образовательного результата, максимально высокого в данных условиях, без увеличения издержек (временных, психологических, физических – как со стороны педагогов, так и со стороны обучающихся). Повышение результативности образования возможно путем изменения образовательных условий (с учетом введенных ограничений относительно вышеуказанных издержек). В свою очередь, на образовательный результат оказывают влияние как внешние, так и внутренние, личностные условия. Следовательно, оптимизировать образовательный процесс возможно путем создания таких психолого-педагогических (внешних) условий, которые окажут максимально благотворное (с точки зрения образовательных задач) влияние на внутренний мир обучающихся (внутренние условия).

Чтобы определить, какие психолого-педагогические условия должны быть созданы в образовательной организации для оптимизации образовательного процесса, необходимо, прежде всего, иметь представление о реальных характеристиках внутренних (личностных) условий, которые значимы для обеспечения качества образования. По этому вопросу сегодня существует достаточно много точек зрения, не противоречащих друг другу. Для системы высшего образования это и базовый уровень подготовленности студентов, и степень их учебной и профессиональной мотивированной, направленности личности, и др. – все качества, так или иначе обеспечивающие успешность освоения образовательных программ.

Мы рассматриваем указанную проблему в ракурсе теорий адаптации и здоровьесбережения. С этих позиций считаем, что педагогическая оптимизация

жизнедеятельности обучающихся может быть нацелена на создание условий для максимально возможного ускорения адаптационных процессов и эффективности здоровьесбережения с учетом индивидуальных особенностей и возможностей обучающихся при проектировании как образовательных результатов, так и жизнедеятельности (учебной, досуговой, профессиональной и т. д.) субъектов. В этом случае эффективность адаптации и степень здоровьесбережения будут рассматриваться как показатели оптимальности жизнедеятельности и образовательного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов, А. А. Процесс оптимизации как способ создания психолого-педагогической среды / А. А. Айрапетов // Научный журнал КубГАУ. – 2017. – № 126 (02).
2. Асеев, В. А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание / В. А. Асеев. – Л. : ЛГУ, 1977. – 229 с.
3. Бабанский, Ю. К. О дидактических основах повышения эффективности обучения / Ю. К. Бабанский // Народное образование. – 1986. – № 11. – С. 105–111.
4. Бароненко, В. А. Принципы и факторы оптимизации адаптивных систем : монография / В. А. Бароненко, С. И. Белоусова. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – 120 с.
5. Кежов, А. А. Психолого-педагогические проблемы адаптации девушек-курсантов к условиям университета МВД / А. А. Кежов // Академический вестник Института образования взрослых Российской академии образования. – 2012. – С. 180–182.
6. Кротова, М. Н. Адаптированность как психическое свойство и методика ее диагностики у курсантов военных вузов / М. Н. Кротова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – № 4. – С. 91–95
7. Лихачева, А. Н. Оптимизация процесса обучения как способ повышения его эффективности в условиях современной образовательной парадигмы / А. Н. Лихачева // Научный журнал КубГАУ. – 2017. – № 130 (06).
8. Подласый, И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учебное пособие для вузов / И. П. Подласый. – М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.
9. Рахманова М. Д. Оптимизация педагогического процесса на основе учета мотивов усвоения языков и интеллектуального потенциала студентов / М.Д. Рахманова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 219–224
10. Таширов, А. И. Оптимизация как категория современной педагогики / А. И. Таширов, О. А. Козырева // Инновационная наука. – 2016. – № 6. – С. 260–261.

REFERENCES

1. Airapetov A.A. The optimization process as a way to create a psychological and pedagogical environment. *Nauchnyy zhurnal KubGAU = Scientific Journal KubSAU*, 2017, No. 126(02). (In Russian).
2. Aseyev V.A. *Ekstremal'nye principy v estestvoznanii i ih filosofskoe sodержanie* [Extreme principles in natural science and their philosophical content]. Leningrad, LSU, 1977. 229 p.

3. Babanskiy U.K. On the didactic foundations of increasing the effectiveness of training. *Narodnoye obrazovaniye = Novgorod's Education*, 1986, No.11, pp 105-111. (In Russian).
4. Baronenko V.A. *Principy i faktory optimizatsii adaptivnyh sistem: monografiya* [Principles and factors of optimization of adaptive systems: monograph]. Ekaterinburg, Ural Federal University, 2014. 120 p.
5. Kezhov A.A. Psychological and pedagogical problems of adaptation of female students to the conditions of the University of the Ministry of Internal Affairs. *Akademicheskij vestnik Instituta obrazovaniya vzroslykh Rossiyskoy akademii obrazovaniya = Academic Bulletin of the Institute for Adult Education of the Russian Academy of Education*, 2012, pp 180-182. (In Russian).
6. Krotova M.N. Adaptation as a mental property and the methodology for its diagnosis among cadets of military universities. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of KSU Named after N.A. Nekrasov. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 2015, vol. 21, No. 4, pp 91-95. (In Russian).
7. Lihacheva A.N. Optimization of the learning process as a way to increase its effectiveness in the modern educational paradigm. *Nauchnyy zhurnal KubGAU = Scientific Journal KubSAU*, 2017, No. 130(06). (In Russian).
8. Podlasyj I.P. *Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov: ucheb. posobie dlya vuzov* [Pedagogy: 100 questions – 100 answers: textbook for universities]. Moscow, VLADOS-press, 2004. 365 p.
9. Rahmanova M.D. Optimization of the pedagogical process on the basis of taking into account the motives for learning languages and the intellectual potential of students. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, vol. 7, No. 2(23), pp 219-224. (In Russian).
10. Tashirov A.I., Kozyreva O.A. Optimization as a category of modern pedagogy. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Innovatsionnaya nauka» = International Scientific Journal "Innovative Science"*, 2016, No. 6, pp 260-261. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Трубачев И.В. Сущность педагогической оптимизации и ее задачи в военном вузе / И.В. Трубачев, Д.В. Соловей // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 29–36.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Trubachev I.V., Solovey D.V. The Essence of Pedagogical Optimization and Its Tasks at the Military School / I.V. Trubachev, D.V. Solovey // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 29–36. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 930

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О СУДЬБАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА

С.Л. Дударев

A NEW RESEARCH ON DESTINIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE CAUCASUS

S.L. Dudarev

Аннотация. В статье дается оценка нового монографического исследования известного российского историка, доктора исторических наук, профессора В.А. Матвеева, которое посвящено особенностям российского освоения Кавказа, заселявшегося представителями различных народов России, среди которых системообразующую роль играли представители русского этноса. Автор прослеживает особенности заселения Кавказа русскими и шире, восточнославянскими переселенцами, их состав и специфику статуса, проблемы его дефиниций, вопросы демографии, роль государства в организации российского освоения Кавказа с помощью восточных славян, диалектику его взаимоотношений с русским и горским этническим элементом.

Abstract. The article evaluates a new monographic study of a famous Russian historian, doctor of historical sciences, professor V.A. Matveev. It is devoted to the aspects of the expansion of the Caucasus by Russians, where various peoples of Russia got settled; among them the system-forming role was played by representatives of the Russian ethnic group. The author traces the features of the Caucasus settling by Russians and by East Slavic immigrants, their composition and status specifics, the problems of its definitions, the issues of demography, the role of the state in organizing Russian expansion of the Caucasus with the help of the Eastern Slavs, the dialectic of its relationship with the Russian and gortsy ethnic elements.

Ключевые слова: дерусификация, демодернизация, деиндустриализация, восточнославянская этносфера, старожильческое население, автохтоны, туземцы, согражданство, терско-гребенское казачество, религиозные диссиденты, старообрядцы, молокане, духоборы, колонизация, фронтирность.

Keywords: de-Russification, demodernization, deindustrialization, East Slavic ethnosphere, old-timers, autochthons, natives, co-citizenship, Terek-Grebensky Cossacks, religious dissidents, Old Believers, Molokans, Dukhobors, colonization, frontierism.

Проблема истории русского присутствия на Кавказе сегодня приобретает особое значение в связи с тем, что как российские субъекты этого региона, так и зарубежные ныне страны, находящиеся на его территории, подверглись

после 1991 г. процессу дерусификации, который знаменательно совпал с другими, не менее знаковыми и деструктивными явлениями – демодернизацией, деиндустриализацией и т. п. В связи с этим, появление нового исследования, которое обращено к начальному периоду заселения Кавказа представителями русского этноса, представляет большой интерес [1].

В.А. Матвеев определяет объектом своего исследования российский Кавказ в границах до революционного кризиса 1917–1921 гг., т. е. тех, которые были границами Российской империи. Предметом же работы историк видит особенности формирования *восточнославянской этносферы* и изменения в ней в ходе гражданской войны. Таким образом, при формулировании предмета автор делает важную оговорку, отмечая, что в поле его зрения будут не только русские, но и вообще все восточнославянские переселенцы на Кавказ в указанные им хронологические рамки. Ниже мы увидим, что для автора русская и восточнославянская идентификации для исследуемого им периода фактически синонимичны.

Во Введении автор изначально стремится провести важную мысль о том, что «колонизация» позволяла преодолеть локальную обособленность, создававшую препятствия при государственном совмещении, она способствовала интеграции Кавказа в состав России (с. 3). Не возможно не согласиться с В.А. Матвеевым в этом: один из аргентинских президентов XIX в., Х.-Б. Альберди, справедливо утверждал: «Править – значит заселять». В то же время, автору, полагаем, следовало бы дать четкое понимание дефиниции «колонизация», в отличие от термина «колониализм», подобно тому, как это делали ранее некоторые другие историки-кавказоведы [2].

Для определения статуса русских и восточнославянских переселенцев и их потомков на Кавказе для любого исследователя, занимающегося этим вопросом, очень важно также дать ту дефиницию, которая бы определила и обосновала их присутствие в стране гор. Автор сопоставляет определение «оседлость» с дефиницией «старожильческое население»¹ и ставит между ними знак равенства в смысловом плане. Одновременно В.А. Матвеевым используется термин «коренные жители», т. е. те, кто длительно проживает на данной территории и вносит вклад в ее хозяйственное развитие (здесь вспоминается фраза из Священного Корана о том, что земля принадлежит тем, кто ее оживляет). К «иноэтничным общностям» автором отнесено вовсе не восточнославянское население. Эти общности именуются историком «туземным», «иностранческим» населением, как в русских источниках (с. 6). Мы бы полагали, что следует отождествить термины «старожильческое» и «коренное» население, как очень близкие, по сути. Очень важно, что дагестанские ученые Б.Б. Булатов и Р.И. Сефербеков, стоя, практически, на такой же позиции, констатируют: «Дагестанские русские – один из коренных

¹ Этот термин традиционно применяется для обозначения длительно проживавших на территории Северного Кавказа групп восточного славянства и представителей ряда других народов (армян, грузин, горских евреев, греков, и др.).

этносов республики, проживающих в Дагестане со Средневековья» [3]. Что же касается «инородческого», то в археологии и этнографии существует прекрасный синоним данному термину – «автохтонное», т. е. «той земли» (синоним, на наш взгляд, дореволюционного термина «туземцы», который, полагаем, не носил уничижительного оттенка, как считалось в советский период). Автор использует его в главе III (с. 122) и поэтому есть все основания анонсировать применение такового уже во вводной части монографии. Приведенная выше градация необходима для того, чтобы легитимизировать присутствие восточнославянского населения на Северном Кавказе (появившегося здесь еще в средние века: часть населения Тмутараканского княжества, пленные «сакалиба» (славяне), поселенные Марваном в Дагестане в VIII в., пленники в золотоордынских центрах региона, казаки-бродники и т. д.) и снять с него вредное клеймо «колонизаторства». Оно, к сожалению, присутствует в части кавказской историографии, прежде всего, зарубежной, а также в медиа- и блогосфере.

Значительная часть вводного раздела весьма симптоматично (см. выше) посвящена В.А. Матвеевым тому, чтобы доказать консолидированность восточнославянского населения всей России, а значит и кавказского региона вплоть до 1917 г., отсутствие сегментации в его среде на русских, украинцев и белорусов (с. 7), идея которой увязывается автором с национальной политикой партии большевиков. По существу, по В.А. Матвееву, русские, украинцы и белорусы до этого момента выступают как *субэтны русского народа*. В качестве подтверждения этой прежней «неразделенности» автор приводит суждение И.Х. Тхамоковой о том, что восточнославянское население Кабардино-Балкарии в конце XX в. считало себя русским (с. 12). На наш взгляд, подобная самоидентификация данного населения, известная автору данной рецензии (уроженцу г. Грозного) и по сопредельным субъектам Северного Кавказа того же периода, не является результатом некоей изначальной «монолитности» восточного славянства.

Это итог консолидационных процессов, шедших в среде восточнославянского населения региона с конца XIX в., жившего в иноэтничном окружении и осознававшего общность своих культур и исторических судеб (сам же автор не без оснований замечает: «условия экстремальности обостряли чувство общерусского патриотизма»). Более того, в связи с историей русского (восточнославянского) населения Кавказа и верной постановкой вопроса В.А. Матвеевым о становлении согражданства в Российской империи (с. 8), уместно ставить вопрос и о такой общности, как «русскоязычные». Но, разумеется, мы понимаем, что автор в данный момент не ставил перед собой такой задачи, требующей отдельного исследования. В то же время важно, что В.А. Матвеев указывает на дифференциацию, вбиравшую местную этническую специфику, в восточнославянской среде, которая сопровождалась особыми состояниями кодификации (с. 16). Здесь необходимо вспомнить о таком понятии, введенном еще М.Ю. Лермонтовым, как «кавказец» [4].

Популяция русских «кавказцев» может считаться конкретным отождествлением одного из указанных «состояний кодификации»¹.

В то же время преувеличивать монолитность восточного славянства до 1917 г. (в том числе и на Кавказе) и относить его дальнейшую дивергенцию только на счет результатов воплощения большевистских доктрин нациестроительства в 1920–1930-е гг., как это делает автор монографии, вряд ли стоит. Не будем забывать о том, что русский народ в целом был расколот в результате вестернизаторских реформ Петра I на две противостоящих друг другу «нации», что послужило в будущем одной из важнейших причин исторической драмы 1917 года. На Северном же Кавказе такой субэтнос русского народа, как казачество, не был вполне един с другими частями русского этноса. Мы имеем в виду т. н. «иногородних», подвергавшихся и дискриминации и эксплуатации со стороны станичников. Не стоит забывать и о том, как казаки-старообрядцы неприязненно относились к солдатам, находившимся на постое в терско-гребенских станицах. Для них горцы, связанные с казаками узами куначества, могли быть культурно и ментально ближе, чем «свои» россияне (см. «Казаков» Л.Н. Толстого).

В емком обзоре состояния изученности проблематики, которая включает как работы дореволюционного, советского и современного российского периодов, в качестве квинтэссенции можно указать на констатацию Т.М. Шамба, который констатировал, что «ни один народ в составе России не исчез с лица земли» (с. 29), что напоминает фразу И. Ильина «Сколько народов Россия получила, столько их и соблюла». Особое место в историографическом анализе занимают работы Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, прежде всего идея «русскости», которая, по существу, является стержневой в понимании диалектики взаимоотношения русского (восточнославянского) элемента и местных этносов. Однако сама диалектичность данной концепции не получила вполне четкого позиционирования. Между тем, она основана на противоречии между теснейшим синтезом русских и нерусских компонентов (ярчайшим примером таковых является терско-гребенское казачество) и наличии принципа совместничества (= соперничества), которые также ярко демонстрирует история русского (в т. ч. казачьего) присутствия на Кавказе. Его народную формулу можно выразить словами из лексикона казака-черноморца о горских соседях («вдэнь мирній, а в ночі дурній»). Тем не менее В.А. Матвеев приводит одно крайне важное обстоятельство. Академические экспедиции, направлявшиеся в Дагестан в начале XX в., выявили отсутствие употребления русского языка

¹ Лермонтов выделял т. н. «настоящих кавказцев», т. е. длительно служивших на Кавказе офицеров, и «ненастоящих», статских, делавших здесь чиновничью карьеру, хотя и интересовавшихся местными древностями. В исторической перспективе к «кавказцам», по нашему убеждению, стали относиться и все те россияне-«старожилы» («коренные»), которые стремились с уважением и пониманием относиться к местной этноязыковой и культурной специфике и в той или иной степени владеть ею.

в среде мусульманского населения (по автору, яркое свидетельство отсутствия т. н. «русификации»). Тем не менее, значительная часть местных горцев воспринимала Россию в качестве родины (с. 14). Это показали дальнейшие события Великой войны, когда на ее фронтах воевала Кавказская туземная конная дивизия (т. н. «Дикая дивизия»), в рядах которой не известно ни одного случая дезертирства. А ведь еще деда этих горских конников сражались против российских войск в «Кавказской войне».

Подводя итог вводного раздела, можно сказать, что В.А. Матвееву в целом удалось позиционировать важность темы создания российской этносферы на Кавказе, как системообразующего условия интеграции этого региона в состав Российского государства.

В I главе монографии «Становление представлений и концепций» представлена история складывания того дискурса, который, в конечном счете, привел к возникновению соответствующих научных основ, на которые опирается нынешнее понимание исследуемой проблемы.

Важную роль в анализе В.А. Матвеева имеют работы дореволюционных историков, которые, фактически, во многом и обуславливают исследовательские подходы автора. В основании представленного им историографического анализа лежит краеугольное суждение М.В. Ломоносова, весьма актуальное и на сегодня, о том, что государственная власть должна заниматься сохранением и размножением русского народа, что крайне необходимо для укрепления целостности России (с. 43). Другой основополагающей мыслью для изучаемой проблемы можно считать знаменитую фразу В.О. Ключевского о том, что «история России – это история страны, которая колонизируется». Еще одним опорным тезисом, вытекающим из работ М.П. Драгоманова, является та, что русская колонизация сопровождалась интеграционными трансформациями, приводившими к *общегражданскому состоянию* (с. 51). Иное дело, какими путями шло заселение российских территорий, каков был характер их колонизации, ее движущие силы и т. п. С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и др. отмечали, что колонизационное движение, главным «мотором» которого являлось крестьянство, носило мирный и стихийный характер. Местный элемент вливался в среду переселенцев без принуждения, миро сожительствовал с русскими (с. 59, 76). Правительственная же инициатива не играла решающей роли (с. 61, 64). Переселенческое движение из Великороссии на какие-либо преимущества не опиралось (с. 72). Расширение границ государства не носило характер прямой завоевательной экспансии. Оно совершалось, по Любавскому, из соображений государственной безопасности (с. 65), ибо среди препятствий в деле закрепления восточных славян на южных порубежных территориях серьезную угрозу представляла набеговая экспансия (Казанское, Астраханское, Крымское ханства), требовавшая огромного напряжения государственных и народных сил (с. 69–70). Тот же Любавский указывал, что на долю завоеванных

областей относится всего 10 % территории¹. В то же время у С.Ф. Платонова можно найти указания на сложную внутреннюю мотивацию переселенческих движений. Мы имеем в виду то, что этот историк развитие русской колонизации после XIII–XIV вв. объяснял стремлением крестьян освободиться от зависимости, видел в этом проявления социального протеста, носители которого участвовали в формировании «взрывоопасной среды казачества» (с. 59). Еще одна серьезная проблема, которую порождало переселение, вернее недостаток численности вновь прибывших, заключалась в невозможности развития общественной самодеятельности и непомерном развитии центральной власти (с. 74) (М.К. Любавский).

Фактическим оппонентом дореволюционных авторов выступил В.И. Ленин, который в «Развитии капитализма в России» рассматривал переселение как акт во славу русификации окраин. Полагаем, он был отчасти прав, считая, что исход крестьян мог значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос, а переселение поощрялось в связи с приближением крестьянского движения в России (с. 57). Однако переселение могло указанный вопрос на местах и обострить, в связи с малоземельем, например, у горцев, что актуально в рамках изучаемой нашим автором темы. Любопытно приводимое В.А. Матвеевым мнение М. Славинского (1910), согласно которому русская колонизация давала весьма устойчивый базис для имперской политики. Разве тут нет прямой переклички с Лениным? Заканчивается глава критикой взглядов М.С. Грушевского, который приоритетную роль в освоении южных ареалов от Карпат до Кавказа приписал украинцам, причем украинская колонизация, по его утверждению проникла даже в горную область Кавказа и прикаспийские степи. Между тем, все было гораздо сложнее. В среде казачества Кубани, особенно после создания в 1860 г. Кубанского казачьего войска путем объединения Черноморского казачьего войска и 6 бригад Кавказского линейного казачьего войска усилились консолидационные процессы. Это ускорило выработку единого самосознания (кубанский казак; вместо черноморец, линейец). Усилилось и взаимодействие русской и украинской этнокультурных традиций. По словам Ф.А. Щербины, в ряде станиц население «получило смешанную, двойную окраску: образовалось нечто среднее между великороссами и малороссами». Особенно это было характерно для Закубанья. Тесное взаимодействие русских и украинских традиций привело к тому, что местное население говорило о себе так: «Ми ні те, ні се (т. е. ни русские, ни украинцы – Авт.). Ми перевертні. Ми кубанці». Подобные процессы шли и в Восточном Предкавказье, хотя здесь они были отмечены своей спецификой, связанной с непростым характером адаптации и интеграции украинского и русского компонентов восточнославянского населения.

¹ Правда, в эти 10 % он ошибочно включал Грузию и Армению, на что верно указывает автор.

Глава II «Переселение сектантов на периферию» показывает нам один из путей заселения кавказской окраины русским элементом, а именно, с помощью, как выражается автор, «оппозиционных официальному православию слоев населения», каковых мы, со своей стороны, именовали бы «религиозными диссидентами». В связи с ограниченностью объема мы не можем сейчас детально входить в область подоплеку раскола, которой касается автор, но согласимся с его мыслью, что восстановление государственного единства предполагало унификацию и устранение накопившихся расхождений в области вероучения и культа (с. 81), ибо усиление абсолютистских тенденций в общественной жизни требовало того же и в делах религии. Такие религиозные деноминации, как старообрядцы, молокане и духоборы подверглись выдавливанию на периферию государства. Причина этого, по В.А. Матвееву, предоставившему сравнительный анализ их учений (с. 87–97), заключалась, в том, что противопоставление себя официальной церкви осуществлялось ими, не в последнюю очередь, недовольством существующими порядками. Однако и сами представители указанных деноминаций имели свои основания для того, чтобы оказаться в Закавказье, а именно, эсхатологические упования (наступление тысячелетнего царства, согласно учению молокан, следовало ожидать, в частности, близ Арарата (легенда о Ноевом ковчеге) (с. 104). Автор полагает, что стержнем для сплочения разнородных этнических общностей на Кавказе выступало государственное объединительное начало, которое поддерживало равновесие между конфессиями и выполняло охранительные функции. Опорой для него на ранних стадиях в периферийных ареалах служило, прежде всего, русское население (с. 97). Мы согласны с В.А. Матвеевым в этом заключении, причем не стали бы ограничивать опорную роль русского (и в целом, восточнославянского) населения лишь «ранними стадиями». Современная дерусификация Северного Кавказа несет прямую угрозу российской государственности в этом регионе, который, как констатируют некоторые современные аналитики, «отчаливает от Российской Федерации». Однако в исследуемый историком период к «опорному элементу» официальных властей В.А. Матвеев причисляет и названные выше религиозные деноминации. Между тем, на наш взгляд, следует более осторожно оценивать роль сектантов в укреплении российской государственности в ту эпоху. Описанная историком картина противоречива. С одной стороны, они действительно играли немаловажную роль в местной экономике, (извоз, животноводство и др.), исполняли налоговые и иные повинности, сочувственно относились к успехам и неудачам Отечества (сославшего их!) во внешней политике. В их среде в экстремальной обстановке обострялось сознание русскости, а этнические начала стали преобладать над религиозными (с. 107, 112–113). С другой же, благонадежность и законопослушание сектантов были, мягко говоря, весьма относительными. Духоборы, например, не желали служить в армии, отдельные группы староверов же, не желая подчиняться требованиям властей, бежали в имамат Шамиля, где основывали скиты.

В реальности, их «благонадежность» могла проистекать от того факта, что только власть и могла реально защитить их от недружественных действий иноэтничного окружения, о которых будет сказано ниже. Что же касается вклада сектантов в российское экономическое освоения Кавказа, то стоит глубже затронуть вопрос о том, как влияли особенности их учений на этот процесс, а именно: каковы были взгляды сектантов на накопление, богатство, роль денег, и т. д. Ведь ориентация на индивидуальный успех у молокан, что, в самом деле, сближало их с европейским протестантизмом (с. 102), должна была быть конкретно сопряжена со всем этим через соответствующие механизмы, которые нуждаются в специальном описании. Иными словами, вклад религиозных диссидентов в модернизацию Кавказа Россией требует дальнейшей конкретизации.

В *главе III* «Складывание специфики на юге» автор рассуждает о ситуации, сложившейся, прежде всего, в Закавказье в связи с присоединением к России по Сан-Стефанскому договору с Османской империей 1878 г. Ардагана, Батума, Баязета, Карса. В частности, он затрагивает один из самых болезненных вопросов кавказской действительности, связанный с формированием русской оседлости на Кавказе, особенно Северном, и представлявший для нее наибольшую угрозу – грабежи и разбои, подогревшиеся турецкой агентурой. Методически важной стороной данной главы является стремление автора определиться с дефинициями «колония» и «колонист», как тесно связанными с проблемой иноэтничной оседлости на Кавказе. По В.А. Матвееву, на Кавказе колониями называли поселения выходцев из зарубежных стран, как правило, европейских. На восточных славян оно не распространялось. Одновременно, автор отмечает, что обозначение «колония» использовалось на первых порах и к незначительной группе русского населения, например, при появлении ссыльных и добровольно переселившихся сектантов в Карскую область. При этом исследователь делает принципиальное указание на то, что согласно современной этнологии, длительно проживающие на той или иной территории государства переселенцы должны считаться «коренным» наряду с автохтонным (см. выше) постоянно проживающим населением (с. 119–120).

Как бы то ни было, но положение российской власти на вновь присоединенной территории было довольно шатким, учитывая то, что русских в Карской области было всего 7 %, из них 5 % – сектанты, духоборы, 2 % – православные (военнослужащие). Тем более что по признанию самого же автора, у мусульманского населения Карской области было устойчивое тяготение к единоверной Турции, в отличие, от Северного Кавказа, где таких настроений придерживалось меньшинство населения (с. 124–125). В.А. Матвеев прав, что в такой ситуации создавался непреодолимый цивилизационный разлом, являвшийся принципиальным препятствием для российской интеграции. Иными словами, удержание этих земель Россией было исторически неперспективно. Заметим, что и в данной главе автор продолжает настаивать на том, что духоборы и молокане Карской области воспроизводили лучшие

общины русские традиции, которые помогали организовать высокоэффективное, налаженное сельскохозяйственное производство, которое здесь ранее отсутствовало (с. 123, 126). Если историк подразумевает товарное производство, тот тут он, вероятно, прав. Но если речь идет об обычных сельскохозяйственных занятиях местного населения, то они существовали здесь с древнейших времен. Впрочем, самая принципиальная часть третьей главы посвящена конфликту правительства с духоборами, за которых активно вступился Л.Н. Толстой. По его описанию, кавказские духоборы по своим религиозным убеждениям отрицали необходимость нести военную службу, соблюдать церковную обрядность, признавать частную собственность и т. д. (с. 133). В конечном счете, многие духоборы мигрировали в другие страны – Австралию, Бразилию, Канаду и др., утратив при этом, в большинстве своем, состояния (полагаем, что будущие исследования могут пролить свет на судьбу их «наработок» в экономической области для тех территорий, где сектанты жили по время кавказской ссылки) (см. выше). Наиболее же важно в этой истории то, что правительство не шло на уступки этой деноминации, как, например, менонитам, освобожденным от призыва (воинский устав 1874 г., ст. 157) (с. 135). Весьма терпимыми власти были и в отношении мусульман. В.А. Матвеев последователен в данной главе в своей позиции относительно положения о важности сектантов как интеграционного фактора в сближении России и Кавказа (с. 149). Однако их роль в цивилизационном равновесии была хрупка и ненадежна. Власти же реализовали в их отношении известный принцип: бей «своих», чтоб «чужие» боялись. Ставка на колонизацию Закавказья религиозными диссидентами если и была, то являлась, в целом, ошибочной. Скорее, их отселение на кавказскую периферию играло, в конечном счете, охранительную функцию по отношению к русскому населению империи.

В главе IV «Колонизация Северных ареалов» автор рассматривает роль русского этнического элемента, преимущественно, казачества, в интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства. В.А. Матвеев неоднократно указывает на большую роль в обеспечении безопасности в контактных зонах казачеством, как наиболее подготовленной и мобильной частью населения, самой организованной в военном отношении разновидностью русского этнического сообщества, которое играло роль прикрытия для остальных разновидностей христианского населения (с. 156, 182 и др.), что, в принципе, справедливо. Именно по причине своей наибольшей способности к самоорганизации казачество в дальнейшем было разгромлено Советской властью¹.

¹ Однако история сыграла злую шутку: после 1991 г., когда советская власть сошла с исторической сцены, защитить русское и русскоязычное население, например, в Чеченской республике, как и порядок, законность в целом в этом субъекте РФ, оказалось некому: воинские формирования были выведены с ее территории. Возрождающееся же тогда казачество оказалось еще слишком слабым и неорганизованным для исполнения своей прежней роли и подверглось гонениям со стороны дудаевско-масхадовского режима наряду с остальными «русскоязычными».

Рассуждения историка подкреплены рядом демографических выкладок, в том числе и тем фактом, что у северокавказского казачества в начале XX в. прирост населения был на 10 % выше, чем у иноэтничного населения за счет еще ранее предоставленных властями казакам преимуществ (с. 172). Рост удельного веса казачества, как указывает автор, в начале указанного столетия продолжался и держался на уровне 27 % (с. 173). В целом же, восточные славяне преобладали на Северном Кавказе (75 % от общей численности народов региона). В Закавказье же эта цифра составляла всего 6 %. В то же время немаловажно, что естественные показатели роста населения на Северном Кавказе были выше у мусульманского населения (с. 171). Мы согласны с В.А. Матвеевым в его оценке значения укрепления на Северном и Южном Кавказе русского (и восточнославянского) населения, как фактора политической стабильности и государственной консолидации (с. 182). Мы бы сказали, что оно было своеобразным «разбавителем» местных этносов, у которых могли быть исторически сложившиеся претензии друг к другу (кровная месть, территориальные споры и т. п.). Наличие же русской прослойки смягчало эти конфликты, а то и вовсе способствовало их прекращению. В то же время весьма важно было бы констатировать тот факт, что русское население было серьезным фактором модернизации, и это касается не только (а в отношении Северного Кавказа – не столько) сектантов.

Тем не менее мы бы не стали, вслед за автором, преувеличивать значение казачества, как основной силы, обеспечивавшей безопасность восточных славян. В одной из предыдущих монографий В.А. Матвеева относительной ситуации, возникшей на Северном Кавказе в результате событий 1917 г., убедительно показано, что внутри восточнославянского населения наблюдался раскол на казачество и «иногородних». Имели место, с одной стороны, как попытки терского казачества дистанцироваться от последних, так, и, напротив, по мере ухудшения ситуации, проявилась тенденция консолидации с ними [5].

В главе V «Переформатирование пространства в 1917–1921 гг.» автор рассматривает те драматические геополитические перемены, которые последовали за обеими русскими революциями 1917 г., и их роль в исторических судьбах русского (восточнославянского) населения Кавказа.

В.А. Матвеев уделяет немало места критике политики большевиков, развивавшейся в русле Брестского мира и базировавшейся на идее «мировой революции». Поскольку эта тема весьма обширна и выходит за рамки рецензируемой монографии, мы не станем детально в нее углубляться и отметим лишь следующее. Бесспорно, что начавшиеся потрясения самым отрицательным образом повлияли на ситуацию «русского мира» на Кавказе, само возникновение которого, как здесь, так и в других «нерусских» частях империи было объявлено «захватом царей». Автор объясняет такой концептуальный подход ложными представлениями В.И. Ленина об особенностях становления России как государства (с. 185). Рисуя картину разрушения русской этносферы края, сопровождавшегося массовым перемещением

населения (т. е. беженцев) вглубь России¹, историк вновь применяет идею «цивилизационного разлома», к чему мы относимся с пониманием. Но, между тем, целесообразно было бы в данной ситуации, как и применительно ко всей работе в целом, вспомнить и о теории «фронта», в которой определяющим моментом является понятие о «неопределенности», являющейся сущностной стороной ситуаций, подобных кавказской. Казалось бы, нахождение присоединенных кавказских территорий в составе Российского государства было фактом свершившимся, открытые очаги сопротивления были устранены еще в XIX в. Но противники теории «фронта», к которым еще совсем недавно относились и мы сами, не учитывали такой грани проблемы, как ментальность. В ее сфере «фронт», как показали в будущем события двух «чеченских войн», не исчез никуда. Такая доминирующая часть ментальной сферы, как маскулинность, закреплённая через исламские ценности, и постулирующая необходимость самоутверждения через сопротивление (правы те историки, которые пишут: «горская культура по преимуществу была культурой борьбы и для борьбы») [2, с. 235] далеко не исчерпала потенциал для реализации, тем более в изучаемое автором время.

Разумеется, все особенности ситуации 1917–1921 гг. невозможно свести только к проявлениям «фронтности». Например, территориальные уступки большевиков, в ходе которых они поступились, в частности, историческими интересами армянского народа (Московский договор 1921 г.), были выражением их надежд на скорые революции в странах Востока, прежде всего, мусульманских. В.А. Матвеев, прав, указывая: «Ленин и его окружение несут непосредственную ответственность за игнорирование российских государственных интересов» (с. 207). Это, в принципе, так, но нужно понимать и то, что у большевиков был свой «формат» интересов – интернационалистский и глобалистский. Троцкий и Ленин готовы были принести ему в жертву многое. Их оппонентом в самом недалеком будущем выступил И.В. Сталин. Но его строительство «красной империи» потребовало новых жертв, возможно, еще больших, чем проекты отечественных «глобалистов».

В конце концов потрясения на Кавказе и Юге России, как отмечает В.А. Матвеев, закончились с нарушением справедливости по национальному признаку, с утратой геополитических позиций, сужением цивилизационного пространства и игнорированием судеб людей. Все верно. Но если мы вспомним события начала 1990-х гг. в нашей стране, то все повторилось, причем

¹ Сообщая о массовом переселении сектантов из Карской области в Россию в 1922 г. автор с горечью пишет о том, что этим несчастным никто не оказывал помощь (с. 209). Возникает вопрос – а в самом начале 1990-х гг. кто-либо оказывал помощь беженцам из Чечни? Как непосредственный участник этого исхода могу ответить – нет. Каждый покидал малую родину на свой страх и риск, и не всем удалось сделать это. Что же касается приема на новых местах проживания, то и ныне есть немало беженцев, живущих в котельных и т. п. объектах, которые могут только мечтать о «компенсации» и т. д. Отношение же местного русского населения к «своим» выходцам из Чечни и других «горячих точек» – это вообще тема отдельного разговора.

с еще более трагическим размахом. По-видимому, дело не в том, кто в конкретный момент у власти в Центре, а каково ее состояние. Как нам уже доводилось замечать в рецензии на упоминавшуюся выше работу В.А. Матвеева, бедственное положение на Северном Кавказе и гонения на русское население, в особенности в периоды обострений внутривластной ситуации – «четкий маркер слабости центральной власти» [6].

В Заключении автором подводятся итоги исследования. Укажем на наиболее принципиальные из них. Итак, колонизация способствовала расширению пределов российской государственности. Значительная часть занимавшихся земель включалась в состав России мирным путем. Русская оседлость порождала исторические реалии складывания контактных зон сближения. Наиболее высокую заинтересованность к включению в состав России Кавказа проявляло христианское население, что было условием его выживания. Присутствие русских сектантов увеличивало потенциал солидарного взаимодействия с другими народами Кавказа. Русская колонизация складывалась из народной и правительственной инициатив. Но содействие правительства и его соответствующие решения при заселении окраин определяющего значения не имели¹. Восточнославянская колонизация Кавказа сопровождалась смешением населения и способствовала постоянным межэтническим контактам. На государственном уровне выдерживался критерий Единого Отечества. Увеличение численности благонадежного населения на Кавказе ослабляло вероятность его отторжения. Колонизация ослабляла вероятность утраты территории. Важнейшую роль для поддержания идентичности у восточнославянского сообщества играл фактор единства веры. Русская колонизация Кавказа являлось одной из составляющих предпринимавшихся усилий на сплочение разнородных этнических общностей. Восточнославянская оседлость являлась интегрирующим фактором. Скрепляющим стержнем для них выступало объединительное государственное начало, поддерживающее равновесие между конфессиями и выполняющее охранительные функции.

Мы можем согласиться с большинством из выводов ученого. В то же время не можем не заметить того, что российское государственное начало во все времена могло и поступаться интересами русских, христианских (в наше

¹ Мы не можем вполне согласиться с этой точкой зрения. Правительство приняло ряд указов, облегчающих переселение крестьян, т. н. иногородних, на территорию Северного Кавказа. Так, за 30 лет (1867–1897 гг.) в Кубанскую область прибыло 946,4 тыс. переселенцев (общая численность населения составила более 1 млн 900 тыс. чел.). Основную их массу составили крестьяне Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской, Харьковской и др. губерний. Эту особенность динамики этнической структуры населения Северного Кавказа некоторые исследователи именуют «славянизацией» (Матвеев, О. В. Этнические миграции на Кубани: история и современность / О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев, Д. Н. Ракачев. – Краснодар, 2003. – С. 49; Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. – М., 2005. – С. 50).

время и русскоязычных) общин в пользу национальных сил для приобретения их лояльности¹. Монография В.А. Матвеева является серьезным вкладом в изучение проблем интеграции Кавказа в состав России и строительства межнациональных отношений в этом многонациональном регионе. Сделанные же нами замечания должны способствовать дальнейшему обсуждению темы, освещенной автором в рассмотренном исследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев, В. А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв. / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Изд-во Южного Федерального университета, 2018. – 240 с.
2. Лазарян, С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки / С. С. Лазарян. – Пятигорск, 2009. – С. 215–227.
3. Булатов, Б. Б. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период / Б. Б. Булатов, Р. И. Сефербеков // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104.
4. Лермонтов, М. Ю. Кавказец / М. Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1965. – С. 137–140.
5. Матвеев, В. А. Националистическая Вандея и проявление устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. ; Таганрог, 2017. – С. 159–161.
6. Дударев, С. Л. О новом монографическом исследовании В.А. Матвеева по истории Северного Кавказа / С. Л. Дударев // II Виноградовские чтения : материалы II Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). – Армавир, 2018. – С. 206–209.

REFERENCES

1. Matveev V.A. *Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vv* [Russian settledness in the Caucasus: features of formation in the second half of the XVIII – beginning of XX centuries]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2018. 240 p.
2. Lazaryan S.S. *Vorontsovskiy Kavkaz. Istoricheskiye ocherki* [Vorontsov Caucasus. Historical essays]. Pyatigorsk, 2009. pp. 215-227.
3. Bulatov B.B., Seferbekov R.I. The Russian population of the cities of Dagestan: dynamics of the number and causes of the outflow in the post-Soviet period. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki = Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 2018, No. 4 (41), p.104 (In Russian).
4. Lermontov M.Y. *Kavkazets* [Caucasian] *M.Y. Lermontov. Collected works*. Moscow, 1965, pp. 137-140 (In Russian).

¹ В период командования на Кавказе такой знаковой фигуры, как А.П. Ермолов, российские власти в обмен на преданность мусульманской верхушки Балкарии сквозь пальцы смотрели на искоренение христианства на данной территории (Батчаев, В. М. Балкария в XV – начале XIX в. / В. М. Батчаев. – М., 2006. – С. 178). В.А. Матвеев в отношении судьбы русских беженцев пишет: «Проблема русских беженцев большевистским руководством не воспринималась» (с. 217). Но в наше время дело обстояло не лучше [5].

5. Matveev V.A. *Natsionalisticheskaya Vandeya i proyavleniye ustoychivosti rossiyskoy integratsii na Severnom Kavkaze v krizisnykh usloviyakh* [Nationalist Vendée and the manifestation of the stability of Russian integration in the North Caucasus in crisis conditions]. Rostov-on-Don; Taganrog, 2017. pp. 159-161.

6. Dudarev S.L. About a new monographic study by V.A. Matveev's on the history of the North Caucasus. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* = *Materials of the II International Scientific and Practical Conference* (Armavir, ASPU, April 7, 2018). Armavir, 2018, pp. 206-209. [In Russian].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Новое исследование о судьбах русского населения Кавказа / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 37–50.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. A New Research on Destinies of the Russian Population of the Caucasus / S.L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 37–50. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

О ВОЕННОМ ИСТОРИКЕ А.Л. ГИЗЕТТИ И ЕГО ТРУДАХ

Т.А. Колосовская

ON THE MILITARY HISTORIAN A.L. GIZETTI AND HIS WORKS

T.A. Kolosovskaia

Аннотация. В статье рассматривается служебная биография и анализируется творческое наследие историка кавказских войск генерал-майора Генерального штаба Антона Людвиговича Гизетти (1836–1911). На основании официальных документов и материалов кавказской периодической печати автор останавливается на характеристике малоизвестного эпизода его биографии, повлиявшего на дальнейшую профессиональную деятельность Гизетти и послужившего толчком для начала его творческой карьеры. Большое внимание в статье уделяется обзору исследовательских работ генерала. Анализ его печатных трудов позволил прийти к выводу о том, что Гизетти продолжил традиции разработки библиографических и справочно-статистических изданий по вопросам военной истории Кавказа. Его исследования, основанные на документах местных архивов, многие из которых впоследствии были утрачены, не потеряли своего научного значения и являются важной частью источниковой базы исторического направления современного кавказоведения.

Abstract. The article focuses on the biography of military service and on the published legacy of the Caucasus military troops Historian, the Major-General of the General Staff Anton Ludwig Gizetti (1836–1911). Based on the official documents and materials of the Caucasus press the author studies an unknown episode in the hero's biography that influenced on Gizetti's career and his professional activities. The author pays attention to studying the research papers of the General. The analysis of the printed materials allowed us to make a conclusion that Gizetti continued the traditions of the bibliographical and reference books development on the issues of the Caucasus military history. His studies, which were based on the local archives that were subsequently lost, are still of a great scientific importance and an important part of the primary sources base for the Caucasus studies nowadays.

Ключевые слова: А.Л. Гизетти, кавказоведение, военная история Кавказа, Кавказский военный округ, Военно-исторический отдел, историография.

Keywords: A.L. Gizetti, Caucasus studies, military history of the Caucasus, Caucasus Military District, the Military Historical Department, historiography.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00037*

*«Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты,
исследовательские практики и научное наследие»*

Одним из актуальных вопросов как отечественной, так и зарубежной исторической науки является культурное освоение кавказской окраины Российской империи [1; 13]. Раскрытие этой сложной и многоаспектной темы

связано с рассмотрением личностей тех, интеллектуальные усилия которых способствовали формированию дореволюционного кавказоведения. Важное место в галерее таких персоналий занимают российские военные, которые в силу своей службы на Кавказе оказались вовлечены в процесс его изучения. При этом некоторые из них в силу тех или иных причин не удостоились заслуженной славы и, что называется, остались в тени своих более успешных коллег.

В список таких исследователей входит историк кавказских войск генерал-майор Генерального штаба Антон Людвигович Гизетти. Многие современные исследователи военной истории Кавказа обращаются к его работам. Однако как жизненный путь автора, так и его творческое наследие остаются недостаточно изученными. Отрывочные сведения о нем можно найти лишь в Военной энциклопедии [10, с. 314–315] и историческом очерке Н.П. Глиноецкого, посвященном Николаевской академии Генерального штаба [11, с. 140]. В работах зарубежных авторов, в которых характеризуется исследовательская деятельность российских офицеров, его имя даже не упоминается [2].

Во многом это объясняется тем, что о Гизетти, как типичном примере человека второго плана в истории, сохранились лишь фрагментарные сведения. Анкетные данные из списка чинов по старшинству, заметки из местных периодических изданий и его печатные труды, при отсутствии источников личного происхождения (дневников, мемуаров, писем) не позволяют создать его полную биографию. В рамках настоящей статьи рассмотрим отдельный эпизод служебной биографии генерала и проанализируем его деятельность на поприще изучения военной истории Кавказа.

А.Л. Гизетти родился 11 июня 1836 г. По окончании Одесского Ришельевского лицея, в 1855 г. он поступил на военную службу унтер-офицером в Подольский пехотный полк. В 1858 г. был произведен в прапорщики.

Свое образование Гизетти продолжил в Николаевской военной академии, по окончании которой в 1863 г. был причислен к Генеральному штабу. В 1871 г. Гизетти получил чин капитана и назначен заведующим передвижением войск Виленского военного округа. В 1875 г., с производством в подполковники, назначен старшим делопроизводителем канцелярии комитета по передвижению войск [10, с. 314].

В 1882 г., уже будучи полковником, Гизетти получает назначение на Кавказ исполняющим делами начальника штаба 39-й пехотной дивизии и 19 ноября 1883 г. высочайшим приказом по военному ведомству утверждается в этой должности [12, 1883 г., № 269, с. 1]. С этого времени вся дальнейшая его служба оказалась связана с кавказской окраиной империи. Последним его назначением стала должность начальника штаба местных войск Кавказского военного округа [10, с. 314]. Со своими должностными обязанностями Гизетти справлялся блестяще, свидетельством чему является объявление ему в 1885 г. императором «благоволения за усердно-отличную службу» [12, 1885 г., № 246, с. 1].

Сведения о личной жизни Гизетти весьма скупы. Из списка полковникам по старшинству на 1 мая 1889 г. узнаем, что он был вдовцом православного вероисповедания [15, с. 132].

Весьма типичная для того времени служебная карьера Гизетти была неожиданно прервана. Высочайшим приказом по военному ведомству от 28 мая 1890 г. полковник Гизетти был уволен от службы из-за болезни, с производством в генерал-майоры [12, 1890 г., № 145, с. 1]. Заметки, публикуемые на страницах местной газеты «Кавказ», позволили выяснить истинные причины случившегося. В одном из июньских номеров за 1890 г. сообщалось, что к слушанию в Кавказском военно-окружном суде назначено дело о бывшем начальнике штаба местных войск Кавказского военного округа отставном генерал-майоре А.Л. Гизетти и бывшем старшем адъютанте того же штаба штабс-капитане Н.Н. Петровском [12, 1890 г., № 162, с. 2]. Дело касалось растраты казенных денег и подлога документов.

Суть произошедшего заключалась в следующем. Штабс-капитан Петровский, пристрастился к карточной игре и из штабных сумм проиграл в общей сложности около 4 000 руб. Желая скрыть растрату, он подделал банковские документы. Гизетти о поступке Петровского знал, но из чувства сострадания к нему и желая дать время вернуть похищенное, преследования не возбудил, за что был обвинен в покрывательстве растраты и подлога подчиненного ему лица.

Судебные разбирательства тяжело отразились на судьбе Гизетти. Он был вынужден подать в отставку, и остался без всяких средств к существованию. Хотя виновным себя Гизетти так и не признал, приговор суда оказался суровым. Бывшего подчиненного Гизетти, штабс-капитана Петровского лишили всех прав состояния и сослали в Сибирь на поселение. Относительно самого Гизетти суд постановил: «Лишить всех особенных лично и по состоянию ему присвоенных прав и преимуществ, в том числе дворянства, чинов, орденов, медали, знаков «Красного Креста» и академического, и сослать на жительство в Енисейскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства, в продолжение двух лет и потом выезда в другие губернии и области Сибири в продолжение восьми лет» [12, 1890 г., № 191, с. 2]. Через военного министра приговор был передан на утверждение императора.

В конечном итоге, из-за возбужденного начальством Гизетти ходатайства и с учетом его предыдущих заслуг, ссылка на жительство в Сибирь была заменена исключением из службы. При этом кассационная жалоба штабс-капитана Петровского главным военным судом оставлена без последствий [12, 1890 г., № 278, с. 2]. Так, в возрасте 54 лет, Гизетти пришлось кардинально изменить свою профессиональную деятельность. Суету служебных будней он заменил работой с архивными документами и всецело посвятил себя изучению вопросов военной истории Кавказа.

Положительное влияние на развитие творческой деятельности Гизетти оказало его сотрудничество с Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа. Это учреждение, созданное по инициативе

главнокомандующего на Кавказе великого князя Михаила Николаевича, являлось в то время главным научным центром по разработке вопросов военного прошлого региона [14].

В 1896 г., под редакцией начальника Военно-исторического отдела И.С. Чернявского, вышел из печати первый капитальный труд А.Л. Гизетти «Хроника кавказских войск» [9]. В нем, опираясь на архивные документы, автор последовательно показал историю развития русских регулярных войск на Кавказе с 1764 г. по 1895 г. Во вторую часть работы вошли собранные и систематизированные Гизетти сведения об истории создания, преобразованиях и знаках отличий полков и отдельных батальонов, сформированных на Кавказе и входивших в состав Кавказской армии и Кавказского военного округа.

Работа Гизетти имела большое практическое значение. Уже на завершающем этапе Кавказской войны, многие военные части, боевой путь которых был связан с Кавказом, решили обзавестись своими историями. В дальнейшем эта инициатива была поддержана местной военной администрацией, и обзорное сочинение Гизетти должно было помочь составителям таких историй. «Занимаясь в течение нескольких лет собиранием официальных сведений по историческому развитию и устройству кавказских войск, – подчеркивал автор, – и зная, сколько времени тратится составителями полковых историй на отыскание архивных материалов, особенно для старых полков, я решил принести им посильную помощь, составив Хронику кавказских и служивших на Кавказе отдельных войсковых частей. Пользуясь материалами, извлеченными мной из Полного собрания законов, Указов Военной коллегии, приказов начальника Главного штаба его императорского величества, военного министра и по военному ведомству и дополнив эти материалы, при содействии Военно-исторического отдела, извлечениями из приказов по отдельному Кавказскому корпусу, Кавказской армии и Кавказскому военному округу, а главное – из дел окружного архива, архива Моздокского и дел окружного артиллерийского управления, я снабдил мой труд ссылками на первоисточники и внес в него полезные сведения общевоенного и военно-исторического содержания» [9, с. 3].

В 1906 г. Военно-исторический отдел, по указанию начальника штаба округа генерал-лейтенанта Г.Э. Берхмана, издал продолжение «Хроники». В эту работу были включены сведения о тех преобразованиях и переформированиях, которые произошли как в целом по армии, так и в войсках Кавказского военного округа с 1895 по 1908 гг. [3].

Еще одним проявлением сотрудничества А.Л. Гизетти с Военно-историческим отделом стала подготовка им указателей к материалам, опубликованным на страницах Кавказского сборника [4; 5]. Включая в себя архивные документы, записки и воспоминания современников, а также исследовательские статьи по военной истории Кавказа, сборник стал важным сосредоточением материалов для написания научной истории присоединения Кавказа к России.

Разработанные к нему указатели авторов публикаций, упоминаемых в тексте имен и географических названий, приложений к статьям существенно облегчали работу исследователя по поиску нужной для него информации.

Логическим продолжением первых опытов библиографических исследований Гизетти стал опубликованный в 1901 г. указатель первоисточников и официальных документов по истории Кавказской войны и русских воинских частей на Кавказе, а также рассказов, очерков и мемуаров видных военных деятелей и участников событий [6]. Библиографический указатель представлял собой одну из немногочисленных попыток систематизировать труды по истории присоединения Кавказа к России в дореволюционной историографии. Обращение к собранным в нем изданиям позволяло расширить и дополнить те сведения, которые вошли в «Хронику кавказских войс».

В целом, 1901 г. стал самым плодотворным в творческой карьере Гизетти. В этом же году из печати вышел его сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Российской империи с Персией, Турцией, кавказскими горцами и в Закаспийском крае [8]. Редактором сборника выступил новый начальник Военно-исторического отдела генерал-майор В.А. Потто. При его подготовке были использованы официальные документы из архива штаба Кавказского военного округа, а также опубликованные на страницах «Актов Кавказской археографической комиссии» всеподданнейшие донесения и реляции о сражениях и о ходе военных действий на Кавказе.

Все сведения об убитых офицерах были проверены по высочайшим приказам, а об офицерах казачьих войск по приказам военного министра по иррегулярным войскам и по приказам по Отдельному Кавказскому корпусу. Некоторые данные были извлечены из дел штаба командующего войсками Кавказской линии, хранившихся при управлении Владикавказской местной бригады и войскового архива Кубанского казачьего войска, располагавшееся в г. Екатеринодаре. Поскольку сохранность дел в местных военных архивах оставляла желать лучшего, сведения о некоторых офицерах Гизетти получил из общего архива Главного штаба и из Главного управления казачьих войск. Одновременно, Военно-историческим отделом были сделаны запросы в части войск. Однако информацию с мест прислали далеко не все. «Большинство же уведомили, – писал Гизетти, – что за уничтожением дел, никаких сведений не может быть доставлено» [8, с. 1].

Опираясь на показания собранных документов, Гизетти удалось установить и сравнить общие потери за время войн с Турцией, Персией и горцами, сделать общий вывод о масштабах военных действий и кровопролитности войн на Кавказе, определить военные сражения, отличавшиеся наибольшим числом потерь, указав при этом на Даргинскую экспедицию (1845 г.) времен Кавказской войны и штурм Карса (1855 г.) периода Крымской войны [8, с. 2–3].

Не обошел своим вниманием автор также данные о потерях среди мирного населения при набегах горцев на разные населенные пункты, расположенные на Кавказской линии, в Черномории и на Лезгинской кордонной линии.

Одновременно Гизетти указал на значительные потери от болезней, особенно в тех частях, которые были расположены в неблагоприятных климатических условиях (на бывшей Черноморской береговой линии, на Алазани и т. д.) К сожалению, вследствие утери большей части местных военных архивов, точную цифру таких потерь автор установить не смог [8, с. 3].

В 1901 г. в свет был выпущен еще один сборник Гизетти, включающий сведения о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск [7]. В нем, в хронологической последовательности, представлены кавалеры ордена, с указанием даты награждения и описанием воинской заслуги, проявленной в ходе военных действий на Кавказе. Данные приведены с 1774 г., с момента первого награждения этим орденом подполковника Бухвостова, за разбитие на р. Калале 25-ти тысячного отряда закубанцев и до конца 1870-х гг. На основании материалов архива окружного штаба и Военно-ученого архива Главного штаба, других официальных документов, Гизетти установил, что за боевые подвиги на Кавказе было пожаловано 536 орденов всех четырех степеней и 80 425 знаков отличия военного ордена [7, с. 4].

Творческий подъем Гизетти 1901 г. не получил продолжения. После этой даты его печатных трудов мы не встречаем. Что стало тому причиной, выяснить пока не удалось. Исследователь умер в 1911 г. и был похоронен в Тифлисе.

Таким образом, генерал-майор в отставке А.Л. Гизетти был одним из талантливых представителей славной плеяды военных кавказоведов, который проявил себя на поприще изучения боевых действий, организации и развития регулярных войск Российской империи на Кавказе. Его труды носят преимущественно библиографический и справочно-статистический характер, что соответствует общей тенденции дореволюционной историографии, связанной с накоплением и первичной обработкой фактического материала об истории Кавказа. Тем не менее, благодаря своей основательности и фундированности исследования Гизетти не утратили своего научного значения и в наши дни. Основанные на документах местных архивов, многие из которых впоследствии были утрачены, они являются важной частью источниковой базы исторического направления современного кавказоведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. King, Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus / Ch. King. – N.-Y. : Oxford University Press, 2008. – 292 p.
2. Rich, D. Imperialism, Reform and Strategy Russian Military Statistics, 1840–1880 / D. Rich // Slavonic and East European Rev. – 1996. – Vol. 74. – No. 4. – P. 621 – 639.
3. Билев, Г. К. Хроника кавказских войск: Первое продолжение. 1895–1908 гг. / Г. К. Билев. – Тифлис : Воен.-ист. отд. при Штабе Кав. воен. окр., 1908. – 142 с.
4. Гизетти, А. Л. Алфавитный указатель к XI–XX томам «Кавказского сборника» / А. Л. Гизетти // Кавказский сборник. Т. XX. – Тифлис, 1899. – С. 1–101.
5. Гизетти, А. Л. Алфавитный указатель к первым десяти томам «Кавказского сборника» / А. Л. Гизетти // Кавказский сборник. Т. XIX. – Тифлис, 1898. – С. 1–83.

6. Гизетти, А. Л. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе / А. Л. Гизетти. – СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1901. – 256 с.
7. Гизетти, А. Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск / А. Л. Гизетти. – Тифлис : Воен.-ист. отд-ние при Штабе Кавк. воен. окр., 1901. – 463 с.
8. Гизетти, А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. / А. Л. Гизетти. – Тифлис : Воен.-ист. отд-ние при Штабе Кавк. воен. окр., 1901. – 222 с.
9. Гизетти, А. Л. Хроника кавказских войск. В 2 ч. / А. Л. Гизетти. – Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. – 598 с.
10. Гизетти, А. Л. // Военная энциклопедия. В 18 т. / А. Л. Гизетти ; под ред. полк. В. Ф. Новицкого [и др.]. Т. 7. – СПб. : Товарищество И.Д. Сытина, 1912. – С. 314–315.
11. Глиноецкий, Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба / Н. П. Глиноецкий. – СПб. : Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. – 793 с.
12. Кавказ : газета политическая и литературная. – Тифлис, 1846–1918.
13. Колесникова, М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / М. Е. Колесникова. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.
14. Колосовская, Т. А. Кавказский военно-исторический отдел и его роль в сохранении памяти о военном прошлом Кавказа / Т. А. Колосовская // Фольклор и этнография народов Юга России и Северного Кавказа (к 70-летию Н.И. Бондаря) : научно-методические материалы / под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар : Традиция, 2019. – С. 110–121.
15. Список полковникам по старшинству (составлен по 1 мая 1889 года). – СПб. : Воен. тип., 1889. – 768 с.

REFERENCES

1. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. New York: Oxford University Press, 2008. 292 p.
2. Rich D. Imperialism, reform and strategy Russian military statistics, 1840–1880. *Slavonic and East European rev.* London, 1996, Vol. 74, no 4, pp. 621-639.
3. Bilev G. K. *Hronika kavkazskih vojsk: Pervoe prodolzhenie. 1895–1908 gg.* [Chronicle of the Caucasus troops: The first sequel. 1895–1908]. Tiflis, 1908. 142 p.
4. Gizetti A. L. *Alfavitnyj ukazatel' k XI – XX tomam «Kavkazskogo sbornika»* [Alphabetical Index to XI – XX volumes of the "Caucasian Collection"] Caucasian Collection. Vol. XX, Tiflis, 1899, pp. 1–101. (In Russian).
5. Gizetti A. L. Alphabetical Index to the first ten volumes of the "Caucasian Collection". *Kavkazskiy Sbornik = Caucasian Collection*. Tiflis, 1898, vol. XIX, pp. 1-83. (In Russian).
6. Gizetti A. L. *Bibliograficheskij ukazatel' pechatannym na russkom yazyke sochineniyam i stat'yam o voennykh dejstviyah russkih vojsk na Kavkaze* [A bibliographic index of works and articles printed in Russian on military operations of Russian troops in the Caucasus]. SPb., 1901. 256 p.
7. Gizetti A. L. *Sbornik svedenij o georgievskih kavalerah i boevyh znakah otlichij kavkazskih vojsk* [Collection of information about the gentlemen of St. George and combat insignia of the Caucasian troops]. Tiflis, 1901. 463 p.

8. Gizetti A. L. *Sbornik svedenij o poteryah Kavkazskih vojsk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskih, tureckih i v Zakaspijskom krae. 1801–1885 gg.* [A collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus-Mountain, Persian, Turkish and Trans-Caspian territories. 1801–1885]. Tiflis, 1901. 222 p.
9. Gizetti A. L. *Hronika kavkazskih vojsk. V 2-h chastyah.* [Chronicle of the Caucasian troops. In 2 parts] Tiflis, 1896. 598 p.
10. Gizetti, Anton Lyudvigovich *Voennaya enciklopediya* = Military Encyclopedia. SPb.: Tovarithchestvo I. D. Sytina, 1912, vol. 7, pp. 314-315. (In Russian).
11. Glinetskiy N. P. *Istoricheskij ocherk Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba* [Historical sketch of the Nikolaev Academy of the General Staff]. SPb., 1882. 793 p.
12. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya* [The Caucasus. Newspaper political and literary]. Tiflis, 1846-1918. (In Russian).
13. Kolesnikova M. E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya tradiciya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [North Caucasian historiographic tradition: second half of the 18th – early 20th centuries]. Stavropol, SSU Publ., 2011. 496 p.
14. Kolosovskaya T. A. The Caucasian Military History Department and its role in preserving the memory of the military past of the Caucasus. *Fol'klor i etnografiya narodov Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza (k 70-letiyu N.I. Bondarya): nauchno-metodicheskie materialy* = *Folklore and ethnography of the peoples of the South of Russia and the North Caucasus (on the 70th anniversary of N.I. Bondar): scientific and methodological materials*. Krasnodar: Tradiciya Publ., 2019, pp. 110-121. (In Russian).
15. *Spisok polkovnikov po starshinstvu. – Sostavlen po 1 maya 1889 goda.* [The list of colonels. Compiled on May 1, 1889]. SPb., 1889. 768 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Колосовская Т.А. О военном историке А.Л. Гизетти и его трудах / Т.А. Колосовская // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 51–58.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kolosovskaia T.A. On the Military Historian A.L. Gizetti and His Works / T.A. Kolosovskaia // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 51–58. (In Russian).

УДК 93/99

ВАНДЕЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В.А. Матвеев

VENDEE AS A VARIETY OF A CIVIL WAR

V.A. Matveev

Аннотация. Статья основывается на необычном воспроизведении одного из наблюдавшихся неоднократно в условиях различных революций историческом явлении, получившем по месту своего первоначального возникновения классификационное наименование «вандеи». Сложившись во Франции в конце XVIII – начале XIX вв. в затяжной формат противостояния, она превратилась вместе с тем в своеобразную разновидность гражданской войны. Особенностью же ее выступала провинциальная локальность. Однако по ходу вооруженного противостояния с республиканцами вандейцы по ходу конфликта с республиканцами в ряде случаев преодолевали определившуюся при возникновении ограниченность. В преобладающей степени социальную основу французской вандеи составляли не принявшие происходившие перемены крестьянские массы, включившиеся в протест совместно с местным дворянством и духовенством. Идеологией их движения явилось существовавшее ранее мировоззрение. Они стремились к восстановлению нарушенного революционными преобразованиями традиционного уклада и монархического начала в государственном устройстве. Проявлялась в их среде и приверженность католицизму. Провинциальные разновидности вандеи воспроизводились при тех или иных обстоятельствах в условиях революций и в других европейских странах. Наблюдались они также в российских реалиях гражданской войны 1917–1920 гг. Признаки вандейского противостояния, по мнению автора, присущи были и межэтническим конфликтам на Северном Кавказе.

Abstract. The article is based on an unusual reproduction of one of the historical phenomena observed repeatedly under various revolutions, which received the classification name "Vendée" after the place of its initial occurrence. Having taken shape in France at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries as a pro-longed format of confrontation, it turned into a peculiar kind of a civil war. Its peculiarity was in its provincial localization. However, in the course of the armed confrontation with the Republicans, the Vendée forces overcame the established limitations on a number of occasions. The predominantly social basis of the French Vendée was the peasant masses that did not accept the changes and joined the protest together with the local nobility and clergy. The ideology of their movement was a pre-existing worldview. They sought to restore the traditional way of life and the monarchical principle within the state system, which had been violated by revolutionary transformations. A commitment to Catholicism was also manifested in their environment. Provincial varieties of Vendée were reproduced under certain circumstances in the course of revolutions in other European countries as well. They were also observed in the Russian realia of the 1917–1920 Civil War. According to the author, the signs of the Vendée confrontation were also inherent in interethnic conflicts in the North Caucasus.

Ключевые слова: революционный кризис, гражданская война, межэтническая вандея, исторический феномен, традиционный уклад, приверженность монархии, республиканская альтернатива.

Keywords: revolutionary crisis, civil war, interethnic Vendée, historical phenomenon, traditional way of life, adherence to the monarchy, republican alternative.

По ряду показателей наблюдавшиеся в кризисных условиях после октябрьских событий 1917 г. в России вспышки вооруженного насилия на Северном Кавказе следует отнести, на мой взгляд, к особой разновидности вандеи. Подпадает же она в наибольшей степени под классификацию «межэтнической». Специфика такого намечавшегося противостояния в крае, расширявшегося по мере углубления революционного кризиса в стране, остается не изученной. Между тем при формировании явления межэтнической вандеи создавался прецедент разрушения складывавшегося на предшествующем этапе российского согражданства за счет соответствующей консолидации общностей с националистическим уклоном. Угроза сепаратистской сегментации в этой связи расширялась.

Феномен вандеи как разновидности гражданской войны появился еще в эпоху Великой французской революции в конце XVIII в. Происходившие тогда перемены воспринимались в обществе неоднозначно. Предпринимались попытки оказывать им противодействие. Против революционных инициатив законодательного собрания Франции 10 августа 1792 г. был поднят мятеж в провинции Нижний Мен. Спровоцировали его дворяне, приверженцы свергнутого короля Людовика XVI. Мотивировав на восстановление монархии своих крестьян, они смогли придать выступлению массовый характер. Еще на стадии локальности, оно получило наименование «шуанов». Через непродолжительное время восстание распространилось и на другие сопредельные округа, превратившись в движение. Присоединившиеся тоже получили прозвище «шуаны» [1, с. 949].

Против республиканского правительства объединилась вся Бретань [1, с. 949], имевшая в составе Франции свою региональную специфику. Революционная экстремальность способствовала ее проявлению. Движение тем не менее оказалось разрозненным, отряды шуанов действовали по отдельным местностям и имели своих вождей. Сторонники законодательного собрания Франции называли их «шайками». Впоследствии под влиянием других событий произошло их объединение [1, с. 949]. После этого при боевых столкновениях, как отмечалось в сводках, гибли тысячи республиканцев «в схватках и засадах; обе стороны действовали со страшной жестокостью» [1, с. 949]. На основе изложенного можно заметить, что из несистемного разрозненного выступления в Бретани протест против революционных перемен обрел организованность.

Особую динамику движение получило после того, как в него были вовлечены крестьянские массы департамента Вандея. Вспыхнувший там стихийный мятеж охватил затем и другие северо-западные сопредельные

провинции. Существовавшее в среде их населения недовольство нововведениями поддерживалось пропагандой английской агентуры и приверженцами свергнутой в 1792 г. монархии. Сторонники восстановления прежней формы правления состояли из представителей французского дворянства и католического духовенства, интересы которых совпадали в этом отношении с внешними силами [2, с. 955].

Произошедшие под воздействием отмеченных слагаемых события классифицируются как «вандейские войны» [3, с. 578]. Однако такое определение, не вызывающее сомнений по своей сути, несколько сужает параметры явления. Восприятие его во всей полноте предполагает все же употребление понятия «вандея», отражающего особую разновидность выбора развития страны, в котором широкое участие в отдельных провинциях принимали прежде всего крестьянские массы или иные занимающиеся сельскохозяйственным трудом категории населения. Наименование используется, к слову, для характеристики специфики противостояния, наметившегося в бывших казачьих областях Российской империи. Для достижения точности применения обратимся к событиям Великой французской революции, связанных с появлением обозначения «вандея». Данная классификация, вошедшая первоначально лишь в политический оборот, соотносилась тогда с провинциальным относительно организованным движением.

Появление его в период Великой французской революции в томе энциклопедического словаря издателей Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (Санкт-Петербург), выпущенном в 1892 г., объяснялось, в частности, тем, что обособленное в какой-то степени от остальной страны расположение северо-западных провинций придало «населению независимый, дикий характер». Существовавшие здесь условия не позволили также «развиться промышленности и просвещению» [4, с. 486]. Население Вандеи состояло из кельтов, отличавшихся от остальных граждан Франции «своим нетронутым католицизмом, отсутствием городской культуры и близостью между дворянами и крестьянами» [4, с. 486]. Обособленность проявилась и в том, что революция в среде населения провинции «не встретила сочувствия». Предвестниками же «общего восстания» являлись набеги [4, с. 486].

Революционные перемены, исключавшие постепенность и привыкание, усиливали ожесточение. Начавшееся же восстание в Вандее в энциклопедическом словаре определялось как «мятеж», который спровоцировали появившиеся в этой провинции с началом революционного кризиса во Франции в конце XVIII в. «повсеместно... вооруженные шайки». Объединившись, они обрели способность сражаться «с республиканскими полками» [4, с. 486]. Одержанные победы, отметим также в реконструкции формирования явления для дальнейших сравнений, «способствовали подъему восстания». В этих условиях учреждается «верховный совет», избирается главнокомандующий [4, с. 487], что придает выступлению оформившуюся

системность, позволявшую противостояние осуществлять при наличии организованного фронта.

Предопределившие его факторы современные исследователи усматривают в следующем: «Разрушение в результате революции традиционного уклада жизни сельского населения Франции, скупка буржуазией национализированных церковных земель, земельные спекуляции, рост налогов» [3, с. 578]. В качестве главной причины, таким образом, выделяется аграрный вопрос. Острота его отмечалась с конца XIX в. и на северокавказской окраине Российской империи. Наряду с выделенными слагаемыми события в западных провинциях Франции провоцировало католическое духовенство, воспользовавшееся существовавшим недовольством в крестьянской среде проводившейся республиканским правительством церковной политикой. Вследствие ее происходил слом традиционных конфессиональных отношений. Британское же вмешательство вызывалось намерением создать в мятежной провинции сопредельного государства плацдарм для дальнейшей интервенции [3, с. 578].

Сходные с событиями конца XVIII – начала XIX вв. в западных французских департаментах явления наблюдались по ходу вооруженных противостояний и в провинциях других европейских стран, где происходили революции [2, с. 955]. Отличались лишь конкретные события, служившие поводом для мятежных выступлений. Во Франции массовое недовольство, в частности, породил декрет Конвента от 24 февраля 1793 г., провозгласивший призыв в армию 300 тыс. человек. Мобилизация вызывалась острой необходимостью дать отпор вооруженному вмешательству из-за рубежа во внутренние дела Франции [2, с. 954]. Призыв производился, следует заметить, накануне весенних полевых работ. Из аграрного сектора мобилизацией отвлекались наиболее трудоспособные ресурсы, что создавало в земледельческой среде состояние психологического надлома, усиливавшегося ожиданием подрыва экономического положения.

Поэтому основную массу участников восстания и составляли крестьяне, сплотившиеся, несмотря на социальную дифференцированность, в общем протесте. Из своей же среды они выдвинули предводителей, взявших на себя функции военного руководства. Входили в него также обладавшие организаторским опытом представители дворянства. Религиозную мотивированность движению придало католическое духовенство, недовольное антиклерикальной направленностью нововведений [3, с. 578]. Монархистскими группировками, за которыми закрепилось наименование «роялистов», представителями церкви и английской агентурой недовольству была придана лишь идеологическая перспектива, нацеливавшая восставших на восстановление власти короля и приверженность вероисповедной традиции. Это общало движению устойчивость.

Мятеж в департаменте Вандея начался, как и всякие крестьянские выступления, стихийно 10 марта 1793 г., когда состоялся сбор призывников [2, с. 955]. Массовость придавали и провожавшие родственники. До этого недовольство

поддерживалось только разговорами в семьях. Концентрация крестьян в одном месте породила уверенность в возможности изменения ситуации. По такому же сценарию развивались акции неповиновения чуть позже и в соседних северо-западных провинциях [2, с. 955]. Начавшись 10 марта 1793 г. в департаменте Вандея, восстание через непродолжительное время охватило еще три западные провинции Франции (Анжу, Бретань и Пуату). Численность его участников достигла около 40 тыс. человек [3, с. 578].

Количество же участников набегов, отметим для сравнения, в северо-восточных ареалах Кавказа даже в период наивысшей активности в конце 1917 – начале 1918 гг. была незначительной. Максимальные показатели ее составляли несколько сот человек, что позволяет судить об отсутствии массовости участников. Появлялась она лишь тогда, когда не прекращавшимися «грабежами и разбоями» провоцировались межэтнические конфликты. Возникновение их вызывалось в ряде случаев и действиями отдельных групп русского населения, в среде которого также на какое-то время возникала сплоченность, свидетельствующая о складывании явления межэтнической вандеи. В противостояние вовлекались и военнослужащие Кавказской армии, призванные в нее из других регионов страны. Но вспышки насилия быстро прекращались.

Незаинтересованность в продолжении конфликта проявляло как горское, так и русское население. Этническая консолидация на основе национального оказывалась временной и претерпевала распад. Российское общегражданское тяготение для основной массы населения оказывалось более мощным фактором. Но конфликтные ситуации исчезали не бесследно. Оставшиеся после них настроения могли, безусловно, послужить прологом для более масштабной конфронтации. Между тем, несмотря на такую опасность, и в период обострения обстановки в конце 1917 – начале 1918 гг. системообразующий показатель наивысшей фазы гражданской войны, наличие фронтов, так и не появился. Подобие их существовало лишь непродолжительный промежуток времени.

В вандейских войнах во Франции наличие фронтов отмечалось уже в самом их начале, что свидетельствовало о глубине определявших их истоков. Не исчезли признаки системности и после разгрома мятежников при Шоле 17 октября 1793 г. Остановить приток пополнения в их отряды из среды крестьянства западных провинций республиканцам не удалось и тогда, когда два месяца спустя основные силы шуанов и вандейцев оказались разгромленными. Положения не изменил и предпринятый «революционный террор», в ходе которого ставка делалась исключительно на истребление [3, с. 578]. В январе–мае 1794 г. против населения мятежных провинций были проведены массовые репрессии [3, с. 578].

В статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона приводятся данные, что около «10 000 пленных вандейцев были... перебиты, без различия пола и возраста», а отправленных в Нант для определения дальнейшей

судьбы было также приказано «массами расстреливать и топить» [4, с. 487]. После этого в вандейском противостоянии наметился спад, сменившийся новым подъемом, как только британским флотом был высажен летом 1795 г. отряд роялистов, состоявший из эмигрантов. За счет притока свежих сил явление вандеи вновь восстановилось в качестве движения [3, с. 578]. Появился и фронт как показатель непримиримости сторон.

Наиболее ожесточенный характер «вандейские войны» во Франции достигли в период до 1795 г. Именно тогда они обрели наивысшую за весь период организованность. У мятежников появилась даже армия, получившая наименование «католической и королевской армии Бретани» [1, с. 949]. Но проявления бунтарства, несмотря на это, до конца все же так и не были устранены. Вовлеченные в противостояние со сторонниками революционных перемен крестьяне департамента Вандея и сопредельных с ним северо-западных провинций проявляли особую жестокость. Отряды их, занимавшие села и города, по свидетельствам очевидцев, «жгли, грабили и убивали население» [2, с. 955]. Не случайно за участниками погромов закрепилось наименование с негативным оттенком «вандейцы». В дальнейшем связанные с ними события стали рассматриваться как разновидность гражданской войны.

Мятеж в северо-западных провинциях Франции, которому присваивается еще по ходу его развития классификация «вандея», был подавлен лишь в 1796 г. республиканским генералом Л. Гошем. Отдельные же отряды сохранились и продолжали действовать до 1799 г. За весь период противостояния население сократилось. Погибло по существующим подсчетам от 117 до 250 тыс. человек [2, с. 955]. Лишь при «первом консуле» Наполеоне Бонапарте в январе–феврале 1800 г. состоялось «полное покорение» принимавших участие в вандейском движении [4, с. 487]. Силовое воздействие в предпринятых им мерах явилось лишь началом в устранении вандейской угрозы. Наполеон Бонапарт, не прибегая к применявшемуся ранее истреблению участников движения, провел в северо-западных провинциях Франции ряд преобразований [1, с. 950].

Изменению подверглась прежде всего демографическая ситуация, что привело к ослаблению соответствующего контакта в сложившейся общности, воспроизводившей мятежные устремления. По указанию Наполеона Бонапарта «годных в службу» призвали в армию, а «более опасных» сослали в Сан-Доминго [1, с. 950]. Демографическая составляющая, следует заметить, учитывалась и руководством Российской империи, когда с началом Первой мировой войны «из толщи народностей» на Северном Кавказе «был извлечен наиболее горячий элемент и отправлен далеко за пределы их земель» [5, с. 35]. Причем мобилизация в данном случае опиралась на общий патриотический подъем, получивший поддержку и у мусульманского духовенства. Турецкой ориентации придерживались лишь отдельные его представители. Производилось же «извлечение» с благородной мотивацией защиты отечества.

Но объем призыва на принципах всеобщей воинской повинности и добровольности оказался все же различным, что привело к нарушению существовавшего на северокавказской окраине демографического баланса. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в активизации набеговой практики, провоцировавшей формирование вандейской разновидности противостояния. Определяющее значение при этом имели изменения соотношения численности мусульманского и православного населения. Сказывалась, безусловно, и возросшая существенно концентрация подразделений Кавказской армии, состав которых формировался и за счет призыва из других регионов Российской империи. Происходило массовое соприкосновение этнических групп, не имевших опыта солидарного взаимодействия.

Происходило же это в ареале не устраненного цивилизационного разлома, где религиозный фактор не перестал еще, несмотря на сложившуюся российскую идентичность преобладающей части мусульманского населения, играть разделяющую роль. Подразделения же Кавказской армии на протяжении ряда лет участвовали в военном противостоянии с государством, использовавшим панисламизм в качестве враждебной идеологической технологии. Вернемся к анализируемой разновидности гражданской войны, получившей утвердившееся еще при появлении в период Великой французской революции обозначение «вандеи». Для устранения обстоятельств, способствовавших воспроизводству явления в обладавших спецификой местностях Франции, Наполеон с 1804 г. постарался поднять благосостояние мятежных провинций [1, с. 950]. Ставка на силовую составляющую и проведение реформ и в этом случае проявила суть политики бонапартизма.

Опыт ее впоследствии применялся в Европе при устранении кризисных состояний на завершающих стадиях других революций, когда породившие их проблемы получали в той или иной степени хотя бы частичное разрешение. Однако воздействие контакта поколений при устранении вандейской угрозы в северо-западных провинциях Франции при проведении политики бонапартизма оказалось лишь ослабленным. Явление продолжало воспроизводиться. Мятежи с прежней идеологической мотивацией происходили еще в 1813 и 1815 гг., а состояние предопределявшего их гражданского раскола сохранялось и в более отдаленные периоды [1, с. 950]. Вандейцы и шуаны совместно поднимались неоднократно на восстания [1, с. 950], а после их подавления сохраняли прежние настроения, передавая их последующим поколениям.

Северо-западные провинции Франции удалось все же усмирить. Но после неудачного «русского похода 1812 г.» сепаратизм вандейцев вновь проявился, получив выражение в отказе «платить подати и выставять рекрут» [4, с. 487]. Как можно заметить, классический вариант вандеи имел не только провинциальный контент, отражавший местную специфику. В нем также прослеживалось наличие субэтнической составляющей, свидетельствовавшей о неравномерности процесса складывания нации. В российских

условиях явление указывало на состояние интегрированности в согражданство, формирование которого не обрело завершенности.

Особенностью же вандейской стихии на Северном Кавказе являлась не социальная, как в европейских аналогиях противостояния, а намечавшаяся этническая сплоченность. Но признак системности в виде фронтов не обрел устойчивости. Конфронтация встречала противодействие, как со стороны русского, так и горского населения Терской области и в других частях Северного Кавказа. Однако гражданские войны имеют и другие проявления, остававшиеся иногда в состояниях начинавшихся трансформаций и не достигавших высших фаз. Наряду с классическими вариантами складывались и исторические разновидности. В европейских странах также наблюдались в условиях революционных кризисов ситуации, когда тот или иной народ как бы единым монолитом поднимался против другого в пределах неоднородных по составу населения государств, добиваясь чистоты «своей» территории и ее сепаратистского обособления.

В обычном, классическом типе вандеи таким монолитом, как правило, выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию порушенных радикальными переменами существовавших ранее порядков. Социальная сплоченность в явлении выступала важнейшим типологическим признаком. Историческая разновидность вандеи на Северном Кавказе в период гражданской войны в России основывалась на возможности достижения этнической консолидации. Сообщались ей соответственно и националистические свойства. Первоначально при проявлениях вандеи в восточных районах северокавказской окраины, преимущественно в контактной зоне расселения чеченцев, ингушей, терских казаков и другого русского населения, встречалось все, что ей обычно присуще, вплоть до взаимных погромов, приводивших к перемещению населения и появлению беженцев, точное количество которых из-за пробелов статистики подсчитать невозможно, равно как и обоюдные жертвы.

Но при этом антирусская направленность погромов в связи с образовавшейся значительной диспропорцией в соотношении мужского населения (мусульмане с началом Первой мировой войны, как и прежде, призывались в армию на основе добровольности) была все же более мощной. Наивысшей остроты противостояние в северо-восточных ареалах Кавказа достигло в конце 1917 – начале 1918 гг. Нападения же на русские поселения поддерживали и отдельные представители мусульманского духовенства. Однако преобладающая его часть выступала все же против, стихийно включаясь в противостояние с теми, кто совершавшимся разбоем провоцировал межэтнические конфликты. В качестве идеологии в этом случае действовал шариат.

Активизировалось в условиях революционной разбалансированности российской государственности и вмешательство из-за рубежа в происходившие события на Северном Кавказе. При этом реализовывалось, в том числе стремление придать им националистическую и религиозную окраску.

Об этом по ходу гражданской войны неоднократно направлялись донесения в различные ведомства. В Народный комиссариат по делам национальностей поступала, к слову, информация, что «турецкие, немецкие и английские агенты не оставили в покое разноплеменной Кавказ и... сеют там рознь» между казачеством и горским «крестьянством» [6, л. 82–83]. В восприятие привносилось уже тогда, как видно, классовое измерение. Однако суть происходившего, на мой взгляд, передана верно. По признанию канцлера Германии, его страна действительно, воспользовавшись затруднительным положением России, для закрепления разрушительных последствий революционного кризиса «занималась фабрикацией самостоятельных образований» на Кавказе [6, л. 74].

Развитие гражданской войны по сценарию межэтнической вандеи, таким образом, провоцировалось, как и в классическом варианте, вмешательством извне. Между тем в российских условиях интегрированность населения независимо от этнической принадлежности обрекла явление, как можно заметить по предшествующему анализу, на распад и предопределила несостоятельность данной альтернативы даже в северокавказском крае, в пределах которого преодоление цивилизационных нестыковок к моменту революционного кризиса не завершилось. Но при обострении отношений вследствие провокаций разъединяющие слагаемые обретали лишь временную функциональность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь. Том XXXIX-A. Шенье–Шуйский монастырь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб. : Типография Акц. общ. «Брокгауз–Ефрон», 1903. – С. 949.
2. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М. : Советская историческая энциклопедия, 1962. – 1023 с.
3. Чудинов, А. В. Вандейские войны / А. В. Чудинов // Большая российская энциклопедия. Т. 4. Большой Кавказ – Великий канал. – М. : Изд-во БРЭ, 2006. – С. 578.
4. Энциклопедический словарь. Т. V-A. Вальтер–Венути. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. – С. 486–487.
5. Масловский, Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. / Е. В. Масловский : Военные мемуары). – М. : Вече, 2015. – 544 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619.

REFERENCES

1. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Publ. by F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb.: Tipografiya "Brokgauz-Efron", 1903, vol. XXXIX-A, p. 949. (In Russian).
2. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. M.: Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya, 1962, vol. 2. 1023 p.
3. Chudinov A.V. Vendee Wars. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya = Great Russian Encyclopedia*, M., 2006, vol. 4, p. 578. (In Russian).

4. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Publ. by F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb.: Tipografiya I.A. Efrona, 1892, vol. V-A, pp. 486-487. (In Russian).

5. Maslovskiy E.V. *Velikaya voyna na Kavkazskom fronte* [A Great War on the Caucasian Front]. 1914–1917. M.: Veche, 2015. 544 p.

6. *Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoy Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 1318, Inv. 1, C. 619.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев В.А. Вандея как разновидность гражданской войны / В.А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 59–68.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V.A. Vendee as a Variety of a Civil War / V.A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 59–68. (In Russian).

УДК 947 (470.6)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ КАВКАЗУ ЗЕМЕЛЬ
А.П. ЕРМОЛОВЫМ В 1816–1823 ГГ.**

Д.С. Ткаченко

**THE SURVEY OF THE CAUCASUS FRONTIER LANDS
BY A.P. YERMOLOV IN 1816–1823**

D.S. Tkachenko

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи:
историческое портреты, исследовательские практики и научное наследие»*

Аннотация. Статья рассматривает начальный период становления военного Кавказоведения в Российской империи, связанный с деятельностью А.П. Ермолова на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом. На основе документов официальной переписки, отчетов военных разведчиков и свидетельств иностранных путешественников, показана связь между внешнеполитической деятельностью А.П. Ермолова с необходимостью тщательного изучения новых земель. В статье анализируется сбор материалов во время посольства А.П. Ермолова в Персию и разведывательной экспедиции Н.Н. Муравьева на восточное побережье Каспия, показано их влияние на уточнение имевшихся карт Кавказа, необходимых военной администрации для организации управления и обороны новых земель. Делается вывод о том, что, несмотря на избранную А.П. Ермоловым стратегию «осады Кавказа как большой крепости», идея переноса фокуса внимания строителей империи с внешних границ Российского Кавказа на его внутренние регионы к началу 20-х гг. XIX в. так и не произошло.

Abstract. The article concerns on the commencement of military Caucasus studies in the Russian Empire associated with A.P. Yermolov's activities as a commander of the Caucasus Corps. The study is based on the official papers, military scouts' reports and evidences of foreign travellers. The paper demonstrates the strong connection between the foreign policy activities by A.P. Yermolov and the need for a thorough study of new lands. The article also analyzes the material collection during A.P. Yermolov's embassy in Persia and during N.N. Muraviev's the military scouting on the Eastern coast of the Caspian Sea; their influence on the refinement of available maps of the Caucasus necessary for the military administration to organize the management and defence of new lands is shown. It is concluded that despite the strategy of "siege of the Caucasus as a great fortress" chosen by A.P. Yermolov, the idea of shifting the focus of attention of the builders of the empire from the external borders of the Russian Caucasus to its internal regions to the beginning of the 1820s had never came to life.

Ключевые слова: А.П. Ермолов, персидское посольство, Прикаспий, Н.Н. Муравьев, описание земель, картографирование, военное кавказоведение

Keywords: A.P. Yermolov, the embassy to Persia, Caspian Region, N.N. Muraviev, land description, mapping, military Caucasus studies.

Описание приграничных земель и составление их точной карты дает строителям империи чувство контроля над новыми территориями [1, р. 78]. Кроме того, оно решает важную практическую задачу. Визуальный образ «видимых» владений позволяет установить их иерархию, продумать системы управления и администрирования, а также организации обороны новых земель от внешних угроз [1, р. 95]. Это хорошо видно на примере первых попыток организации изучения и картографирования Кавказа, предпринятых российскими военными в начале XIX в.

Необходимость получения точных знаний о регионе одним из первых, осознал Командующий Отдельным кавказским корпусом, генерал А.П. Ермолов. «В делах предместников моих, – писал он при вступлении в свою должность, ничего не нашел я кроме нелепо составленной карты из произведенных частных экспедиций, для связи коих надобно было прибегать к разным вымыслам» [9, с. 64]. Комментарий Ермолова становится понятным при взгляде на «Сто-листовую карту Российской империи» – на то время самую точную из имевшихся в России. Каждый из ее листов представляет отдельную карту в масштабе 70 верст, и 14 из них показывают пространство между Черным и Каспийским морями. Часть Кавказа, которую в России знали лучше, вышла непропорционально больше, чем слабоизученное пространство, что вызывает искажения при попытке совместить листы друг с другом для получения общей картины Кавказского перешейка [12].

Существенную роль в искажении очертаний Каспийского и Черноморского побережий вносило отсутствие на карте сопредельных с Российскими владениями земель Ирана и Турции [12]. В результате, выполненные с применением распространенной в Европейских колониальных картах «теории хинтерленда» [2] – изображения условных территорий, примыкающих к известным картографам линиям побережья, рек или границ колониальных владений [5, р. 12], демонстрировали явные провалы в российской «ментальной карте» Кавказа. Линии различных владений в районе так называемой «Сухой границы», центрального Кавказа и Нагорного Дагестана не совпадали с теми же рубежами, нанесенными на соседних листах, в которых «хинтерленд» отсчитывался от другой исходной черты [12]. В связи с этим неудивительно, что А.П. Ермолов начал организацию исследований с уточнения очертаний внешних границ Российского Кавказа.

В 1816–1817 гг. он возглавил посольство в Персию, которое, по отзыву А. Берже стало «бесспорно, самым блестящим» [8, № 6, с. 255–256] дипломатическим мероприятием России на Востоке в первой четверти XIX в. Одним из важнейших пунктов переговоров являлось установление точной линии границы между Российскими и Персидскими владениями в Закавказье. Сложность положения заключалась в том, что Персия в знак дружественных отношений, требовала вернуть часть территорий, отошедших России по Гюлистанскому договору [8, № 6, с. 257]. Однако по точному замечанию

гр. Нессельроде, «все сведения о сей границе заключаются в одной только черте, означенной на весьма неверных картах через места, кои поименованы в статьях договора» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 117].

Перед тем как отправиться в Персию, А.П. Ермолов провел обзор приграничья, которое для удобства разделил на части. Елизаветпольскую и Карабагскую области он осмотрел лично, а в оставшиеся «дистанции» направил членов посольства: обер-квартирмейстера Иванова и офицера генерального штаба, Н.Н. Муравьева [14, с. 7]. Однако, собрав, точные данные о перешедших под контроль России землях, А.П. Ермолов пришел к выводу об отсутствии точной информации о самой Персии. «Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле» [8, № 6, с. 257], – писал он.

Свою дипломатическую задачу А.П. Ермолов выполнил блестяще. Увидев плачевное состояние соседней державы, он открыто заявил «о положительной невозможности отдать Персии и самого ничтожного клочка из уступленных областей» [8, № 7, с. 410]. Сбор сведений о приграничных землях и внутренних территориях Персии, по которым пролегал путь посольства, он выполнял как лично, так и через штат посольства, который включал в себя ответственных за разведку офицеров генерального штаба, докторов, аптекарей, переводчиков и живописцев [8, № 6, с. 258–259]. Кроме того, Ермолов активно общался как с персидскими вельможами, так и с находившимися в этой стране европейцами, прежде всего – англичанами [3]. Одним из них стал полковник Дж. Джонсон, возвращавшийся из Индии в Англию сухопутным путем. Путешественник описывает свою встречу с А.П. Ермоловым в полевом лагере на Российско-персидской границе. Генерал произвел на англичанина впечатление не только своим гостеприимством, но и стремлением облегчить дальнейший путь через Кавказ, представлением официальных писем для кавказских администраторов. Взамен, Ермолов долго расспрашивал путешественников об их пути из Индии и о тех частях Персии, через которые они успели проехать [3, р. 200–207].

Итогом посольства А.П. Ермолова стал не только дипломатический успех, но и обозрение Персии, представленное в «Записке о посольстве». От генерала не укрылось политическое, экономическое и военное состояние соседней державы, было представлено описание социальной структуры и нравов персидского общества, а также даны отдельные топографические зарисовки [8, с. 395–396.].

Сосредоточив внимание на Персии, А.П. Ермолов оценил и ту выгоду, которую для России мог бы предоставить союз с противниками этой державы – туркменами, жившими на восточном берегу Каспия. Еще в январе 1817 г. он отмечал, что «в случае войны с Персией, народ сей, всегда враждебный Персии и успехами против нее ободренный, может быть нам весьма полезен... Я намерен с наступлением весны отправить к берегам

Трухменским военное судно, начальнику коего, избранному офицеру, сверх обозрения берегов, о которых мы никаких точных сведений не имеем, поручено будет изведать главнейшие потребности народа и способы с нашей стороны удовлетворить их» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 697].

Выбор А.П. Ермолова остановился на капитане Н.Н. Муравьеве, который «успел зарекомендовать себя исключительно способным и находчивым человеком и... обладал обширными познаниями, необходимыми для выполнения его миссии» [15, с. 108]. По оценке П. Хопкирка, он был квалифицированным топографом, а также совершил несколько разведывательных экспедиций на территории Персии «где странствовал с фальшивыми документами под видом мусульманского паломника. Так что, капитан не только мог оценить регион глазами солдата, но и полностью осознавал все грозившие опасности» [15, с. 108].

В инструкции, данной Муравьеву, был намечен круг первостепенных вопросов, которые следовало уточнить. Помимо поиска места, на котором можно было бы основать опорную российскую базу на Восточном берегу Каспия, уточнения географии побережья и «богатствах произведения собственно трухменской земли», разведчик должен был «узнать обстоятельно, каким образом управляется Трухменский народ: подчинен ли единовластием или состоит из многих обществ... разведать о числе кибиток всех поколений Трухменского народа, по коему можно судить о силе его; также о соседственных народах, их окружающих» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 700]. При этом главной целью экспедиции Муравьева являлось установление отношений с Хивинским ханством, в которое он должен был совершить дипломатическую миссию, если обстановка на восточном берегу Каспийского моря будет спокойной. В Хиве российский разведчик должен был не только разведать политическую, экономическую и военную обстановку, но и собрать точные сведения о пути в эту державу со стороны Каспия, обращая особое внимание на расположение источников воды. «Вы можете сделать и другие полезные исследования, к которым дать может повод ваше между ними пребывание более, нежели я могу предписать о народе, почти совершенно нам неизвестном» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 703], – наставлял разведчика А.П. Ермолов.

Ход своей миссии Н.Н. Муравьев изложил в отдельной записке-травелогe, являющейся уникальной смесью дневниковых записей и данных самого разнопланового характера о землях «прибрежной Туркмении» [11]. Они показывают, что до экспедиции российские власти не знали даже точных координат важнейших географических ориентиров на Восточном побережье Каспия, которые на русских картах имели существенные разночтения. Так, пристав к точке побережья, расположенной напротив российского Баку и увидев невдалеке характерную возвышенность, команда корабля принялась гадать, видят ли они «Серебряный», «Белый» или «Зеленый» Бугор и двигаться ли им от него на Север или на Юг для того, чтобы выйти к месту предполагаемой российской фактории [11, с. 14–19].

Н.Н. Муравьев постарался дать возможно более точные сведения о береговой линии, обращая особое внимание не только на глубину моря, но и на возможность отыскать на берегу пресной воды [11, с. 31]. Двигаясь к определенному заранее пункту, он несколько раз высаживал на берег команду для осмотра местности. Офицер тщательно записал все сведения о географии тех мест, полученные им от туркмен. Помимо них, разведчика интересовали данные о расположении туркменских кочевий, быте этого народа, системе управления и отношениях туркмен с соседями: персами и хивинцами [11, с. 33]. Н.Н. Муравьев приводил так же данные по истории и даже сам пытался вести археологические раскопки наиболее значимых с его точки зрения пунктов [11, с. 29].

Свои наблюдения и этнографические зарисовки разведчик представил с точки зрения военного человека, оценивавшего возможности использовать потенциал местных жителей в интересах российской внешней политики. Он смотрел на местных жителей с позиций европоцентризма и, сравнивая их с горцами Северного Кавказа, ставил на ступень ниже в имперской иерархии народов. «Туркмены не имеют той строгости и правоты в праве, которыми столько отличаются Кавказские народы от прочих, – писал он. – Нищий сей народ не имеет понятия о гостеприимстве; он алчен к деньгам, и из безделицы готов сделать всякого рода низости... И посему всякий Русской может легко над ними одержать верх. – Можно даже безопасно быть одному среди их без оружия, кричать на них, бранить, я думаю, даже и бить за дело» [11, с. 34].

В мрачных красках Н.Н. Муравьев представляет кочевников, живших между Каспийским побережьем и границами Хивы. «Чувствовалось, по простому отсутствию пашен, что ленивые и беззаботные полудикари, добывавшие хлеб не иначе, как на базарах Хивы и Астрабада, должны жить за счет своих соседей... Встреча с такими кочевьями не всегда безопасна: промысел их – воровство людей, которых они и продавали в Хиву за большие деньги» [13, с. 10], – отмечал разведчик.

Совершив свою дипломатическую миссию, которую часть Западных исследователей считает одним из первых ходов Российской империи в «Большой Игре» – геополитическом противостоянии России и Британии в Среднеазиатском регионе [15, с. 106], Н.Н. Муравьев в 1820 г. вернулся в Тифлис. Несмотря на то, что политические результаты миссии были незначительны – по оценке А.П. Ермолова, он получил от Хивинского хана лишь «пышное письмо и ничтожные подарки» [13, с. 27], – российский разведчик смог собрать максимально полные сведения о регионе, а также составить его карту [11]. В целом экспедиция Н.Н. Муравьева, как и предшествующие персидские изыскания самого А.П. Ермолова, существенно расширили знания о положении дел на границах русского Кавказа, а сведения о сопредельных землях позволили русским картографам внести некоторые уточнения в географические карты и исправить очертания Кавказского перешейка. Их ярким

примером является карта, составленная в 1823 г. Семеном Броневским для иллюстрации своего труда [10].

Карта показывала российское приграничье по реке Аракс гораздо более подробно, несла информацию о турецкой части черноморского побережья и благодаря исправлению линии Черного моря корректировала общий образ Кавказского перешейка. Однако, сосредоточив внимание на внешних границах региона, изыскания начала XIX в. имели лишь косвенное отношение к накоплению сведений о предгорной части Северного Кавказа, что так же ярко видно на примере карты Броневского. На ней, по емкой оценке Ч. Кинга, были представлены границы этнических территорий – список, показывающий «амальгаму географических, лингвистических и политических ярлыков. Некоторые из них до сих пор в ходу, в то время как другие исчезли. Это была та линза, через которую во времена Броневского российские строители империи смотрели на Кавказ, представляя его как смесь малоизвестных племенных групп: одни были свободными, а другие – под российским контролем, третьи – подчиненные какому-то местному владельцу; одни проживали в горах, другие – на равнине; одни оседлые, а другие – кочевники» [4, р. 143].

Этот взгляд на регион целиком разделял и А.П. Ермолов, которого в контексте избранной стратегии «осады Кавказа как большой крепости», из географических сведений интересовал только «осмотр местностей для проведения возможно более удобных путей, чем те, которые существовали в крае» [6, Т. 6. Ч. 1. С. 4] и информация, необходимая для принятия решения о строительстве новых укреплений. Последнюю он нередко собирал лично, как в 1822 г., когда командующий «обозревал Кабарду, начиная от Каменного моста в верховьях Кубани, где в разных местах назначил устроить посты и укрепления» [6, Т. 6. Ч. 1. С. 8].

В целом, проникновение российских войск вглубь гор и основание новых укреплений, неизбежно расширяли представления военных о регионе, ставили круг новых задач. Так, уже А.П. Ермолов писал, что одну из них он видит в том, чтобы избавить гарнизоны новых укреплений «от неимоверной смертности, каковая в полках донные существовала», для чего считал необходимым «избрать новые, удобнейшие и здоровые по климату места их квартирования» [6, Т. 6, Ч. 1, С. 15]. Однако сам же командующий добавлял, что непрерывные военные экспедиции не дают ему лично этим заняться. Задача перенести акценты в изучении и картографировании земель с внешних границ Кавказа на его внутренние территории предгорий была А.П. Ермоловым так и не выполнена и определяла действия всех последовавших за ним командующих Отдельным Кавказским корпусом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bernardo, A. M. Making Territory Visible: The Revenue Surveys of Colonial South Asia / A. M. Bernardo // *Imago Mundi*. – 2007. – Vol. 59. – № 1. – P. 78–95.
2. Hinterland. Geography // *Encyclopaedia Britannica* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/science/hinterland>.

3. Johnson, J. A Journey from India to England Through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the Year 1817 / J. Johnson. – London, 1818. – P. 206.
4. King, Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus / Ch. King. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 291 p.
5. Lugard, F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa / F. D. Lugard. – London, 1922. – 643 p.
6. Paxman, J. Empire. What Ruling the World Did to the British/ J. Paxman. – London : Penguin Group Press, 2011. – 352 p.
7. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже // АКАК. – Тифлис : Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1878. – Т. 6. – Ч. 1. – 941 с. ; Ч. 2. – 950 с.
8. Берже, А. П. Посольство А.П. Ермолова в Персию. Исторический очерк / А. П. Берже // Русская старина. – 1877. – № 6. – С. 255–280.
9. Ермолов, А. П. Записки. 1818–1825 / А. П. Ермолов // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. / сост. Я. А. Гордин. – СПб. : Звезда, 2000. – С. 13–75.
10. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб., 1823.
11. Муравьев, Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах / Н. Н. Муравьев. – М. : Типогр. Августа Семена, 1822. – 398 с.
12. Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. Сочинена, гравирована и печатана при Собственном Его Императорского Величества Депо карт. – СПб., 1816.
13. Потто, В. А. Поездка Муравьева в Хиву / В. А. Потто // Солдатская библиотека. – Тифлис : Изд-во В.А. Безовского, 1899. – 28 с.
14. Соколов, А. Е. Дневные записки путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1816-м и 1817-м годах / А. Е. Соколов. – М. : Императорское общество истории и древностей Российских, 1910. – 48 с.
15. Хопкирк, П. Большая игра против России: азиатский синдром / П. Хопкирк. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 640 с.

REFERENCES

1. Bernardo A. M. Making Territory Visible: The Revenue Surveys of Colonial South Asia. *Imago Mundi*, 2007, vol. 59, No.1, pp. 78-95.
2. Hinterland. Geography. *Encyclopaedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/science/hinterland>.
3. Johnson J. A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the year 1817. London, 1818, 206 p.
4. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008, 291 p.
5. Lugard F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. London, 1922, 643 p.
6. Paxman J. Empire. What Ruling the World Did to the British. London: Penguin Group Press, 2011, 352 p.
7. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arheograficheskoy komissiiy* [Acts collected by the Caucasus Commission for Archeography]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, 1878, vol. 6, part 1, 941 p.; part 2, 950 p.
8. Berzhe A.P. A.P. Yermolov's Embassy to Persia. A Historical Account. *Russkaya starina = Russian antiquity*, 1877, No. 6, pp. 255-280. (In Russian).

9. Yermolov A.P. *Zapiski.1818-1825* [Notes. 1818-1825]. Siege of the Caucasus. Memoirs of the participants of the Caucasian war of the XIX century. Ed. By Gordin J. A. SPb., Zvezda Press, 2000, pp.13-75. (In Russian).
10. *Karta Kavkazskih zemel' s chast'yu Velikoy Armenii, izdannaya Semenom Bronevskim k opisaniyu Kavkaza* [The Map of Caucasus Lands and Parts of the Great Armenia, published by S. Bronevsky]. SPb., 1823.
11. Muraviev N.N. *Puteshestvie v Turkmeniyu i Hivu v 1819 i 1820 godah* [A voyage in Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820] M.: Avgust Semen Press., 1822, 398 p.
12. *Podrobnaya karta Rossijskoy imperii i blizlezhashchih zagranichnyh vladeniy* [A detailed Map of the Russian Empire]. SPb., 1816.
13. Potto V.A. *Poezdka Muravieva v Hivu* [The Travel of Muraviev to Khiva]. Tiflis, V.A. Bezovskogo Publ., 1899, 28 p.
14. Sokolov A.E. *Dnevnye zapiski puteshestviya possiysko-imperatorskogo posol'stva v Persiyu v 1816-m i 1817-m godah* [Daily Accounts of the Russian Imperial Embassy into Persia in 1816 and 1817]. M., 1910, 48 p.
15. Hopkirk P. *Bol'shaya igra protiv Rossii: aziatskiy sindrom* [The Great Game: On Secret Service in High Asia]. M.: RIPOL CLASSIC Press, 2004, 640 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ткаченко Д.С. Организация изучения сопредельных Кавказу земель А.П. Ермоловым в 1816–1823 гг. / Д.С. Ткаченко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 69–76.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tkachenko D.S. The Survey of the Caucasus Frontier Lands by A.P. Yermolov in 1816–1823/ D.S. Tkachenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 69–76. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 159.923.2: 347.785.7

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЯЗЫКА ТАНЦА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

О.Г. Диванян

**SEMIOTIC PREREQUISITES FOR THE LANGUAGE OF DANCE:
SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

O.G. Divanyan

Аннотация. Рассматривается идентичность народов в аспекте семиотики культуры на материале такого древнейшего вида искусства как танец. Автор предлагает интерпретировать народный танец как язык традиционного воспроизведения и одновременно конструирования идентичности этноса. Современные телесные визуальные практики в социальных сетях и субкультурах пытаются вспомнить этот язык.

Abstract. The article discusses the identity of peoples in terms of semiotics of culture based on the material of such an ancient art form as dance. The author suggests interpreting folk dance as a language of traditional reproduction and at the same time constructing an ethnic identity. Modern bodily visual practices in social networks and subcultures are trying to remember this language.

Ключевые слова: семиотика танца, идентичность, этнос, народный танец, язык, культура, общество, Северный Кавказ.

Keywords: semiotics of dance, identity, ethnos, folk dance, language, culture, society, North Caucasus.

Несомненна актуальность социокультурных проблем, связанных с национальной идентичностью в России и современном мире в целом с тенденциями глобализации и наличием культурных и этнических различий социальных общностей и отдельных людей. «Этнический парадокс» состоит в том, что этносы сближаются, различия между культурами медленно стирается; однако в то же время возрождается интерес людей к этническим «корням». Этот парадокс подчеркивает интерес к подлинной этнической идентичности.

Наша задача – рассмотреть язык танцев как в контексте коллективной идентичности этноса. Это касается как древних истоков танца, так и форм проявления в современном обществе.

При этом мы хотим продемонстрировать общие положения на материале танцев народов Юга России. Северный Кавказ – это многообразие этнических культур: адыгов, аварцев, ингушей, чеченцев и других народов.

Их объединяет цивилизационная идентичность, которая способствует сотрудничеству и взаимообогащению. Народы объединяет и природа, и социальное пространство, вековые основы единства традиций и общность исторических судеб [1, с. 19].

Если вербальными языками народы могут разделяться, то невербальными они могут объединяться. Каждый этнос Северного Кавказа характеризуется глубинными общими невербальными языками. Важнейшей из форм невербального языка является язык танца. Несмотря на ряд работ, семиотика танца остается недостаточно исследованной на уровне деталей танцев, а также и в философском аспекте. Ценность песен, легенд, мифов, сказок и танцев является их транспарентность, понятность [2, с. 36]. Если исчезает или недоступен вербальный язык, то представители народа могут сохранять идентичность благодаря основам культуры, выраженной в языке древнейших видов искусства и художественного творчества.

Возрождение национальной идентичности выражается в ряде форм, но в их центре всегда естественный язык. Без языка малый народ ассимилируется иной культурой. В связи с этим ученые характеризуют язык как «конструктор» групповой этнической идентичности [3, с. 16]. Доказано, что вербальный, словесный язык возникает на основе невербального языка: языка жестов, мимики, действий, движений тела и т. д.

Телесные движения реализуются в ритуале, в том числе религиозном; затем в танце; в более позднее время – в игре актера. Жесты, жестикуляция, мимика близки природе семиотике человека. Они лежат в основе физических движений. Из перечисленных феноменов наиболее древний – это ритуал, а древнейший компонент в нем – знаковое движение человеческого тела. В отличие от семантической ригидности движения в ритуале, в танце проявляется его гибкость и многофункциональность. Танец – древнейшее из искусств – вырастает из ритуальных движений тела, но идет дальше них, вбирая менее практические функции, обретая игровое содержание.

Семиотическая функция первобытного танца заключалась в сплочении племени (его мужчин), объединении индивидуальных тел в большое социальное тело, которое управляется единым ритмом и движением [4, с. 180]. Танец заряжал энергией синкретической солидарности воинов и охотников. Воспроизводились естественные движения природы, законы природы через танец кодировались в теле человека, в его онтологии сознания, а затем и в коллективном мышлении участников пляски. Танец изображал прыжок кенгуру, парение орла, действия коллектива при охоте на бизона. Танцами изображали сакральное движение солнца и других небесных светил. В танцах выбирали жен и мужей, добивались их согласия или узнавали об их несогласии. В танце выражалась эмоциональная жизнь; он был способом эмоциональной разрядки.

«Танцы» у птиц и животных, с одной стороны подчеркивают древность человеческого танца, находя его отдаленные предпосылки в биокommunikации.

С помощью танца в биологическом мире образуются пары особей противоположного пола. Путем состязания определяется «расстановка сил» у соперников и очередность выбора брачного партнера. С другой стороны, между человеческим танцем и танцем птиц и животных дистанция огромного размера. Только в человеческом коллективе танец выполняет «эстетическую» и «познавательную» функцию.

У танца, как и у прочих видов искусств, в истории были в наличии и несемiotические функции – это медицинские и игровые функции. Танец выполнял функцию коллективной психотерапии, функцию сакрализованного протоспорта и физической тренировки, зарядки и энергетической разрядки. Танцы (пляски) искусных танцоров принимали вид состязаний, они были, отдыхом для зрителей. Очень сложным видом танца является танец шамана. Если в простых танцах демонстрируется красота движений, то в шаманских танцах идет возврат к природе – поиск помощи духов природы. Известны танцы ворона, коня, ястреба и т. д. [5].

А.П. Набокина справедливо характеризует танец как своего рода творческую «лабораторию» невербальной памяти [6, с. 4]. Идентичность связана с коллективным, групповым сознанием. С помощью танца формируется такая онтология сознания, когда сознание не разделяется на субъект и объект, а объединяется в пространственно-временном континууме человеческих тел; человек и мир сливаются в единое целое. Танец динамически развертывает миф в природно-социальном пространстве, которое объединяет членов рода и племени. Людей при этом должно быть ограниченное количество (оптимально – 10–20 человек, но, как утверждают психологи и математики, не более 150 человек). В таком пространстве можно доверять элементам семиотической системы, которая готова к управлению при реализации коллективных действий (охота, война, посев или сбор урожая). Танец соединяет людей и трансформирует малую группу (7–10 человек) в большую группу (около 100 человек). Этническая идентичность предполагает осознание индивидом места в группе на основе ранее считавшегося гипотетическим «шестого чувства», а именно: чувства пространства. Сравнительно недавно, в 2019 году, ученые случайно обнаружили ген, отвечающий за ориентацию человеческого тела в окружающем его пространстве [7].

Хотя делать все выводы из данного научного открытия еще рано, но, несомненно, это дает импульс для дальнейшей разработки теории и методологии философской онтологии сознания и самосознания на научной основе. В частности, уточняется роль расширения пространства для когнитивной революции в истории эволюции человека. Человек осваивал пространство, бросая вдаль предметы, объединяясь телесно с членами рода в целое. Такая живая социальная машина действовала на основе языка как средства общения. Вначале языком общения служил простой невербальный язык повторения движений, скажем, трудовых действий. Человек действовал по принципу подражания: «делай, как я». Этот принцип работает и у современных

военнослужащих. Если сознание заторможено либо парализовано страхом, можно включить глубинные автоматические механизмы древнейшей телесной памяти, используя привычные реакции на стандартную ситуацию опасности. Для актуализации такой памяти требуются тренировки. Отсюда ясно, почему солдаты должны маршировать, шагать строем, добиваются синхронности движений. Это своеобразное воспроизведение забытых боевых танцев коллектива.

Танец – это язык тела. В движениях, составляющих танец, выявлено из глубины идущее чувство, причем настолько сильное, что оно как бы «рвется наружу». Такое чувство определяет пластический рисунок танца, темп и ритм движения. Двигательная основа танца сопряжена с ходьбой [4, с. 304]. Вспомним, что дети в радостном настроении не идут, а быстро «перемещаются» как бы подпрыгивая, отталкиваясь, делая шаг. Ребенок может подпрыгнуть, захлопать в ладоши, начать кружиться на одном месте. Это естественное начало танца. Старый человек идет страдальчески, например, хромая, согнувшись, опасаясь упасть. Взрослые люди ходят по-разному в храм, к соседу; за водой или на базар, отправляясь в дальнюю дорогу; гуляют или спешат по делам. Нам понятны слова из песни: «Моряк вразвалочку сошел на берег». Это привычный шаг моряка.

Содержательная единица, основа танцевальной семиотики (ее «слово» как языка) – это па (шаг; в русском танце он называется выступка, или проходка) [4, с. 305]. Па выступает как смысловой мотив, сочетание шагов (движений ног, рук и всего тела), в котором выражается эмоциональное состояние и высшие чувства человека. Танцевальное па определяет эмоциональный тон танца. В балете выделяют шаг кошки, рыбы, ножниц; есть шаг марша, фуэте, батман. В классическом балете (в его наднациональной и абстрактной системе, в отличие от народного танца) термин «па» означает танцевальные формы: па-сёль, па-де-дё, па-де-труа.

Остановимся на танце, который объединяет народы Северного Кавказа. Это адыгский танец. Он наглядно показывает кавказскую ментальность с ее воинской доблестью и честью, гостеприимством, умением вести диалог с гостем как другом, а не врагом [8]. Именно адыгейские танцы сохранились почти в неизменном виде с древности. Поэтому они являются тем языком, который нам открывает глубину народной души жителей гор. Неслучайно характерной чертой адыгского танца является мужской образ орла и женский образ лебедя. Всем известен танец лезгинка, который покорила весь мир. Мировую известность лезгинка получила в 1935 году на Всемирном фестивале. «Весь зал гремел от восторга. Чопорные, сдержанные англичане забыли об этикете и изо всех сил кричали «браво», – писала газета «Вечерний Тбилиси» [9].

У народов Северного Кавказа более ста танцев. У каждого танца свой язык, главная роль которого воспроизводство ментальности и традиционной идентичности средствами художественных образов. На протяжении ряда лет адыгская хореография сознательно воссоздавала ряд функций объединения

людей в коллектив средствами художественных образов и достижения солидарности в жизни российского общества. В состязаниях танцы служили делу физического воспитания, поднимали дух, воодушевляли людей, готовили к походам, боевым подвигам и победам, подчеркивали честь, гордость и свободолюбие. В повседневных буднях могли развлекать людей и служить отдыху. На торжествах и на праздниках выступали эстетической формой общения, ритуала и социальной коммуникации, а не только были развлечением. В семейной обрядности танцы были и остаются важнейшим средством самовыражения индивидуальности, языком общения людей, они демонстрировали свадебные обряды, обозначали куначество. В календарно-бытовом отношении танец также служил формой коммуникации, взаимопомощи и объединения. В начале и конце сельскохозяйственного года не обходились без танца. Адыги в танце часто отражали красоту природы родного горного края, демонстрировали традиционное уважение к старшим, юноши – свою удаль и девушки – редкую красоту.

Искусство адыгского танца – это выражение его народной души, художественное осмысление архетипического, лучшего, что создано на протяжении веков. Характер танца неповторим, а танцевальная манера – уникальна. В современной России традиции и обычаи национальной культуры оберегаются и развиваются. Современная молодежь интересуется истоками этнической культуры. Танец помогает этносу сохраниться на уровне невербального языка и соответственно дает возможность отдельному человеку сохранить свою творческую индивидуальность. У многих народов Северного Кавказа жива проверенная веками национальная «система» народного танца, основывающаяся на подлинно уникальных элементах движениях, символизирующих социальную психологию этноса.

Интересно, что в семиотике народного танца на первое место выходит семантика, хотя присутствуют элементы синтаксиса. В балете же, который сохраняет основу семантики танца – простое движение, шаг (па), на первое место все же выходит синтаксис. Танцевальное па, являющееся двигательноритмической основой танца, по своей сути, – это синтез танцевальных шагов, то есть синтаксический феномен [4, с. 306]. Танец пронизан сплетениями движений. Язык танца является иерархией с синтаксическими подуровнями. Па-де-дё, главная форма балета, имеет трехчастный синтаксис: адажио, аллегро, кода. Балет выступает одновременно видом музыкального театра. В макросинтаксисе балета семантика танцевальных па взаимодействует с драматургией балета или симфонии. В поэзии А. Блока цыганка выполняет функцию шамана, когда «танцует жизнь» (А. Блок «Когда-то гордый и надменный...»). Она помогает поэту пророчески взглянуть на бытие с помощью особого языка танца и одновременно поэтического слова.

Современность показывает значимость древнейших форм коммуникации, таких как пение, танец, миф и т. д. Все эти формы коммуникации взаимно связаны через движение тела на эмоционально-чувственном уровне. Современный

крайний индивидуализм, доведенный до своей крайности, вызывает интерес к коллективной идентичности и порождает стремление к солидарности. Визуальная культура усиливает доверие движению тела как выражению аутентичности личности и индивидуальности и спасительное недоверие к лживости слов и текстов вербализованной культуры. Например, модель трикстера у современного клоуна учит ребенка социальному поведению на уровне крипто-нормированных форм культуры. Смех вызывает неумение двигаться так, как это делают все; двигаться так, как этого требует элементарная культура.

Смех – реакция на раздражитель, произвольные движения лица и всего тела. Совместный смех в цирке является фактором социализации, такой же коммуникативности, как и в танце. Клоуны задают ожидания, но «разочаровывают» зрителя. Реакцию нескольких восприимчивых людей (например, детей) тут подхватывает зал, по принципу коммуникативности заражаясь энергией. Клоуны фактически не шутят. Они унижают себя, чтобы делать свою работу эффективнее. Опытные клоуны в душе несчастные люди. Существует рассказ о несчастных клоунах. Пациент приходит за помощью к психологу. Жалуется на депрессию, утверждает, что жизнь очень груба и жестока, и он ощущает себя одиноким в огромном мире. На это психолог предлагает свой рецепт смеха: «Великий клоун Пальячи сегодня в городе, сходите, я уверен, вам станет намного лучше». Пациент заливается слезами. «Но доктор, я и есть Пальячи» [10]. Мир не знает случаев освоения жанра клоунады артистами трагических ролей, но обратных примеров множество. Выдающиеся цирковые клоуны достигали успехов в кинематографических и театральных ролях (Ю. Никулин, Л. Енгибаров, В. Полунин).

Профессия «клоун» является эмоционально тяжело переносимой, ее представители стараются достучаться до сердец простых людей. Их искусство направлено на зрителей, служит достижению катарсиса – эстетически восторженного состояния души. Клоун учит сопереживать. Возможно, в этом заключается причина успеха фильма «Джокер». Главный герой фильма Артур не выдерживает психологического напряжения и чувства социальной несправедливости. Он сходит с ума и превращает комедию в трагедию, вызывая своими действиями настоящий социальный взрыв. Клоунами оказывается не только он один, но и масса народа.

Таким образом, с древности этническая культура влияет на танец, и, в свою очередь, танец помогает взаимопониманию людей, помогает им объединяться в единое целое, на основе древнейшего языка с его транспарентными кодами эмоционального общения. Семиотической предпосылкой языка танца является движение тема в единстве с движением души, которое становится элементарным знаком социальности. Смысл социальности в интеграции индивидов. Язык танца конструирует социальную идентичность и современного человека, так как включает простейшие и очевидные механизмы социальной идентификации личности, которые, возможно, присутствуют в коллективных архетипах, но, несомненно,

заложены в религиозной и нравственной традиции. Танцем, который объединяет все этносы Северного Кавказа, является лезгинка. Она служит средством эмоциональной памяти веков, призывом к миру между свободными братскими народами. Вся современная цивилизация выявила такую тенденцию как стремление к возврату, к эмоциональному единству с природой, ее ритмами и законами. Модным понятием стал культурологический термин «неотрайб», означающий «новое племя». Неотрайб возвращает современного индивидуализированного и одинокого человека к этническим истокам простейшего коллективизма и вновь актуализирующемуся в условиях экологического кризиса идеалу «доброго дикаря». Воспитание уважительного отношения к национальным традициям начинается с детства. Легче всего обучаются народным танцам именно дети.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурыкина, Л. В. Проблемы культурной идентичности населения Северо-Кавказского региона [Электронный ресурс] / Л. В. Бурыкина, А. Ш. Бузаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 3. – С. 19–26. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kulturnoy-identichnosti-naseleniya-severo-kavkazskogo-regiona>.
2. Левина, Э. М. Язык песен, стихов и танцев – самый древний и понятный язык в мире / Э. М. Левина // Экстернат.РФ. – 2020. – № 10. – С. 36–41.
3. Икиликян, С. Г. Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик [Электронный ресурс] / С. Г. Икиликян // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 2 (194). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazyka-v-formirovanii-etnicheskoy-identichnosti-kak-predmet-izucheniya-nauchno-issledovateljskih-praktik>.
4. Мечковская, Н. Б. Семиотика: язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 426 с.
5. Попов, А. А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа / А. А. Попов. – 2-е изд. – Новосибирск : Наука, 2008. – 458 с.
6. Набокина, А. П. Танец как лаборатория телесной памяти: к вопросу о значении хореографического наследия / А. П. Набокина // Культура слова. – 2019. – № 4 (5). – С. 4–6.
7. The Role of PIEZO2 in Human Mechanosensation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMoa1602812>.
8. Диванян, О. Г. Танец как выражение коллективной идентичности народов Северного Кавказа // История и обществознание : научный и учебно-методический ежегодник / О. Г. Диванян ; гл. ред. А. А. Панарин; зам. гл. ред. Ю. В. Приймак ; отв. ред. С. Н. Малахов. Вып. XVII. – Армавир : РИО АГПУ, 2020. – С. 170–175.
9. Интересные факты о лезгинке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253732/interesnye-fakty-o-lezginke>.
10. Понарина, Н. Н. Глобализация: проблема влияния на культурную идентичность / Н. Н. Понарина // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 28–33.
11. Хранители : фильм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citaty.vvord.ru/citaty-k-filmu/Hraniteli/>.

REFERENCES

1. Burykina L.V. Problems of cultural identity of the population of the North Caucasus region. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Social Studies, Political Studies, Cultural Studies*, 2010, No. 3, pp. 19-26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kulturnoy-identichnosti-naseleniya-severo-kavkazskogo-regiona> (In Russian).
2. Levina E.M. The language of songs, poems and dances – the oldest and most understandable language in the world]. *Eksternat.RF*, 2020, No. 10, pp. 36-41. (In Russian)
3. Ikilikyan S.G. The role of language in the formation of ethnic identity as a subject for the study of research practices. *Izvestiya vuzov = News of universities. The North Caucasus. Series: Social Sciences*, 2017, No. 2 (194). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazyka-v-formirovanii-etnicheskoy-identichnosti-kak-predmet-izucheniya-nauchno-issledovatel'skih-praktik> (In Russian).
4. Mechkovskaya N.B. *Semiotika: yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: language. Nature. Culture]. M.: Akademiya, 2008, 426 p.
5. Popov A. A. *Kamlaniya shamanov byvshego Vilyujskogo okruga* [Kamlaniya shamans of the former Vilyui district]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 458 p.
6. Nabokina A.P. Dance as a laboratory of body memory: to the issue of the importance of choreographic heritage. *Kul'tura slova = Culture of the word*, 2019, No. 4 (5), pp. 4-6. (In Russian).
7. The Role of PIEZO2 in Human Mechanosensation Available at: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMoa1602812> (In English).
8. Divanyan O.G. Dance as an expression of the collective identity of the peoples of the North Caucasus. *Istoriya i obshchestvoznaniye = History and Social Studies*, Armavir: EPC ASPU, 2020, issue HVII, pp. 170-175. (In Russian).
9. *Interesnye fakty o lezginke* [Interesting facts about lezginke]. Available at: <https://www.culture.ru/materials/253732/interesnye-fakty-o-lezginke> (In Russian).
10. Ponarina N. N. Globalization: the problem of influence on cultural identity. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, Economics, law*, 2011, No. 3, pp. 28-33. (In Russian).
11. *Hraniteli* [Keepers] (movie). Available at: <http://citaty.vvord.ru/citaty-k-filmu/Hraniteli/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Диванян О.Г. Семиотические предпосылки языка танца: социально-философский аспект / О.Г. Диванян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 77–84.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Divanyan O.G. Semiotic Prerequisites for the Language of Dance: Socio-philosophical Aspect / O.G. Divanyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 77–84. (In Russian).

УДК 316.3

**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Н.Н. Понарина

**THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES
ON THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SOCIETY:
SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

N.N. Ponarina

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления информационного общества, дается характеристика каждого этапа и актуализируется влияние телекоммуникационных и информационных технологий на развитие данного общества в условиях глобализации. В данном исследовании глобализация выступает как доминирующий способ образования информационного общества и развитие его в прогрессивном мире.

Abstract. The article considers the stages of formation of information society and gives a description of each stage and updates; the impact of telecommunication information technologies on the development of such society in the context of globalization. In this study, globalization is the dominant way of forming and developing information society in a progressive world.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, цивилизация, коммуникация, информационно-коммуникационные технологии, глобальная информационная инфраструктура.

Keywords: globalization, information society, civilization, communication, information communication technologies, global information infrastructure.

Происходящие в современном мире процессы наглядно свидетельствуют о взаимосвязи и взаимозависимости глобализационных процессов и развития информационно-коммуникационных технологий. В целом процессы глобализации носят объективный характер и формируются на основании растущей потребности в единых, скоординированных действиях для решения важных общечеловеческих проблем.

Важной особенностью современного общественного развития является расширение масштабов использования новейших информационных технологий, и непосредственное их воздействие на основные жизненные процессы людей.

Имеется мнение, что в настоящее время наиболее развитые страны функционируют в формате информационного общества, в которых социальные, политические, культурные и экономические достижения и успехи зависят первоначально от производства, хранения, переработки и грамотного распространения между членами общества информации.

Глобализация – это многоплановый, макромасштабный и, к тому же, внутренне противоречивый процесс усиления общего в общемировых системах: социальной, правовой, политической и экономической. Так как глобализация является объективным процессом и его материальной базой становятся кардинальные изменения в технической сфере, то образуются современные, новые типы информационных технологий, коммуникаций, транспорта [1].

Информационно-коммуникационные технологии и неограниченное использование сети «Интернет» представляют собой совместно с финансовой, транспортной и торговой деятельностью не только основной объект глобализации, но и применяются как определенный катализатор генерализации глобализации, первоначально, на социально-экономическую сферу, которая занимает в системе правового, экономического регулирования государств значимое место.

Об обществе, которое сейчас называется информационным, впервые завели разговор в 50-е годы прошлого столетия – на основании появления математической теории связи и кибернетики, а непосредственно, название «информационное общество» стало обиходным намного позже – в конце XX века, в период, когда наступила всеобщая информатизация и компьютеризация [2].

В середине XX столетия возникли преобразования в социально-экономической модели общества. Данная трансформация была вызвана эволюционным развитием индустриального в постиндустриальное общество, которое приобрело определяющую социальную форму XX века, как в США и Японии, так и в Западной Европе. Возможности становления постиндустриального общества определяются масштабами знаний и информации, которые оно имеет. В частности знания являются тем центром, вокруг которого создаются новые технологии, новая стратификация и экономический рост общества [1]. Повышенная технологизация и замещение приоритетов индустриального сектора производства, научным, стало причиной того, что ученые заговорили об образовании нового общества. Таким образом, в 70-е годы XX столетия сформировалась конкретная концепция информационного общества.

Зарождение информационного общества как результата научно-технического прогресса имеет следующие доказательства. Теория постиндустриального общества содержит концепцию о трех обществах, в соответствии с которой доиндустриальное общество основывается на корреляции человека с природой, а индустриальное общество строится на взаимодействии человека и подчиненной им природой, и последнее, постиндустриальное общество основывается на коммуникационном взаимодействии людей.

Американский философ Э. Тоффлер описывает историю появления и развития цифрового общества в качестве трех волн, каждая из них сменяет друг друга в результате эволюции научно-технического прогресса.

Что касается первой волны, то она образовала сельскохозяйственную цивилизацию, охватившую некоторые государства, такие как Индию, Китай, Рим, Грецию и другие. В то время как, данные цивилизации имели собственные

пути развития и общества, так же они и имели общие черты развития. Центром жизни, семейной организации, культуры, экономики и политики является земля. Та или иная община производила именно то, в чем испытывала необходимость, таким образом, экономику данного периода можно назвать децентрализованной. Наблюдалось разделение труда. Что касается структуры общества, то она складывалась из каст и классов, при этом власть всегда была жесткой и авторитарной.

Новый этап, так называемая, «вторая волна» развития общества, произошел триста лет назад, он поменял образ жизни миллионов. Э. Тоффлер называет смену этапов ударной волной, «которая обошла всю землю, разрушив древние общества, и породила во всех отношениях новую цивилизацию». «Ударная волна», по мнению исследователя, считается промышленная революция, результатом которой стало образование «индустриальной цивилизации», к сожалению, которая, просуществовала недолгое время, «так как едва ли не сразу с ее победой начала наступать новая, третья волна, которая породила собой другие отношения, институты, ценности» [4].

Английский экономист Т. Стоуньер, исследуя информационное общество, зародившееся, по его мнению, благодаря преобразованию форм хозяйствования, повествует, что, как и во времена Смита, центр тяжести экономики сместился от сельского хозяйства к промышленности, так и на данном этапе он сместился от промышленности к информации. И сегодня технологически прогрессивные отрасли глобального общества перетекают в стадию постиндустриальной экономики» [5].

Как и предыдущие исследователи У. Дайзард, американский экономист и географ исследовал формирование информационного общества и был приверженцем трехэтапной истории развития, при этом считал, что США является первой страной, которая осуществила переход, состоящий из трех стадий, начиная с аграрного общества к индустриальному, а от него к обществу, которое основным видом деятельности считает производство, хранение, развитие и распространение информации» [6].

Американский экономист, один из наиболее известных футурологов последней трети XX века Г. Кан предложил иную периодизацию исторического формирования общества, разделяя данные развития в порядке взаимодействия человека с природой.

Исследователь обозначает первый этап, начавшийся десять тысяч лет назад и просуществовавший восемь тысяч лет, как сельскохозяйственную революцию, резко изменившую условия жизнедеятельности человека, который стоял у истоков современной цивилизации. Для него характерен низкий рост экономики и полное отсутствие товаров.

Второй, «Великий переход», по мнению Г. Кана начался 400 лет назад и наблюдается по настоящее время. Он разделил этот этап на три фазы. «Первая фаза – индустриальная революция, вторая фаза – супериндустриальная (технологическая) мировая экономика, и третья фаза – постиндустриальная

мировая экономика. В качестве причин проявления третьей фазы, «постиндустриальной» или, можно сказать, «конечный момент эпохи Великого перехода», исследователь наблюдает в понижении интересов к сельскохозяйственной и промышленной деятельности, отмечая, что снижение потребления товаров не произошло. Данные факторы привели к понижению оборотов экономического роста, и тем самым возникли «новые неэкономические типы деятельности и интересов» [7].

В 70-х гг. социологи Д. Белл, З. Бжезинский предприняли попытки более правильно описать общество, которое окончательно вытеснило наукоемкими технологиями индустриальные средства производства, а системообразующими особенностями современного общества и определяющими факторами развития стали знания и информация. По мнению ряда ученых, такими обществами, стали передовые страны (Япония, США), вступившие в постиндустриальный период в 50-е годы XX века и к 70-м годам перешедшие на новый этап развития. К. Кларк, австралийский экономист, дал характеристику таким обществам, как обществам информации и услуг.

В науке закрепился распространенный термин – информационное общество, который был впервые определен американским экономистом Ф. Махлупом в работе «Производство и применение знания в США». А вошёл он в научный оборот и закрепил свое определение как общество, где процесс компьютеризации дает возможность людям получить доступ к точным, безопасным источникам информации, избавив их от шаблонной, однообразной работы, обеспечив высокий уровень автоматизации производства только после исследования японских социологов.

В своем исследовании Э. Тоффлер не дал конкретного определения информационного общества, он назвал его «супериндустриальным обществом». Однако в его исследовании дается характеристика такого общества с помощью описания отдельных элементов. «Большая часть в данной образующейся цивилизации не согласуется с традиционной индустриальной цивилизацией. Это одновременно и в высшей мере технически развитая, и антииндустриальная цивилизация. Третья волна принесла принципиально новую форму жизни, основанную на диверсифицированных, воссоздаваемых источниках энергии; на технологиях производства, делающих устаревшими многие фабричные сборочные линии; на каком-то новом институте; на какой-либо новой (ненуклеарной) семье; на кардинально преобразованных корпорациях и школах будущего. Образующаяся цивилизация устанавливает новый кодекс поведения и устраняет пределы концентрации энергии, власти и денежных средств».

Изменения в социальной сфере, по мнению ученого, происходит с наступлением новой эпохи субкультур, которая меняет социальную структуру общества. В данном обществе классическое деление на экономические классы, которые состоят из собственников и наемных рабочих, страт в виде высших, средних и низших, заменяется обществом, которое дифференцируется по уровню

образования, профессиям, квалификации, и в том числе доступа к информационным процессам и источникам.

Социально-экономическая структура общества сохраняет черты социального неравенства, которое присуще другим обществам, в том числе сохранится классовое деление и разделение на страты, собственность. Разделение происходит на основании доступности информации и технологиям их обработки.

Информационное общество представляет собой высший и более развитый этап современного общества. Его экономической основой выступают отрасли информационной индустрии (компьютерная, электронная, телекоммуникационная, аудиовизуальная). Происходит процесс образования мировой «информационной экономики», трансформация «электронной торговли» по телекоммуникациям в способ ведения бизнеса. Согласно мнению О.Н. Вершинской, одной из основателей в области социальных проблем информатизации, идея образования информационных супермагистралей и развития глобальной информационной инфраструктуры для усиления социально-экономического развития страны, лежит сейчас в основе всех существующих моделей информационного общества [8].

В технологической основе информационного общества: информационные и телекоммуникационные технологии, ставшие, как лидерами технологического прогресса, так и неотъемлемыми элементами любых современных технологий, создают всевозможные условия для беспрепятственного обращения, стимулируют технологический рост в обществе колоссальных массивов знаний и информации, приводят, в результате, к формированию информационного общества.

Основными характеристиками информационного общества являются: первоочередное значение информации в сравнении с иными ресурсами; преобладание информационной сферы в общем объёме ВВП; образование в качестве первостепенной ценности – экономии средств и времени при помощи использования новых компьютерных и телекоммуникационных технологий; знания, информация и квалификация выходят на первое место. Помимо этого, информационное общество отличается доступностью информации; реальным обеспечением доступности информации; производством информации в объёмах, которые необходимы и достаточны для обеспечения развития и деятельности общества во всех его сферах и направлениях; ускорением автоматизации; преимуществом развития области информационной деятельности и услуг [9].

Помимо характеристики выделяют принципы формирования глобального информационного общества, к ним относят, обеспечение каждого члена общества возможностью доступа к любой информации и коммуникация с любым другим членом или группой данного общества, принцип информационного суверенитета, принцип равноправия между каждым членом общества, народа, нации. Существуют проблемы доступа к информационным технологиям, которые в настоящее время имеют важное социальное значение и обозначены как проблемы «цифрового неравенства». «Цифровое неравенство»,

как и «социальное неравенство» способно полностью ослабить полноценное функционирование государственного управления и общественного процесса и повлиять на состояние обеспечения информационной безопасности.

Информационное, технически подготовленное общество вносит новые идеи в проблему социального равенства. Исследователи информационного общества делают вывод о новом классовом противостоянии в информационном обществе: это противостояние «класса интеллектуалов» с «низшим классом». Аналогично, как в прошлом столетии после первой научно-технической революции люди, кто не умел писать и читать, лишились «места под солнцем», так и в данный момент, кто, не владеет компьютерной, информационной грамотностью, оказываются на обочине общественно-социальной жизни. Народы, которые не сумели овладеть и использовать информационные технологии, неотвратимо окажутся на периферии исторического процесса. В качестве наиболее очевидного признака «класса интеллектуалов», можно отметить, высокий уровень образования [10].

В заключение отметим, что информационному обществу характерны такие черты, как ключевое место информационных ресурсов; единое информационное пространство; увеличение роли инфраструктуры (организационной, телекоммуникационной, транспортной) в основе общего производства; высокий уровень образования, который обусловлен увеличением возможностей систем информационного обмена, как на международном, так и национальном уровнях, в том числе и, повышение роли профессионализма, квалификации и способности к творчеству как важной характеристики труда; реальное удовлетворение потребностей общества в информационных услугах и продуктах; значимость проблем получения информационной безопасности личности, общества и государства в целом; наличие результативной системы для обеспечения прав граждан на доступное получение, использование и распространение информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понарина, Н. Н. Глобализация и информационное общество / Н. Н. Понарина // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – № 1. – С. 19–24.
2. Рейман, Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении / Л. Д. Рейман // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 6.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999. – 385 с.
4. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М., 2009. – 212 с.
5. Стоуньер, Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – 504 с.
6. Дайзард, У. Наступление информационного века / У. Дайзард // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – 410 с.
7. Кан, Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный / Г. Кан // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – 398 с.

8. Вершинская, О. Н. Существующие модели информационного общества / О. Н. Вершинская // Информационное общество. – 2009. – № 3. – С. 55.
9. Еляков, А. Д. Современная информационная революция / А. Д. Еляков // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 14.
10. Левин, А. И. Устойчивое развитие и информационное общество: тенденции, перспективы, противоречия / А. И. Левин // Философские науки. – 2004. – № 9. – С. 102.
11. Карапетьянц, М. В. Глобальные проблемы современности. Философский аспект / М. В. Карапетьянц, А. Д. Похилько // Евразийская интеграция : материалы IX Международной научно-практической конференции / науч. ред. А. А. Васильев ; отв. ред. И. И. Тарасова. – Армавир : РИО АГПУ, 2018. – С. 53–55.

REFERENCES

1. Ponarina N. N. Globalization and information society. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law, 2012, No. 1, pp. 19-24. (In Russian).
2. Reiman L. D. Information society and the role of telecommunication in its formation. Voprosy Filosofii = Issues of Philosophy, 2006, No. 3, p. 6. (In Russian).
3. Bell D. Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Coming Post-Industrial Society. Experience of Social Forecasting]. Moscow, 1999. 385 p.
4. Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave]. M., 2009. 212 p.
5. Stonier T. Information Wealth: the Profile of the Post-Industrial Economy. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade = New Technocratic Wave in the West, M., 1986. 504 p.
6. Dayzard U. The advent of the information age. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade = New Technocratic Wave in the West, M., 1986. 410 p.
7. Kan G. the Coming rise: economic, political, social. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade = New Technocratic Wave in the West, M., 1986. 398 p.
8. Vershinskaya O. N. Existing models of information society. Informatsionnoye obshchestvo = Information Society, 2009, No. 3, p. 55. (In Russian).
9. Elyakov A.D. Modern information revolution. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research, 2003, No.10, p. 14. (In Russian).
10. Levin A. I. Sustainable development and information society: trends, prospects, contradictions. Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences, 2004, No. 9, p. 102. (In Russian).
11. Karapetyants M. V., Pokhilko A. D. Global problems. Philosophical aspect. Yevraziyskaya integratsiya: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsi = Eurasian Integration: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, 2018, pp. 53-55. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Понарина Н.Н. Влияние глобализационных процессов на развитие информационного общества: социально-философский анализ / Н.Н. Понарина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 85–91.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponarina N.N. The Influence of Globalization Processes on the Development of Information Society: Socio-philosophical Analysis / N.N. Ponarina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 85–91. (In Russian).

УДК 1(14). 140.8

**ЭКЛЕКТИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ:
СЛУЧАЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО**

О.В. Пчелина

**ECLECTICISM AS A WORLDVIEW:
THE CASE OF D. S. MERZHKOVSKY**

O.V. Pchelina

Аннотация. Статья посвящена эклектике, ее роли, смыслу и функциям в социально-философском знании. При рассмотрении феномена эклектики показана его амбивалентность и разнородность трактовок, обоснована основная цель «эклектического» течения, прослежен общий культурный фон, который стал благодатной почвой для развития эклектического мировоззрения. Представлены различные оценки эклектики как явления и творческого процесса, что эклектизм, как особый тип мировоззрения, формируется в интеллектуальной творческой среде и стремится к целостности и синтезу. На примере личности и творчества знаковой фигуры русского религиозного ренессанса Дмитрия Сергеевича Мережковского проанализирован феномен «символистской эклектики» и его мировоззренческая функция. Делается вывод об эклектизме как о продуктивном явлении отечественного символизма и особом типе мировоззрения, заключающемся в стремлении к целостности, единству и «небывалым синтезам».

Abstract. The article is devoted to eclecticism, its role, meaning and functions in the social-philosophical knowledge. When considering the phenomenon of eclecticism, its ambivalence and heterogeneity of interpretations are shown, the main goal of the "eclectic" flow is justified, and the general cultural background is traced, which has become a fertile ground for the development of an eclectic worldview. Various assessments of eclecticism as a phenomenon and creative process are presented. It is proved that eclecticism, as a special type of worldview, is formed in an intellectual creative environment and strives for integrity and synthesis. The author analyzes the phenomenon of "symbolist eclecticism" and its worldview function using the example of the personality and creativity of the iconic figure of the Russian religious Renaissance, Dmitry Merezhkovsky. The article ends with a conclusion about eclecticism as a productive phenomenon of domestic symbolism and a special type of worldview, which consists in the desire for integrity, unity and "unprecedented syntheses".

Ключевые слова: эклектизм, социокультурный, мировоззрение, «символистская эклектика», русский религиозный Ренессанс, синтез, культура, Д.С. Мережковский.

Keywords: eclecticism, socio-cultural, worldview, "symbolist eclecticism", Russian religious Renaissance, synthesis, culture, D.S. Merezhkovsky.

Вводя в научный оборот понятие «амбивалентность философии», понимаемое как «диалектическое отношение», присущее человеческому познанию и самому бытию, и рассуждая о нестандартности философских учений, Т.И. Ойзерман подчеркивает позитивность амбивалентности и говорит о том,

что амбивалентность способствует множеству разнородных интерпретаций [1]. В этой связи представляется интересным рассмотрение феномена эклектики¹, который амбивалентен уже по своей природе.

В истории становления философского (и не только) знания встречается множество примеров эклектики, а тысячелетнее существование породило достаточно разнородные трактовки этого понятия. Пройдя непростой путь от отрицания – «синкретизм² и эклектика всегда оценивались как неполноценные, нарушающие законы мышления и создания текстов, идеалы, моральные и религиозные формы» до признания – «тенденции синкретизма и эклектизма обогатили теорию познания множеством новых трактовок, подходов и направлений», эклектика и синкретизм могут рассматриваться как творческие формы и этапы развития научного знания [2, с. 75–77].

Исследуя эклектизм как особый тип мировоззрения, заключающийся в стремлении к целостности, к объединению разнообразия в единстве, к своего рода гармонии, необходимо выделить тот особый интеллектуальный слой и творческую среду (изначально эклектичные по своей природе), где это мировоззрение зародилось, сформировалось и развивалось [3, с. 105–106]. В этом контексте историко-философский опыт александрийцев (в том числе их попытка греко-египетского культурного синтеза) может рассматриваться как уникальный феномен, как особый тип интеллектуальной коммуникации и мировоззрения³.

Формализм и поверхностность оценки термина «эклектизм» критиковал А.Ф. Лосев, полагая, что эпоха трехвекового античного «эклектизма» есть не что иное, как «принципиальное искание новых путей и какая-то очень глубокая жажда новых и небывалых синтезов», и именно это «эклектическое» течение подготовило неоплатонизм и растворилось в нем [4, с. 53–55]. Лосев акцентирует внимание на том, что в «длинном ряде учений», или пестром «эклектизме», лежала вполне определенная тенденция синтеза многообразия античных философских школ.

Повторение такого «эклектического опыта» можно проследить в эпоху Серебряного века русской культуры. Называя рубеж веков русским религиозно-

¹ «Согласно Диогену Лаэртскому, это слово «эклектика» впервые употребил в качестве определения своей философской школы александриец Потамон, отобравший из всех прежних школ то, „что нравится, удобное“, а также „достойное“, „истинное“». Цит. по: Поршнев В. П. Эклектизм как мировоззрение интеллектуальной элиты птолемеевской Александрии // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 1. С. 104.

² «Синкретизм... так называется сочетание различных философских начал в одну систему. Понятие С. близко подходит к эклектизму; различие между ними некоторые видят в том, что эклектизм старается путем критики выделить из различных систем состоятельные принципы и органически связать их в одно целое, а С. соединяет разнородные начала, не давая им истинного объединения...». «Синкретизм» // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в 86 томах. СПб., 1890–1907.

³ Как отмечает В.П. Поршнев, вследствие того, что александрийские интеллектуалы взяли на себя роль посредников между культурами, а также уникальной культурной среды, эклектизм стал господствующим мировоззрением в умах александрийской элиты.

философским Ренессансом, представители эпохи не ограничивались рамками эпохи Возрождения. Культурный диалог с Античностью, рецепция античного наследия (в частности античного мифа) русским символизмом были отличительными чертами Серебряного века¹.

Наиболее цельную характеристику этому периоду дал Вячеслав Иванов: «Итак, с одной стороны, канон Возрождения и классицизма, новый Парнас, древняя античная преемственность и глубокое, но самодовольное сознание поры упадка и одряхления благородной генеалогии этой преемственности, чисто латинское самоопределение новейшего искусства, как искусства поздних потомков и царственных эпигонов, и чисто александрийское представление о красоте увядания, о роскошной, утонченной прелести цветущего тления (декадентство); с другой стороны, ушедшие под землю ключи средневековой мистики и прислушивание к их глубокому рокоту, предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира и смысле ее, реализм, романтизм и прерафаэлитское братство – оба эти потока влились в жилы современного символизма и сделали его явление гибридным, двуликим, еще не дифференцированным единством, предоставив судьбам его дальнейшей эволюции проявить в раздельности каждое из двух внешне слитых, внутренне противоборствующих его начал» [5, с. 49–50]. Андрей Белый также указывал на «связь между символизмом и классическим искусством Греции и Рима <...> интерес символистов к памятникам античной культуры, воскрешение латинских и греческих поэтов, изучение ритма, стиля и словесной инструментальности мировых гениев литературы» [6, с. 256].

Подчеркну, что с самого основания символизм трактовался его отечественными представителями не только как «художественное направление», но и как «миропонимание, мировоззрение, своеобразная философия жизни», а идея синтеза стала основополагающим принципом и целью русской культуры серебряного века [7, с. 83].

Все вышесказанное ярко проявилось в творчестве одного из инициаторов и знаковых фигур отечественного символистского движения, «литературного источника» (Бердяев) духовно-эстетического Возрождения начала XX века Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941). Однако в данном случае речь пойдет не столько о вкладе Д.С. Мережковского в развитие русской религиозной философии и культуры², сколько о его творческой «многожанровости» – эклектичности.

¹ Обратим внимание на такие работы, как «Дионис и прадиионисийство» Вяч. Иванова, «Атлантида-Европа: Тайна Запада», «Тайна Трех» Д.С. Мережковского, «Афины и Иерусалим» П. Флоренского, «Первые шаги философии» Л. Шестова, «Аполлон и мышь» М. Волошина.

² Как известно, значимость личности и творчества Д.С. Мережковского определяется как важностью выдвигаемых им идей, так и тем, что мыслитель – критик, публицист, символист, религиозный философ и один из инициаторов Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний – оказывал существенное влияние на своих современников.

Начнем с того, что личность Д.С. Мережковского уже сама по себе «эклектична»: «Определите-ка его, кто он критик, поэт, мистик, историк? То, другое и третье, или ни то, ни другое, ни третье? Но тогда, кто же он? Кто Мережковский?» – терялись в догадках «коллеги по цеху» [6, с. 258].

Д.С. Мережковский характеризовался его современниками и последователями как критик, декадент, поэт, символист, исторический романист, публицист, оратор, драматург, журналист, переводчик, сценарист, художник, мыслитель, мистик, пророк, учитель, вождь, идеолог, европеец, религиозный философ, богоискатель. Эпитеты, которыми современники наделили Д.С. Мережковского, – «страстный охотник за идеями», «культурный себялюбец», «одиноким странник», «вопиющее недоумение нашей эпохи», «загадка, которая упала к нам из будущего» – стали своего рода меткими эклектическими характеристиками мыслителя. Диапазон «эклектичного» статуса Мережковского был широк и разнообразен – от «„игрока запойного” в символы» (В.В. Розанов) и «великого мертвеца русской литературы» (Р.В. Иванов-Разумник) до «философствующего литератора» (Л.И. Шестов) и «пророка будущей культуры» (Г.П. Струве, С.Л. Левицкий).

Несмотря на то, что такие именитые философы как Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский и ряд других отечественных и западноевропейских мыслителей высоко оценили религиозно-философские идеи и ту роль, которую Д.С. Мережковский сыграл в мировой духовной культуре, были и те, кто полагал, что «исключительное умение пользоваться цитатами скрывают бедность и монотонность мысли, маскируют его гностическую неодаренность, его нелюбовь к познанию и его недостаточную философскую подготовку» [8].

Что касается Мережковского, обильное цитирование источников стало для него практически «визитной карточкой»: «маэстро цитат» (Шестов) и «властелина чужого» обвиняли в стремлении показать себя через великих людей. Именно за это Мережковский подвергался жесточайшей критике и получал саркастические оценки своих современников. Так, И.А. Ильин полагал, что Д.С. Мережковский всегда выдумывал и сочинял безответственно, комбинируя источники по своему усмотрению, поскольку заботился исключительно о своих замыслах. Русский философ уличал Мережковского в том, что он комбинирует, развивает и интерпретирует источники с точки зрения целесообразности своих концепций, не задумываясь об исторической правде, называл героев романов Мережковского «вешалками, чучелами или манекенами», которые автор использовал в целях иллюстрации своих диалектических открытий [9, с. 374–375].

«Все его творчество – медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории: Россия Александра, Павла, Петра; Италия Леонардо; Эпоха Апостата; теперь – Эгейская культура, и далее – Египет, Вавилон. Для него познание прошлого – реальное общение в духе и лестница посвящений», – полагали другие мыслители [10, с. 362].

Как видим, в лице Д.С. Мережковского мы можем вести речь об осмыслении эклектизма в узком смысле и его понимания как особого типа мировоззрения – в широком – «Скажут, пожалуй, что он эклектик. Неправда» (Белый), а также проблемы неоднозначной трактовки понимания природы эклектизма и его оценивания с позиции философского знания (создал или не создал мыслитель свою философскую систему), которая имеет давнюю традицию. Например, известно мнение о «классическом эклектике» Марке Туллии Цицероне, который «не дал новых идей миру... Его собственный внутренний мир небогат, ибо в нем много других голосов»¹.

Сегодня мы можем говорить о том, что Д.С. Мережковский по праву занимает почетное место в ряду русских религиозных мыслителей, поскольку смог найти свой религиозно-философский метод и выработать содержание своего философствования². Определяя свое место в русской литературе «если бы я был философом, я постарался бы донести мысль до окончательной ясности... Но я не проповедую и не философствую... я только описываю свои последовательные внутренние переживания», Д.С. Мережковский пояснял, что «прежде всего желал бы показать за книгой живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия», искал «неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом», а мыслителей и художников рассматривал «в *своем* свете, в *своем* духе, под *своим* углом зрения» [11, с. 353]. Д.С. Мережковский неоднократно подчеркивал, что «по совести: все, что я говорю и думаю по вопросам религиозным, идет не от книг, не от чужих мыслей, а от моей собственной жизни, – все это я пережил».

Высказав предположение о том, что «Мережковский при всей огромности дарования нигде недоволен: не до конца большой художник, не до конца пронзительный критик, не до конца богослов, не до конца историк, не до конца философ», Андрей Белый озадачился необходимостью «придумать какую-то форму творчества, не проявившуюся в нашу эпоху. Эта эпоха наша, должно быть, подходит к новым творческим возможностям» [6, с. 265].

И сегодня вопрос поиска «формы творчества» Мережковского не утратил своей актуальности. Поставив знак равенства между «субъективной критикой» Д.С. Мережковского и русской герменевтикой, исследователь Н.К. Бонецкая назвала мыслителя ее основателем, ключевой фигурой, считая критические очерки Д.С. Мережковского лучшими образцами герменевтической практики [12, с. 97–114].

¹ Цит. по: Микешина Л. А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. М. : Институт философии Российской академии наук, 2013. Т. 37. № 4. С. 31. Подробнее об этом: Лосев А. Ф. Эклектизм // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 542–543.

² Подробнее об этом: Цетлин М. О. Д.С. Мережковский (1865–1941) // Новоселье. 1942. Март. № 2.

Перечислим наиболее значимые составляющие «экспорта новых течений» (Белый) Мережковского: метод «субъективной критики», излюбленная схема «тезис – антитезис – синтез», антиномичность и многофункциональность трактовки символа (категория «символ» в трактовке Д.С. Мережковского имела целый ряд смысловых характеристик, связанных с пониманием начала и конца бытия, истока и конечной цели мироздания, пути познания и цели новой культуры, формы всеединства и соборности, идеала будущего мироустройства), обоснование «нового искусства» – символизма, «нового религиозного сознания», «религиозной революции», «религиозной общественности», «Всеединской Церкви», «Третьего Царства» – «Божественного Общества» – «Третьего Завета» (проекта будущего общества, в котором нашли отражение символическая, эстетическая, этическая и культурологическая концепции, синтезировались все религиозные, историософские, культурологические и социальные идеи мыслителя), интерпретация культуры как синтеза онтологического, теургического (проблема творения нового бытия), аксиологического (проблема ценности культуры и творчества ценностей), антропологического (проблема человека, личности – главного носителя и творца культуры) и социального (роль культуры в обществе, способ организации общественной жизни) аспектов.

Отметим и один из характерных приемов творчества Мережковского – возвращение к одним и тем же источникам, многократное использование их в различных контекстах, что свидетельствует о специфике творческого подхода и мировидения Мережковского. Таким образом, тенденция синтеза, обозначенная Лосевым как базовая характеристика эклектичности, проявилась в творчестве Д.С. Мережковского в едином замысле всех произведений, на который он сам указал в предисловии к полному собранию своих сочинений: «Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна об одном» [13, с. 5].

Легкость в обращении с чужими текстами, вольное цитирование в виде пересказывания без кавычек и неточное цитирование или изменение текста внутри кавычек отмечали многие современники и исследователи творчества Мережковского. В то же время, несмотря на обилие явных и скрытых цитат, большинство критиков признают продуктивность его художественного метода, признают, что произведения Мережковского отличаются оригинальностью и воспринимаются не как энциклопедия чужих мыслей, а как живые картины.

Рассматривая эклектическое мировоззрение как социокультурный феномен эпохи русского религиозного Ренессанса, напомним о специфике отечественного символизма (я имею в виду его трактовку как миропонимания, мировоззрения и синтеза) и проиллюстрирую это обобщающей цитатой Андрея Белого: «А ведь поэзию, мистику, критику, историю – все превратил Мережковский в ореол вокруг какого-то нового отношения к религии – теургического, в котором безраздельно слиты религия, мистика и поэзия. Все остальное – история, культура, наука, философия только подготовляли

человечество к новой жизни. Теперь приближается эта жизнь, упраздняется чисто искусство, историческая церковь, государство, наука, история. И каким огнем залита проповедь Мережковского, как преломляется она в существующих методах творчества: в романах, в критике, в религиозных исследованиях! Привлекает она к нему эстетов, мистиков, богословов, просто культурных людей» [6, с. 259].

Обратимся к текстам Мережковского. В качестве примера эклектичности ограничусь двумя работами – одной из ранних, «Вечные спутники» (1897), и одной из поздних, «Тайна Трех. Египет – Вавилон» (1923).

Во-первых, эти работы объединяет стиль изложения – «по совокупности своих даров и средств, Мережковский – комментатор. Свои собственные мысли он гораздо лучше выскажет, комментируя другого мыслителя или человека; комментарий должен быть методом, способом, манерой его работы» (Розанов). Во-вторых, временной отрезок демонстрирует динамику и верность предложенному им методу «субъективной критики», ставшему одной из составляющих его творчества, его «символистской эклектики», его мироприятия.

В предисловии к «Вечным спутникам» автор обозначил свою «субъективную» цель – открыть читателю свое внутреннее, собственное, «богоподобное» я, свое мирозерцание и миропонимание через любимые книги и личности, которые оказали воздействие на «его ум, сердце и волю». Предвосхищая читательский упрек в отсутствии систематической связи, Мережковский подчеркивает свой выбор – сознательное «соединение (курсив мой – О.П.) столь различных, по-видимому, чуждых друг другу, имен в одну семью, в одну галерею портретов» [11, с. 353]. «Вечные спутники» можно назвать весьма показательными с точки зрения объема цитирования Мережковским героев своих очерков – их произведений, дневников, воспоминаний, писем¹.

Если в первой работе Мережковского присутствуют, по большей части, цитаты из произведений самих «вечных спутников», то в книге «Тайна Трех. Египет – Вавилон» автор «цитирует много и многих» (Айхенвальд): на одной странице мы можем встретить цитаты из Библии и произведений Розанова или Достоевского, Демокрита и Шеллинга, Вейнингера и Пушкина, отсылки к запискам путешественников, к древним текстам и исследованиям археологов, ученых-египтологов.

Отмечу, что работа с источниками была всегда одной из важнейших составляющих творческого процесса Дмитрия Мережковского и подходил он к этому вопросу довольно трепетно и тщательно. По свидетельству жены писателя З. Гиппиус, Мережковский не только относился к работе с серьезностью

¹ «В очерке о Монтене три четверти написанного – выдержки из «Опытов», а это одна из самых запоминающихся работа сборника». Подробнее об этом см.: Ермолаев М. Загадки Мережковского. Послесловие // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995. С. 561–567.

ученого и исследовал тему со всей возможной широтой, но и стремился побывать там, где происходило действие, «видеть и ощущать тот воздух, ту природу». Невозможность посетить некоторые страны Д.С. Мережковский компенсировал изучением источников. Известно, что в Висбадене (Германия) ему «из специальной библиотеки привозили на тачках громадные фолианты, в которых он нуждался»¹. Кроме того, Мережковский в совершенстве знал множество европейских языков, переводил произведения древнегреческих классиков, а деятельность Мережковского как переводчика стала олицетворением переводческой практики рубежа XIX–XX веков. Отметим, что и в этой области (не без влияния Шлейермахера, который понимал перевод как способ «привести читателя к писателю» и «привести писателя к читателю») проявились «субъективный» и эклектический методы Мережковского. Как видим, далеко не случайно первая публикация книги «Тайна Трех. Египет – Вавилон» в России (2001) снабжена обширными комментариями одного из выдающихся современных исследователей творчества писателя Елены Андрущенко. Комментарии даны как на примечания Мережковского, так и на те цитаты, происхождение которых не всегда может быть понятно читателю из контекста.

Вводя новые группы источников в научный оборот (историко-философский, религиозный и художественный), знакомя читателей с новыми текстами, «властелин чужого» сумел «включиться» в социокультурный контекст русского религиозного ренессанса, определяя своими идеями умонастроение эпохи: Мережковский «проговаривал» себя через личности и эпохи, а время «проговаривало» себя через Мережковского, показывая одно из направлений мышления эпохи и мироощущения определенного социума.

Подводя некоторые итоги, отметим следующие моменты.

В лице Д.С. Мережковского можно с полным основанием говорить об эклектике как об особом явлении символизма и русской культуры рубежа XIX–XX веков – периоде «искания новых путей и какой-то очень глубокой жажды новых и небывалых синтезов», всеединства, богоискательства, теургии, космизма.

К задаче дальнейших исследований можно отнести изучение явления феномена «символистской эклектики» в целом, и уточнение масштабов и «эклектических» идей Д.С. Мережковского, в частности. Однако уже сегодня можно с полным основанием говорить о том, что эклектизм и «случай Мережковского» являются оригинальной и неотъемлемой частью эпохи русского религиозного Ренессанса, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие русской культуры и философии.

Представляется весьма актуальным и открытым для анализа вопрос интерпретации эклектизма как заимствования: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение

¹ Подробнее об этом см.: Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // З. Гиппиус. Живые лица. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 196.

или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое», – писал о себе В.А. Жуковский¹. В этом ключе также интересен цикл стихов «Тайны ремесла» А. Ахматовой: «Налево беру и направо, / И даже, без чувства вины, / Немного у жизни лукавой, / И все – у ночной тишины», однако обозначенная проблема – это уже тема другого исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ойзерман, Т. И. Амбивалентность философии / Т. И. Ойзерман. – М. : Канон+ ; Реабилитация, 2011. – 400 с.
2. Микешина, Л. А. Эkleктика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания / Л. А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – М. : Институт философии Российской академии наук, 2014. – Т. 39. – № 1. – С. 60–78.
3. Поршнев, В. П. Эkleктизм как мировоззрение интеллектуальной элиты птолемеевской Александрии / В. П. Поршнев // Вестник СПбГУКИ. – 2011. – № 1. – С. 104–115.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000. – 960 с.
5. Критика русского символизма. Т. 2. – М. : Олимп, 2002. – 443 с.
6. Белый, А. Мережковский / А. Белый // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 257–266.
7. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма / В. В. Бычков // Полигнозис. – 1999. – № 1. – С. 83–104.
8. Бердяев, Н. А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) / Н. А. Бердяев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/novoe_khristianstvo/.
9. Ильин, И. А. Мережковский – художник / И. А. Ильин // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 374–388.
10. Бахтин, Н. М. «Мережковский и история» / Н. М. Бахтин // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 362–364.
11. Мережковский, Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. Л. Мережковский. – М. : Республика, 1995. – 622 с.
12. Бонецкая, Н. К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 97–113.
13. Мережковский, Д. С. Собр. соч. : в 24 т. Т. 1 / Д. С. Мережковский. – М., 1914–1915.

¹ См.: Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4: Письма к Н.В. Гоголю 6 (18) февраля 1847, Франкфурт-на-Майне. Воспроизводится по изданию: В. А. Жуковский. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. Электронная публикация – РВБ, 2006–2018. Версия 2.0 от 14 января 2017 г.

REFERENCES

1. Oizerman T.I. *Ambivalentnost' filosofii* [Ambivalence of philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Rehabilitation», 2011. 400 p.
2. Mikeschina L.A. Jeklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti nauchnogo znanija [Eclecticism and Syncretism: on the question of the system of scientific knowledge]. *Jepistemologija i filosofija nauki = Epistemology and philosophy of science*, Moscow, Publishing house of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2014, vol. 39, No. 1. pp. 60-78. (In Russian).
3. Porshnev V.P. Eclecticism as the worldview of the intellectual elite of Ptolemaic Alexandria. *Vestnik SPbGUKI = Bulletin of SPBSUCA*, 2011, No. 1, pp. 104-115. (In Russian).
4. Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki. Rannij jellinizm* [History of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Kharkiv, Folio Moscow, AZT Publishing house, 2000. 960 p.
5. *Kritika russkogo simvolizma* [Critique of Russian symbolism]. Moscow, Olimp, 2002, vol. 2. 443 p.
6. Bely A. *Merezhkovskij* [Merezhkovsky], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocenke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 257-266.
7. Bychkov V.V. The aesthetic prophecies of Russian symbolism. *Polignozis = Polygnosis*, No. 1. Moscow, 1999, pp. 83–104. (In Russian).
8. Berdyayev N.A. *Novoe hristianstvo (D.S. Merezhkovskij)* [New Christianity (D. S. Merezhkovsky)]. Available at: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/novoe_khristianstvo
9. Ilyin I.A. *Merezhkovskij – hudozhnik* [Merezhkovsky – the artist], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocenke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 374-388.
10. Bakhtin N.M. *Merezhkovskij i istorija* [Merezhkovsky and history], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocenke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 362-364.
11. Merezhkovsky D. *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow, Republic, 1995. 618 p.
12. Bonetskaya N.K. D.S. Merezhkovsky: hermeneutics and exegesis. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, Moscow, 2012, No. 12, pp. 97-113. (In Russian).
13. Merezhkovsky D.S. Collected works: in 24 volumes. Moscow, 1914-1915. Vol. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пчелина О.В. Эклектизм как мировоззрение: случай Д.С. Мережковского / О.В. Пчелина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 92–101.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pchelina O.V. Eclecticism as a Worldview: the Case of D.S. Merezhkovsky / O.V. Pchelina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 92–101. (In Russian).

УДК 1 (091 + 316.42)

**ДЖ. СЕРЛЬ: АНАЛИТИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ КАРКАС
КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ**

К.Д. Скрипник

**J. SEARLE: THE ANALYTIC-SEMIOTIC FRAME
OF THE CONSTRUCTION OF SOCIAL ONTOLOGY**

K.D. Skripnik

Аннотация. В статье рассматривается подход Д. Серля к конструированию теоретического каркаса анализа социальной реальности. Рассматриваются базовые методологические положения, среди которых основное внимание уделяется понятиям социального факта, коллективной интенциональности, статус-функций и конститутивных правил. Отмечается, что социальные факты представляют собой институциональные факты, которые создаются особыми видами речевых актов, примерами которых являются декларативы. Конститутивные правила представляют собой парафраз способа задания знака в смысле Пирса, а конструирование социальной реальности есть не что иное, как создание семиотической репрезентации. С этой точки зрения концепция Д. Серля может рассматриваться как семиотическое построение в общем каркасе аналитической философии. Данное семиотическое построение может быть представлено как социальная семиотика или как биосемиотика. Автор приходит к выводу о том, что аналитические принципы построения социальной онтологии совмещены у Д. Серля с принципами социальной семиотики.

Abstract. The aim of the article is to consider J. Searle's approach to the construction of the conceptual frame of social ontology. The basic methodological principles are in the focus; the special attention is paid to such notions as social fact, collective intentionality, status-function and constitutive rules. It is noted that social facts are institutional facts which are created by such sorts of speech acts as declaratives. In turn, constitutive rules are paraphrases of the way the sign is defined by C. Peirce, and the construction of social reality is the creation of semiotic representation. From this point of view, J. Searle's conception could be considered as semiotic in the general frame of analytic philosophy. This semiotic construction may have the social-semiotic or biosemiotics character. The author comes to the conclusion that J. Searle's analytic principles of the construction of social ontology are combined with the principles of social semiotics.

Ключевые слова: Серль, аналитическая философия, семиотика, социальная онтология.

Keywords: J. Searle, analytic philosophy, semiotics, social ontology.

В течение длительного времени считалось, что аналитическая философия и философы, относящие себя к данному направлению, сосредоточивают свое внимание на логико-эпистемических проблемах, философии языка и иных, близких к названным, и чуждаются обсуждения социальных, политических, моральных проблем. Это мнение было господствующим, несмотря на ряд очевидных фактов, из числа которых следует упомянуть названия

нескольких книг, написанных философами-аналитиками, из которых видно, что упомянутая точка зрения достаточно далека от сложившегося положения дел. Назову лишь три (кажется, наиболее известные) – [1], [2] и [3].

Не менее примечательным фактом является то, что некоторые аналитические философы в ходе своего творчества приходят к исследованиям совершенно, казалось бы, непривычных для них проблем. К числу таких философов относится и Дж. Серль, хорошо известный по работам, посвященным сознанию, интенциональности, речевым актам. Может быть, в меньшей степени известны его объяснения человеческих способностей и практик, включая и сознание, и интенциональность, с натуралистской точки зрения, когда настаивает на том, что способность людей создавать социальный мир представляет собой расширение более базисных биологических способностей, хотя и не сводится к ним. Тем более обращают на себя внимание две работы Дж. Серля, посвященные социальной онтологии, первая из которых опубликована в 1995 году [4], вторая [5] – пятнадцатью годами позже, которые знаменуют переход – естественный и даже закономерный для Серля – от интенциональности и исследований речевых актов к социальной проблематике. В [5] Серль, задаваясь вопросом о том, «как возможно, что мы обладаем фактуальным объективным знанием реальности, которая создана субъективными мнениями?», подчеркивает, что данная книга продолжает то обсуждение, начало которому было положено в «Конструкции социальной реальности» и которое имело длительное продолжение в комментариях, критических разборах, монографиях и конференциях.

Обратимся, хотя и несколько фрагментарно, к тем положениям, которые составляют «методологический каркас» подхода Серля к анализу социальной реальности. С его точки зрения, вопрос о том, имеется ли в социальных науках специальный, отличный от используемого в естественных науках, способ объяснения, может быть сформулирован безотносительно оппозиции тех точек зрения, которые представлены «эмпирицистской» (идущей от Милля) и «герменевтической» (от Дильтея) позициями. Мир состоит не только из материальных частиц, систем части и полей – мир состоит также из множества ментальных состояний, участвующих в детерминирующем влиянии на человеческое поведение. В [6] Серль уже обсуждал статус интенционалистских объяснений в социальных науках, в том числе и тех объяснений, что порождают новое знание, то есть новую информацию о мире, являющуюся единственным показателем научного прогресса. Но формирование новых способов объяснения, приемов понимания и интерпретации, позволяющих открывать – например, в гуманитарном знании – новые смыслы, также может характеризовать движение вперед. Для Серля как подлинного аналитического философа цель обращения к социальной проблематике заключается не столько в том, чтобы разработать и предложить теорию получения нового знания в социальных науках, сколько выделить некоторые важные характеристики структуры объяснения социальных феноменов, привлечь внимание к ним, а уже на базе

подробных характеристик сделать некоторые выводы относительно онтологии самих этих социальных феноменов.

К числу таких характеристик могут быть отнесены следующие. Первая связана с тем, что объяснение в социальных науках связано с ментальной, или интенциональной каузальностью, представляющей собой такую «форму каузальности, посредством которой ментальные состояния каузально относятся к тем самым положениям дел, которые они репрезентируют» [6, р. 133]. Серль приводит простой пример: человек, который пьет, потому что испытывает жажду, делает это под воздействием интенциональной каузальности. Интенциональная каузальность проявляется там, где есть интенциональные ментальные состояния, то есть определенные типы ментальных репрезентаций.

Вторая характеристика говорит о том, что социальные факты пронизаны интенциональностью: подобные факты именно таковы в силу того, что люди полагают, что они таковы, то есть что они относятся к социальным фактам. Другими словами, социальные факты репрезентируются интенциональным содержанием и, далее, интенциональная каузальность есть репрезентация репрезентации. Поскольку же любая репрезентация является знаковым отношением, то в данном случае проявляется семиотический характер описываемой ситуации, заключающийся в установлении соотношения знаков различных уровней. Мало того, Серль подчеркивает, что для многих социальных феноменов естественно то, что они существуют лишь потому, что люди полагают, что они существуют и означивают их определенным знаком (например, дают им имя, называют их). В этом случае складывается та ситуация, которая в теории речевых актов получила название перформатива [7]. В обычном смысле если некто полагает, что А есть В, и его полагание есть факт, то должно существовать нечто, независимое от этого факта и говорящее о том, что А есть В. В случае же социальных фактов дело обстоит иначе: социальные факты являются самореференциальными в том смысле, что полагание, что А есть В, является часть конституирования того, что А есть В.

Понятие самореференциальности социальных фактов выступает первым элементом того теоретического аппарата, посредством которого возможно построить и объяснить социальную онтологию. Остальные элементы – это конститутивные правила (правила не только регуляции, но и создания новых форм социального поведения и социальной жизни), коллективная интенциональность, лингвистическая инфильтрация фактов, системный характер взаимоотношения между социальными фактами и приоритет действия перед объектом, статус-функции и порождаемые ими деонтические силы, различие между грубыми и институциональными фактами.

Данные элементы нуждаются в совсем небольшой расшифровке: коллективная интенциональность, анализ структуры которой имеется в [8], подразумевает, что люди делают нечто вместе (см. также [9]); лингвистическая инфильтрация указывает на роль языка как универсального средства коммуникации, без которого нет никаких социальных фактов; что же касается

последнего элемента, то, кажется, его формулировка говорит сама за себя – нет отдельного социального факта, нечто приобретает статус социального факта, лишь конституируясь среди себе подобных, включаясь в систему [10].

Особое место занимает понятие статус-функции, подчеркивающее, что людям присуща возможность наложения (присваивания) определенных функций некоторым объектам или людям – наложение на них функции требует коллективно признаваемого статуса; в качестве примеров Серль приводит денежную купюру (кусочек бумаги, получивший свой статус и соответствующую функцию). Раз речь идет о коллективном признании, то ясно, что статус-функция связана с коллективной интенциональностью и обладает определенной деонтической (то есть нормативно-принудительной) силой. Различие между институциональными и грубыми фактами вполне очевидно: какие-то факты не зависят в своем существовании от индивидов, какие-то для своего существования требуют наличия человеческих институтов, которые, в свою очередь, являются системой конститутивных правил.

Подчеркивая роль тех положений, которые были сформулированы в теории речевых актов еще в последней четверти прошлого века, Серль подчеркивает, что все институциональные факты создаются речевыми актами: «С важным исключением самого языка вся институциональная реальность и, следовательно, в некотором смысле вся человеческая цивилизация, создана речевыми актами, которые имеют ту же самую логическую структуру, что и декларации» [5, р. 12]. Примером декларации являются перформативные высказывания, примерами которых являются «я обещаю» или «я прощаю». Правда, оговаривается Серль, указанные речевые акты не всегда подлинно декларации, потому что не всегда наличествует декларативный речевой акт. Тем не менее, важно то, что Серль в данном случае не просто подчеркивает роль языка в создании институциональных актов, а заимствует по сути одно из базовых положений семиотики, согласно которому разговор о реальности ведется таким образом, что репрезентации этой реальности создают саму реальность; точнее, репрезентации не просто создают некоторую реальность, а репрезентируют реальность как реальность созданную. Серль продолжает: «Назовем случаи, в которых мы создаем институциональную реальность статус-функций посредством репрезентации их как существующих в качестве «деклараций статус-функций» (иногда, для краткости, «деклараций СФ»), даже в тех случаях, где отсутствуют в эксплицитном виде декларативные речевые акты. Требование, которое я излагаю и защищаю... заключается в том, что вся человеческая институциональная реальность создана и поддерживается в своем существовании посредством (репрезентаций, которые имеют ту же самую логическую форму, что и) деклараций СФ... [5, р. 13]. Данный тезис Серль подчеркивает неоднократно: «вся институциональная реальность создана лингвистической репрезентацией», «для того, чтобы институциональный факт существовал, всегда необходимы некоторые виды символической репрезентации».

Декларации же, в свою очередь, устанавливаются некоторыми конститутивными правилами, имеющими вид «X идет в расчет как Y в C» ("X counts as Y in C"). Подобные формулировки конститутивных правил вызывают ряд вопросов – как связанных с различием между тем, что является объективным в реальности, что субъективным, или с различием между эпистемической и онтологической объективностью (субъективностью), так и с принципами установления конститутивных правил и природой самой «формулы» «идти в расчет, приниматься». Подробное обсуждение данных вопросов заслуживает особого внимания и, действительно, Серль подробно обсуждает их в [5]. Отметим лишь, что Серль демонстрирует, что социальная реальность обладает характером эпистемической объективности, являясь при этом онтологически субъективной. «...Их онтологическое существование подчинено осуществлению их бытия только через мышление индивидов – то есть они являются чисто субъективным явлением, – но в контексте только тех индивидов, явление которых объективный факт», – пишет Ф. Мсимаанг [11, р. 177], обращая внимание на некоторые тезисы Серля, высказанные им в [12]. Важно подчеркнуть, вслед за Серлем, что конститутивные правила подобного вида «описывают некоторую совершаемую нами лингвистическую операцию, посредством которой мы создаем новые институциональные факты, факты, существование которых включает гораздо больше, нежели просто значение предложений и высказываний, используемых для их создания» [5; 15].

Внимательное рассмотрение конститутивных правил, и особенно их формулировок демонстрирует, что Серль, использует, без явного упоминания, целый ряд семиотических тезисов, прояснение которых существенно проясняет и его концепцию. Вряд ли в работах Серля можно обнаружить какое-либо упоминание о семиотике, знаке, семиозисе, хотя в семиотических словарях возможно встретить упоминание о Серле – впрочем, лишь в связи с речевыми актами. Но не только сама приведенная выше формулировка конститутивных правил является к определенному смыслу парафразой пирсовского определения знака, когда знаком является «нечто, способное в некоторых ситуациях быть заместителем чего-то иного» или, в иных формулировках, когда под знаком понимается все, что угодно, замещающее нечто для кого-то в некоторой ситуации [13], но и вся идея конструирования социальной онтологии представляется воплощением той идеи Пирса, которую он приводит в одном из писем Виктории Уэлби: «...Считаю, что наивысшая степень реальности достижима только с помощью знаков» [14, с. 281].

Речь не просто о том, что подход к конструированию социальной онтологии, предложенный Серлем, может быть интерпретирован в семиотическом каркасе; речь о том, что сам подход является семиотическим, даже если сам Серль не упоминает об этом. Чтобы понять это, достаточно говорить не о лингвистической операции репрезентации, под которой подразумевается, что она связана с естественным языком, а об операции семиотической, подчеркивая знаковый (а естественный язык – не более чем одна из знаковых систем),

то есть более общий характер. Репрезентации, о которых идет речь, не всегда и не обязательно имеют исключительно вербальный характер – так, в случае с денежной купюрой придание ей определенной функции вовсе не связано напрямую с вербализацией и вербальной репрезентацией.

Идея о семиотическом характере социальной онтологии Серля обсуждалась по меньшей мере с двух различных позиций – [11] и [15]. Различие между позициями связано прежде всего с тем, относятся ли используемые семиотические положения к социальной семиотике или к биосемиотическому подходу. Для В. Гвоздяка, тяготеющего к более лингвистическому взгляду, знак и репрезентация существенно интенциональны, знак «репрезентационен» и предназначен в первую очередь к тому, чтобы передавать значение, «репрезентация есть синоним интенциональности и ее проявление наиболее очевидно в языке» [15, с. 152] (под «языком» понимается естественный язык). Ф. Мсимаг предлагает более общий подход с точки зрения теории коммуникации, в которой социальная семиотика рассматривается как часть; в рассмотрение включены и неинтенциональные репрезентации знака, подобные «танцу» пчел или запаху скунса в том смысле, что, говоря ее словами, в функционировании и создании знаков как репрезентаций интенциональность вовсе не является обязательным компонентом. Контекст, в котором функционируют знаки, вовсе не ограничивается социальной коммуникацией, не является обязательно контекстом социальной реальности, но может быть расширен на, скажем, коммуникацию животных и даже передачу информации на клеточном уровне.

Если социальная онтология задается знаковыми репрезентациями, то следует уточнить определение знака: если знаком может быть все, что угодно, функционирующее как знак, то знаком является то, что используется как знак. Знаменитый пример с подмигиванием и его отличием от просто нервного тика связано именно с этим восприятием подмигивания / тика как знака, то есть интенционально мотивированного явления. Понятно, что даже произвольный тик может в коммуникации восприниматься как знак (например, некоторого заболевания или нервного напряжения), но в создании социальной онтологии важно не только восприятие чего-то как знака (с точки зрения получателя), то и намерение сделать нечто знаком (с точки зрения отправителя), мало того, нужно определенное взаимопонимание, взаимная «договоренность» относительно этого. С этой точки зрения в основе каркаса социальной онтологии находятся положения социальной семиотики, тем более что сам Серль неоднократно подчеркивал это различие между грубыми фактами, то есть фактами, относящимися к физическому (биологическому) миру, и фактами институциональными, составляющими социальную реальность. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что адекватное определение знака связано с процессами коммуникации, а принципы его осуществления могут быть структурно подобны в физическом мире и мире социальной реальности.

Вывод, к которому приходит В. Гвоздяк, может, тем не менее вызывать сомнения: он полагает, что концептуально подход Серля предлагает

объяснительную схему для решения ключевых семиотических вопросов – отличия знаков от не-знаков, места интенциональности в семиотическом описании и иных. Кажется, наоборот – семиотические исследования позволяют прояснить принципы социальной онтологии Серля или, точнее, эти процессы идут во встречном направлении и адекватное понимание социальной реальности у Серля невозможно без социально-семиотических построений, равно как и последние не могут быть корректно интерпретированы без тех понятий, которые характерны для структуры объяснения социальной реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мур, Д. Принципы этики / Д. Мур. – М., Прогресс, 1984 (английское издание – 1903 г.). – 326 с.
2. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз. – Новосибирск : изд-во Новосибирского ун-та, 1995 (английское издание – 1971 г.). – 532 с.
3. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002 (английское издание – 1965 г.). – 232 с.
4. Searle, J. R. The Construction of Social Reality / J. R. Searle. – N. Y. : Free Press, 1995. – 241 p.
5. Searle, J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization / J. Searle. – Oxford : Oxford Un. Pr., 2010. – 208 p.
6. Searle, J. R. Consciousness and Language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge Un. Pr., 2002. 269 p.
7. Остин, Д. Перформативные высказывания / Д. Остин // Остин Д. Три способа пролить чернила : философские работы. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 262–281.
8. Searle, J. R. Collective Intentions and Actions / J. R. Searle // Cohen P., Morgan J., Pollack M. E. (eds.). Intentions in communication. – MIT Pr., 1990. – P. 401–415.
9. Поспелова, О. В. Фундаментальная онтология Джона Серля и минимальные условия политического / О. В. Поспелова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 193–203.
10. Платонова, С. И. Теоретико-методологические основания социального факта / С. И. Платонова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–2 (69). – С. 142–146.
11. Msimang, Phila Mfundo. Living in One World: Searle's Social Ontology and Semiotics // Signs and Society, vol. 2, no. 2 (Fall 2014). – P. 173–202.
12. Searle, J. R. Social Ontology: The Problem and Steps Toward Solution / J. R. Searle // Tsohatzidis S. L. (ed.) Intentional Acts and Institutional Facts. Essays on John Searle's Social Ontology. Dordrecht. Springer. – 2007. – P. 11–28.
13. Скрипник, К. Д. Семиотический глоссарий: определения знака в семиотике Ч. Пирса / К. Д. Скрипник // Credo new. – 2004. – № 2. – С. 80–93.
14. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 352 с.
15. Gvoždiak, Vit. John Searle's Theory of Sign / Vit. Gvoždiak // Organon F 19. – 2012. – P. 148–160.

REFERENCES

1. Mur D. *Principy etiki* [Principles of ethics]. M., Progress, 1984. 326 p.

2. Roulz Dzh. *Teorija spravedlivosti* [The Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1995. 532 p.
3. Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. M.: Ideja-Press, 2002. 232 p.
4. Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. N.Y., Free Press, 1995. 241 p.
5. Searle J.R. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford, Oxford Un.Pr., 2010. 208 p.
6. Searle J.R. *Consciousness and Language*. Cambridge, Cambridge Un.Pr., 2002. 269 p.
7. Ostin D. Performative utterances. *Filosofskie raboty = Philosophical Works*. – Spb.: Aleteya, 2006, pp. 262-281. (In Russian).
8. Searle J.R. Collective intentions and actions. *Intentions in communication*. MIT Pr., 1990, pp. 401-415.
9. Pospelova O.V. The fundamental ontology of John Searle and the minimum conditions for political. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University after A.S. Pushkin*, 2010, vol. 2. No. 1, pp. 193-203. (In Russian).
10. Platonova S.I. Theoretical and methodological foundations of a social fact. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and practice*, 2016, No. 7-2 (69), pp. 142-146. (In Russian).
11. Msimang, Phila Mfundo. Living in One World: Searle's Social Ontology and Semiotics. *Signs and Society*, 2014, vol. 2, No. 2, pp. 173-202.
12. Searle, J.R. Social Ontology: The Problem and Steps toward Solution. *Intentional Acts and Institutional Facts. Essays on John Searle's Social Ontology*. Dordrecht. Springer. 2007. pp. 11-28.
13. Skripnik K.D. The Semiotic Glossary: Definitions of the Sign in the Semiotics of Charles Pearce. *Credo new*, 2004, No. 2, pp. 80-93. (In Russian).
14. Pearce Ch. *Nachala pragmatizma* [The Beginning of Pragmatism]. SPb.: Aleteya, 2000. 352 p.
15. Gvozdjak, Vit. John Searle's Theory of Sign. *Organon F* 19, 2012, pp 148-160.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Скрипник К.Д. Дж. Серль: аналитико-семиотический каркас конструирования социальной онтологии / К.Д. Скрипник // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 102–109.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Skripnik K.D. J. Searle: the Analytic-Semiotic Frame of the Construction of Social Ontology / K.D. Skripnik // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 102–109. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Данильянц Эдуард Игоревич – старший преподаватель кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Danilyants Eduard Igorevich – Senior Lecturer, the Department of Economics and Management, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Диванян Олеся Гиссовна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: olsiat.legendakavkaza@mail.ru

Divanyan Olesya Gissovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: olsiat.legendakavkaza@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: kolosowskay@yandex.ru

Kolosovskaya Tatiana Alexandrovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, North-Caucasus Federal University (Stavropol); email: kolosowskay@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveyev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Науменко Артем Александрович – преподаватель ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К.Серова» (г. Краснодар); e-mail: naum23@mail.ru

Naumenko Artem Aleksandrovich – Lecturer, Krasnodar Military Aviation School for Pilots Named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: naum23@mail.ru

Понарина Наталья Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: natasha021072@bk.ru

Ponarina Natalia Nikolaevna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: natasha021072@bk.ru

Пчелина Ольга Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола); e-mail: opchelina@yandex.ru

Pchelina Olga Viktorovna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola); e-mail: opchelina@yandex.ru

Скрипник Константин Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: skd53@mail.ru

Skripnik Konstantin Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Philosophy, the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: skd53@mail.ru

Соловей Дмитрий Владимирович – преподаватель ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» (г. Краснодар); e-mail: dimsol@bk.ru

Solovey Dmitriy Vladimirovich – Lecturer, Krasnodar Military Aviation School for Pilots Named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: dimsol@bk.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», (г. Ставрополь); e-mail: tkdmsg@rambler.ru

Tkachenko Dmitry Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, North-Caucasus Federal University (Stavropol); email: tkdmsg@rambler.ru

Третьяченко Дмитрий Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tdmityrs1982@mail.ru

Tretyachenko Dmitry Sergeyevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tdmityrs1982@mail.ru

Трубачев Игорь Вячеславович – преподаватель ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» (г. Краснодар); e-mail: tgarrik@rambler.ru

Trubachev Igor Vyacheslavovich – Lecturer, Krasnodar Military Aviation School for Pilots Named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: tgarrik@rambler.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 августа 2020 года.

Дата выхода журнала – сентябрь 2020 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Исторические науки и археология

Философские науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagru@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет 100 рублей.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7-10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3-6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (не менее 8 страниц без списка литературы).

9) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Koni is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defence. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defence.

Keywords: human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с.
2. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. – Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy* = *European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical university, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru.

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____

(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2 2020

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 7,87. Тираж 300 экз.
Заказ № 41/20.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net